

ЮРИЙ ВОРОБЬЕВСКИЙ

НЕОЖИДАННЫЙ АФОН

НАСТУПИТЬ

НА

АСПИДА

Юрий Воробьевский

**НАСТУПИТЬ
НА АСПИДА**
(Неожиданный Афон)

Москва, 2000

Ю. Воробьевский. НАСТУПИТЬ НА АСПИДА (Неожиданный Афон). М., 2000. 240 стр.

Эта книга — результат двух паломничеств на Афон (в 1998, 1999 годах) и в Турцию, по византийским древностям, (в 2000-ом). События происходят в сакральном треугольнике: Святая Гора — Византия — Россия.

Благодарю за фотографии участников этих поездок Владимира ХОДАКОВА и Георгия НАЗАРЕНКО.

“Успокоительница”.

†

Дорогой читатель!

Если эта книга подарена Вам в Ваш знаменательный день, то я с удовольствием присоединяюсь к поздравлениям.

Желаю Вам смело наступать на асфида и василиска.

С любовью - автор.

18.06.2000

ЮВ†.

АФОН И КОНЕЦ СВЕТА

В маленьком курортном городке Уранополи выдают афонские паспорта. Эта бумага называется “диамонитирион”. Она подписана руководителями кинота — руководящего органа монашеской республики.

На пристани, рядом со старинной византийской башней, садимся на паром. Железный мостик, по которому мы только что прошли, поднимается на цепях. Он становится тупым носом судна. “Святой Николай” отчаливает. Впереди, в пастельной голубизне Эгейского моря, медленно вырастает Святая Гора. Вершина накрыта одиноким облаком. Оно словно скрывает от взоров мира какую-то тайну...

В прибрежных скалах чернеют точки пещер. Паломники, оказавшиеся здесь впервые, наводят бинокли: наверно, в них подвизались (а может быть, подвизаются и сейчас!) афонские старцы. Но это не так. Отшельники никогда не селились у моря. Шум его отвлекает от молитвы. Безмолвие пустынь и гор — вот прибежище аскетов.

... И подняв якорь, пошли по морю, и развязав рүли и подняв малый парүс по ветрү, держали к берегү.

Попали на косү и корабль сел на мель. Нос үвяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн.

Вонны согласились было үмертвить үзников, чтобы кто нибүдь выплыв, не үбежал.

Но сотник, желая спасти Павла, үдержал нү от сего намерения, и велеү үмеющим плавать первым броситься и выйти на землю.

Прочим же спасться, кому на досках, а кому на чем нибүдь от корабля, и таким образом все спаслись на землю.

Как и нам спастись в бушующем море? Поколения и поколения русских паломников, отправляясь на Афон, задавались таким вопросом. Но во все времена старцы, способные дать ответ, были сокровенны.

Сама история спасения апостола Павла, которого везли в языческий Рим на суд кесаря, подсказывает: “”Обломками” от Апостольского Корабля для нас служат писания Отцов и их спасительный плач. На этих “обломках” и будем спасаться и входить в новое Время, духовное, разумное”.

Скорби и книги — вот наши старцы.

Наивны попытки отправляться на Святую Гору в поисках прозорливцев и чудотворцев. Если таковые на Афоне и есть, они откроются не всякому. И уж во всяком случае не “духовному туристу”. Однако на Афон можно и нужно плыть вместе с Иоанном Златоустом, старцем Силуаном, Григорием Паламой, Паисием Величковским, Игнатием (Брянчаниновым)... Многими и многими святыми, которые оставили для нас свои книги, эти спасительные “обломки” Апостольского Корабля...

Первые полчаса судно идет вдоль берегов, принадлежащих нашему Пантелеимонову монастырю. Вот грандиозные сооружения русского скита Новая Фиваида. (Он был создан в прошлом веке для бедных отшельников, которых греки вытесняли из занимаемых ими одиноких калив). Сейчас скит в запустении.

Во время диктатуры “черных полковников” греческое правительство вознамерилось провести на Афон шоссейную дорогу. Тогда патриарх Пимен выступил с официальным протестом. Строительство было отменено. Русские владения, идущие прямо от перешейка, который соединяет афонский полуостров с материком, защитили этот бастион благочестия. Каков символ! Антихристовы слуги и здесь не смогли продвигаться к своей цели, не пройдя русской земли!

В наши дни аккуратный, но мощный бульдозер Европейского сообщества двинулся по стопам “черных полковников”. Мы видели, как рядом с Салониками уже строят прямое, как стрела, шоссе. Стрела эта нацелена на Афон. Дорога, если ее сооружение будет попущено, принесет с собой все прелести современного мира. Пестрая, одетая в шорты, разнополо-бесполая толпа цивилизованных дикарей двинется сюда за но-

выми впечатлениями. Святую Гору поглотит пучина страстей. Будет нарушен и запрет, данный Пречистой Девой полторы тысячи лет назад.

В 422 году дочь византийского императора Феодосия Великого царевна Плакидия посетила здешний монастырь Ватопед, выстроенный иждивением ее отца. Но едва венценосная красавица вступила в притвор Благовещенского собора, как вдруг раздался грозный голос Богородицы: “Зачем ты пришла сюда? Здесь иноки, а ты жена; для чего же ты даешь врагу случай ратовать их преступными помыслами? — остановись! Ни шагу далее, если хочешь себе добра!” Плакидия в ужасе пала и молилась о прощении. Впоследствии она воздвигла в Ватопеде храм и повелела изобразить лик Матери Божией. Икона именуется “Предвозвестительницею”. После этих событий афонские отцы законоположили — не впускать женщин на Святую Гору..

Конечным пунктом строящейся дороги называют Лавру Афанасия Афонского. Однако в мистическом смысле эта дорога — к Концу Света. Почему — разговор впереди.

Мы в Византии

Верхний, раскаленный краешек солнца еще едва виден. И вот, выветив ненадолго вершину Олимпа — погас. На Афоне, живущем по византийскому времени, наступила полночь. Нас, четверых странников из России, она застала в греческом монастыре Ксиропотам.

В архондарике — гостинице для паломников — тихо. Многие спят. Впереди всенощная. Она будет особенно торжественной: завтра здесь престольный праздник — Воздвижение Животворящего Креста Господня.

Среди ночи всех будит деревянный стук била. Пора на службу.

Афон молится за благостояние мира ночью. Афон бодрствует, когда сам несведующий в тайнах своей остойчивости мир спит или развлекается. Афон светится Духом Святым, когда

мир погружен во мрак неведения. Афон излучает святость, а мир выбрасывает на его берега лишь кучи пластмассового мусора...

Сказано, что святые — соль земли; они — смысл ее бытия; они тот плод, ради которого она хранится. А когда земля перестанет рождать святых, тогда отнимется от нее сила, удерживающая мир от катастрофы [1].

Мы входим в храм. Из его алтаря вчера нам выносили хранящуюся здесь частицу Креста Господня. Она — крупнейшая из сохранившихся: более тридцати сантиметров в длину. Когда прикладываешься, успеваешь заметить: в одном месте дерево пробито гвоздем...

Все во мраке. Только блики от лампад маслянятся на золоте окладов и икон. Два монаха поют низкими голосами. Они как бы перекликаются. Вот голос звучит справа от алтаря. А вот — слева: “Кирие елейсон!” — “Господи, помилуй!” Вдоль стен — стасидии, высокие резные кресла. В них можно и стоять, опираясь на закругленные подлокотники, и сидеть. Праздничные службы длятся иногда по пятнадцать-семнадцать часов.

Сейчас здесь, наверно, все так, как было в Византии. Тысячу лет назад.

У Ксиропотама, первое упоминание о котором относится к пятому веку, — символическая судьба. Когда, сжегши монастырь Зограф, латиняне приблизились к этой обители, ее насельники встретили их с ветвями в руках. И отслужили вместе с пришельцами латинскую мессу. Но тут сотряслись камни обители. Монастырь был разрушен до основания. Было это в 1280 году, в правление Михаила Палеолога, императора-униата [2].

Позднее его сын восстановил стены Ксиропотама, но все же урок, данный царю на Святой Горе, не пошел впредь. Когда унию с Римом приняла вся Византия, ее стены пали.

А Афон — незыблемая твердыня древнего благочестия — остался. Ему суждено “пребывать” до Конца Времен. Разве не чудо? И разве не удивительно, что этот крохотный островок еще пополняется насельниками?!

...В соборном храме Ксиропотама возжигают свечи. Восковые, не менее метра длиной. Монах наделяет их огнем при помо-

щи длинного шеста. Загорается паникадило. Затем — хорос, огромный, шестиметровый в диаметре обруч, окружающий паникадило. На нем — кресты, двуглавые орлы, затейливые узоры. Засвечиваются и большие лампы, находящиеся с трех сторон от хороса. Впереди — кульминация богослужения...

Символика светильников имеет на Афоне особое значение. Нам рассказывали о неугасимой лампаде, что висит над Царскими вратами соборного храма Иверского монастыря. Во время праздничных служб она чудесным образом начинает раскачиваться: таков знак присутствия Матери Божьей. Но иногда лампада приходит в движение и по будням. Раскачивается тревожно. О чем же предупреждает Богородица афонских насельников, а через них — всех христиан? Об испытаниях, которые Господь попустит за наши прегрешения. Непокойна лампада — жди мировых потрясений.

Вот современное свидетельство: "...перед тем, как турецкие войска напали на Кипр, лампада качалась в будни так, что масло переливалось через край. То же происходило накануне американо-иракской войны. Качался удивительный светильник и перед землетрясением в Армении. Иверские иноки внимательно следят за состоянием лампы. Когда она начинает раскачиваться в непраздничное время особенно сильно, об этом сообщают во все монастыри Святой Горы. После этого начинаются соборные моления о милости и заступничестве Пречистой. Передают об этом событии и отшельникам афонским с просьбой усилить молитвы и усугубить пост..."

"Лампада Вратарницы"

В древности из двухкилометровой беломраморной горы Афонской хотели иссечь гигантскую статую Александра Македонского. Чтобы ногами она стояла у моря, а главою поднималась выше облаков. В одной руке этот колосс держал бы целый город, из другой — истекал бы водный поток. Однако царь отверг предложение ваятеля Динократа. Святой Горе была уготована другая судьба.

...В день Рождества Пресвятой Богородицы каменистые тропы вывели нас на высокий берег. Перед нами — небольшая бухта. Рядом — стены Иверона.

Здесь в языческие времена стоял город Клеоны, высились колоннады капищ бесовских. Когда Мать Божия отправилась к Лазарю Четверодневному на Кипр, в море разразилась страшная буря. Корабль прибило к этим берегам. (Тогда Афон назывался Аполлониадой). Как только Пресвятая Богородица сошла на землю, кумиры рассыпались в прах.

Так Афон был дан Ей в удел. Так оказался он под омофором Чудной Девы, первой из людей получившей благодать обожения. Первой — молитвами своими — достигшей полного преображения всего человеческого естества. “Бога неместимого вместившая”, она и станет начальницей “рода монашеского”.

Много веков спустя именно сюда, к Иверону, приплыла по волнам икона Божией Матери, названная Иверской.

Во времена византийского иконоборчества [3] воин, ворвавшись в благочестивый дом, ударил этот образ копьем. И тут же, к его ужасу, по лику Пречистой заструилась кровь. Он пал на колени. По его совету, вдова, владелица иконы, спасая образ от поругания, пустила его с молитвой по волнам. Прошло несколько веков. И вот он чудом, в столбе света, поднимавшемся до небес, приплыл к берегам Афона. Икону поместили в алтаре храма Иверского монастыря, но наутро она оказалась над воротами обители. Так продолжалось несколько дней. Наконец Мать Божья явилась во сне старцу и сказала: “Я не желаю быть охраняема вами, а хочу быть вашею Хранительницею... Доколе будете видеть икону Мою в обители сей, доколе благодать и милость Сына Моего к вам не оскудеют”.

Русский инок Парфений, постриженник афонский, свидетельствовал, что во время греческого восстания 1822 года, когда Иверский монастырь был полон турецких солдат, они не смогли потревожить украшенной драгоценной ризой, многими великолепными дарами Вратарницы. А несколько лет

спустя служащий при иконе монах с изумлением увидел одетую в черное Женщину. Она усердно подметала обитель. “Пришло время хорошенько вымести весь монастырь. Уж столько лет стоит неметенный”, — сказала Жена и сделалась невидимою. Вскоре султан издал фирман, чтобы все солдаты покинули Святую Гору, хотя до этого не раз грозился разрушить ее обители до основания.

Богородица ходит по этой земле.

21 августа 1903 года монахи раздавали милостыню у Великих ворот Пантелеимонова монастыря. Иеромонах Гавриил сделал снимок и изумился. На серебряной пластине проявилась фигура, которой он не видел. Образ Богоматери, смиренно получающей благословенный ломоть хлеба! Незадолго до этого некоторые из подвижников видели Дивную Жену наяву.

21 августа должно было стать последним днем традиционной раздачи хлебной милостыни бедным отшельникам-сиротам. Полученная из протата эпистолия называла такую практику бесполезной и для многих даже вредной. Но Пречистая Дева судила, видно, иначе... Тогда же насельники вспомнили, что лет за пятнадцать до происшедшего Матерь Божия явилась одному из монахов и передала: “Скажи отцу Макарию (настоятелю — Ю.В.), чтобы не затворяли врата для нищих, ибо у меня много золота и серебра”.

Спустя 95 лет поразительную фотографию нам подарил русский афонский монах Лазарь...

Да, перед Концом Света и Афон погрузится в пучину страстей. Иверская икона таким же чудесным образом, как явилась, покинет Святую Гору. Это будет одним из предзнаменований Второго Пришествия.

Теперь в Ивероне те старые врата заложены. Рядом с ними — небольшая церковь, в ней и находится Вратарница. Когда мы вошли, храм был пуст. Каждый мог взглядеться в чудесный образ. Он отличается от большинства известных нам списков. На лице — как будто свежая рана. На вые застыл ручеек темной запекшейся крови.

Пресвятая Богородица, спаси нас!

В соседнем, также безлюдном храме — та самая серебряная “Лампада Вратарницы”. Здесь же — две древние византийские иконы из Константинопольской Софии. “Когда-нибудь они возвратятся на свое место”, — убежденно говорит греческий монах. Взгляд поневоле падает на лампаду. Недвижима!

Монахи и бесы

Сумерки застали нас у подножья Святой Горы врасплох. Стучимся в ворота одной кельи — тишина, никто не открывает. В другой — то же самое. Вдруг откуда-то сверху, из зарослей, по-русски: “Кто такие?”

— Паломники из Москвы.

И после небольшой паузы: “Поднимайтесь сюда”.

Так мы оказываемся в сложенной из плоских камней, кажется, даже не скрепленных раствором, келье русского отшельника игумена Венедикта. Впрочем, старца нет дома. Нас принимает его послушник отец Кукша.

— А мы уж совсем было собрались прилечь на полянке...

Наш собеседник покачивает головой: “Здесь, особенно на Каруле, за стенами келий лучше не ночевать”.

— Змеи?

Отец Кукша смотрит на нас пристально и серьезно. Похоже, взвешивает, как мыотреагируем на услышанное. Наконец отвечает: “Бесы... Здесь ведь как: становишься на молитву, а вокруг кельи — стук копыт. Вроде мул скачет кругами. А какой тут мул: с одной стороны пропасть, с другой — скала.

Пугают... Порой над ухом рыкнет так, что волосы дыбом встанут. Однажды без видимой причины в сердце вошел неопишуемый ужас [4]. Тут же упали нары. По полу заметались полчища крыс. А я стою и Иисусову молитву вспомнить не могу. По букве высвечиваю ее в сердце. Наконец осилил до конца, и страх отступил [5].

Недавно в соседней келье у нас священник один ночевал, тоже паломник. Он, похоже, счел, что я тут от одиночества мышиноного писка пугаюсь. А наутро пришел — весь синий.

Ночью, говорит, кто-то схватил за руки-за ноги и пытается вытащить из кельи. А что значит вытащить — в двух шагах за дверью — пропасть! Ничего не видно, хоть глаз выколи. Перекреститься священник не может, так крепко держат. В конце концов все же сотворил крестное знамение, включил фонарик — никого...[6].

А старцы бесов гоняют. Да и как врагам не бояться таких, как наш сосед отец Стефан! Ему сама Богородица являлась. Когда-то власти хотели выселить его за то, что он занял участок карульской земли, не заплатив денег. Тогда Мать Божья встала на пути изумленных полицейских”.

Про отца Стефана мы слышали и раньше, в Пантелеимоновом монастыре. Некоторые считают, что у него дар прозорливости. Во всяком случае, когда у старца был наш монах Софроний, тот вдруг нарисовал ему какую-то карту и дорогу. Потом написал: “120 километров”. Вскоре монаха увезли в Салоники на операцию.

“Впрочем, заговорились мы, — говорит отец Кукша. — Тесно у нас. Двоим в ту самую келью идти надо. И, обращаясь ко мне: а вы ляжете тут у входа. Видите, дверь я запираю. Ночью, если кто войдет, вы помните: дверь заперта. Надо успеть перекреститься... Тут заходят ночью”.

Свет погас. Где-то заскреблись мыши. Творю Иисусову молитву...

Среди тревожного зыбкого сна слышу шаги за дверью. Человеческие. Может, кто-то из наших? По узкой тропинке над обрывом в такой темноте пройти без фонарика невозможно. Я приподнимаю голову: света не видно. А шаги слышны. Крещусь, пока снова не охватывает сон. Все это повторяется еще не раз. Рассвет встречаю с облегчением.

Через несколько дней один из моих попутчиков, ночевавших в соседней келье, человек уже немолодой, серьезный, сказал: “А знаешь, что со мной той ночью было? Проснулся, а рядом — жена... Она умерла полтора года назад. Я чувствую тепло ее тела, ее плоть. Во мне просыпается такое чувство, как тогда, когда она была жива. Она манит

меня. Я наклоняюсь к ней и целую ее... И тут же видение исчезает”.

Как взволновал меня этот рассказ! Что это было! Суккуб приходил в образе женском? Но почему же попущено бесам так легко подходить к человеку? Из этого волнение вновь — в который раз — вынесли “обломки” Апостольского корабля.

“Со времени падения человека диавол получил к нему постоянно свободный доступ, — пишет свт. Игнатий (Брянчанинов), — Диавол имеет право на этот доступ: его власти, повиновением ему, человек подчинил себя произвольно, отвергнув повиновение Богу. Бог искупил человека. Искупленному человеку предоставлена свобода повиноваться, или Богу, или диаволу, а чтоб свобода эта вынаружилась непринужденно, оставлен диаволу доступ к человеку”.

“В первые дни на Каруле я боялся бесов. Хотел уйти отсюда. А потом думаю: это мой дом, пусть они уходят. Креста они не выносят. Я как-то ночью смотрю: штук сорок спускается по дороге. Ничего, думаю, подойдите поближе. А потом — крестным знаменем их. Они бегут, злобствуют, грозят. Кричат так: вы, монахи, хотите наши места занять”... [7].

Мы у сербского отшельника схиархимандрита Стефана. На Афоне он полвека. На Каруле, в одиночестве своей кельи, — сорок лет.

О старце говорят разное. Одни, — что впал в прелесть, слишком много говорит, постоянно в беспокойном движении. Другие считают, что он юродствует. Впрочем, не нам судить.

Встретил он нас действительно необычно: в мирской одежде сбежал по тропинке навстречу. Что-то напевает, посвистывает. Издали кажется стройным юношей. Вот только седая борода и длинные волосы, превратившиеся в настоящий войлок.

Мы познакомились. “Георгий? — переспрашивает старец. — Это хорошо. Святые мученики по молитве приходят на помощь раньше всех”.

Он приглашает к себе. С пристани, если задрать голову, его келья видна, но самим ее найти было бы невозможно. Монах раздвигает густые кусты. За ними — едва заметная каменная тропинка. Крутая! Местами надо подтягиваться, держась за веревку. Наконец мы в его владениях.

Основой кельи является пещера, в которой два небольших озерца. У входа в пещеру старец десятилетиями и возводил стены. Здесь храм, небольшая гостиница для паломников, хозяйственные постройки. (Увы, когда мы побывали на Афоне через год, еще подплывая к Каруле, увидели на месте кельи отца Стефана обгоревшие развалины. Пожар истребил все плоды его строительных трудов).

Отшельник говорит быстро, на смеси русского и сербского, но понятно практически все.

“Землю на огород носил издали. Пять тысяч раз ходить пришлось! А камни — снизу поднимал, от пристани. По ночам таскал. Прохладно, луна светит, хорошо! Я сильный был. Не лечился никогда”.

Старец стоит рядом с крестом, на котором написано: “1922. Схиархимандрит Стефан”. Могилу себе уже подготовил.

Хозяин на минуту оставляет нас и возвращается в облачении. В нем одна необычная деталь. На вязаной шапочке — значок четников, сербских партизан-монархистов времен Второй мировой. Отец Стефан командовал таким отрядом.

“Меня и расстреливали, — рассказывает он. — Поставили к стенке и с нескольких метров двое — из автоматов. Никак попасть не могут. Я бросился бежать. Пули вокруг тела свистят, одежду прожигают. Так и ушел. Без единой царапины”.

Мы оказываемся в комнатке с видом на море. Она вся в иконах. Много и фотографий. Их оставляют, присылают этому необычному монаху паломники, благодарные за духовную помощь. На одном снимке — сам отец Стефан. Что-то пишет, а рядом — голуби.

“Птички любят, когда я пишу”, — говорит келиот.

Тут же — множество книг. Карульский старец известен своими богословскими трудами. Он пишет их на греческом, английском, немецком языках.

“Сейчас готовлю книгу о Конце Света, — говорит отец Стефан. — Люди боятся двух зол — болезни и войны. А их надо использовать во благо. Они о страхе Божиим напоминают. Недавно, после урагана, когда я таскал поваленные деревья, заболело вдруг сердце. Голова горячая. Я говорю: “Слава тебе, Господи!” И все прошло. И за болезнь, и за смерть — за все благодарить надо.

А война? Вот Америка всегда завидовала громадности России. В начале века американские масоны дали денег Японии для войны с нею. В России православный царь был, он молился. Во время сражений многие видели, как ангелы забирали души погибших христиан на Небо. Во время Второй мировой, когда воевали безбожники, подобного не было.

Исповедуйся, причащайся и ничего не бойся. Исповедь — это ключ от Царствия Небесного... Запомнили вы или нет, я вам сказал все. Будет война или нет — знаете, что делать.

А Америка, кстати, скоро рухнет. Пропадет страшно, начисто. Американцы будут бежать, стараться спастись в России и Сербии. Так будет”.

Наш хозяин направился приготовить неприхотливый обед: “У меня любят останавливаться. Я богатый”.

В отличие от большинства зилотов, монахов-ревнителей, живущих по наиболее строгим уставам, старец разрешил сделать фотоснимки. Только с условием — чтобы видны были посаженные им цветы.

С каким смирением он исполнял наши просьбы, отвечал на вопросы! Вспоминается и острый взгляд его. Казалось, что про каждого из нас он знает. Неожиданно, наверно, чтобы сделать приятное, запел: “Ты, товарищ мой, не попомни зла...”

На прощание схимник подарил нам по иконке Божией Матери Троеручица.

На склонах Святой Горы

От карульской пристани и начинается подъем на Святую Горю. Кругом огромные кактусы. Их головки с семенами, покрытые мириадами мельчайших иголок, съедобны. Вкус бледный, немного напоминает хурму. На Каруле, которую всегда называли суровой и голодной, кактусы — подспорье в питании аскетов. Ведь рацион их веками состоял из оливок да сухарей. Раньше из своих “ласточкиных гнезд” отшельники на длинных веревках спускали корзины, а проплывавшие мимо рыбаки оставляли припасы. Такой подъем и получил название “каруля”.

Крутая тропа обильно унавожена мулами. На них погонщики-албанцы возят наверх камень и продовольствие. Впрочем, крещеные албанцы появились здесь недавно. Раньше и камни, и землю носили монахи. Иной раз смотришь на какую-то остроконечную вершину, куда, кажется, и забраться то невозможно, а на ней — калива. (Уединенное жилище — без храма — для одного-двух отшельников).

Безчисленные развалины построек, выложенные камнем террасы встречаются на Афоне постоянно. А находящиеся в запустении пятиэтажные, сложенные из огромных монолитов здания Пантелеимонова монастыря! В его старой мастерской, где стоит оборудование начала века, — множество кожаных ремней от грыжи. Тяжелы иноческие послушания! Весь Афон вымошен камнем монашеских трудов. И это лишь видимый образ молитв [8].

Молитвы вознеслись к Небу, камни остались на земле.

...Выше Карули начинается Катунакия. Добравшись сюда под палящим солнцем, мы остановились, обливаясь потом. Из кельи навстречу вышел молодой монах. Обычное афонское приветствие: “Эвлогите (Благословите)”. Наш собеседник отвечает: “О Кириос (Господь благословит)”. Мы показываем наверх и произносим одно из немногих знакомых нам греческих слов: “А́тос (Афон)”. Но монах немного говорит по-

русски. Тут же появляется традиционный набор для паломников — стопка вкуснейшего ликера (в нашем монастыре подают анисовую), рахат-лукум и стакан холодной воды, которая сейчас ценнее всего.

Наш новый собеседник, Василий, — тишайший и необыкновенно мягкий в общении. По крови он кавказец. Шестилетним ребенком его вывезли из Казахстана. Последние несколько лет — на Афоне. Мы оказались в келье, где подвизаются иконописцы, в основном молодые монахи. Их называют “климеосы”, по имени старца, основавшего эту обитель. Рядом с нами за столом — нынешний настоятель, отец Хризостом.

Брат Василий показывает мастерские. Оказывается, именно здесь была написана знаменитая Иверская Монреальская икона. И именно отсюда вместе с Иосифом Муньосом Кортесом она начала свой путь по миру. Буквально за пять дней до нашего прибытия точная копия мироточивого образа, исчезнувшего после убийства брата Иосифа, была отправлена отсюда в Америку. Ее заказал Дом Иконы, созданный друзьями и соратниками Муньоса Кортеса. Как и первую икону, ее написал отец Хризостом.

Братья, подвизающиеся в Катунакии, — зилоты, ревнители благочестия. Забраться в их кельи порой можно лишь держась за цепь. Эта труднодоступность — символ монашеского подвига.

Во время подъема вечер застал нас в Кирасии. Прежде, чем дать ночлег на жестком аскетическом ложе, монах несколько раз переспросил: “Ортодокс? Ортодокс? (Православные?)” Мы ответили крестным знамением. Тогда он указал на храм Георгия Победоносца, на заселенные и пустующие кельи и коротко сказал: “Руссик”. Почти все это было построено в прошлом веке выходцами из нашего монастыря [9].

Зилоты не поминают в молитвах патриарха Варфоломея, хотя Афон традиционно является канонической территорией Вселенского патриархата. Рассказывают, что однажды они даже не пустили Константинопольского первоиерарха в свой

монастырь Есфигмен. Над входом в обитель надпись: “Православие или смерть!”

Зилоты говорят: “Варфоломей — масон. Варфоломей благословил в Греции деятельность лож. Варфоломей сослужит с папой Римским. Варфоломей — экуменист, нарушил едва ли не все существующие каноны. Не случайно его предшественника — масона Мелетия — убило молнией. Недаром тела последних Вселенских патриархов-масонов, — например, Афиногора, — в который раз откапывают неразложившимися черными и смрадными. Да, они не похожи на мощи святых...”

Некоторые называют зилотов раскольниками. Другие, как правило, опытные афонские монахи, более сдержанны: мы не можем судить человека раньше Бога.

Одни считают: “Нельзя, подобно зилотам, выходить из литургического общения с Церковью, подвергая сомнению сам принцип иерархии. В афонских монастырях монахи встречаются, отдавая свой духовный опыт на обсуждение другим. Тем самым они избегают крайностей. А Варфоломей, масон он или экуменист, на Суде Божиим ответит за себя сам. Мы, простые монахи, должны молиться о своем спасении”.

Есть позиция и прямо противоположная: “Опыт Вселенских Соборов показывает, что правыми нередко оказывались те, кто был в абсолютном меньшинстве и даже обвинялся в том же самом расколе. Зилотов обвиняют те, для кого их благочестие — упрек. И кто, возможно, уже сам, подобно Варфоломею, стоит на пороге канонических отклонений. На пороге не вымышленного, а реального раскола” [10].

Ночью, в непроглядной темноте, нас разбудил дикий вой. Кажется, он перекидывался с одного склона горы на другой. И в абсолютной тишине, взяв в союзники горкую акустику, вой этот достигал поистине дьявольского звучания. Его жуткая тональность пробиралась куда-то в самый несмелый уголок души... Это были шакалы. Но про них

объяснили нам уже потом. А тогда, на черном фоне афонской ночи, воображение уже начало было рисовать картины черными красками греховного испуга. Вспомнились и неразложившиеся тела патриархов, и полчища бесов, что атакуют отшельников.

Слава Богу, тьма заблуждений всегда рассеивается Солнцем Правды.

От Кирасии подъем на Святую Гору идет через лес. Из тенистой чащи то и дело выныриваем на яркие поляны. Они словно вытоплены жаркими лучами из прохладной зелени. Здесь сразу обдает сладким запахом. Может быть, это не просто аромат цветов? Может быть, это благовонные молитвы, возносимые кем-то невидимым?

Афон хранит предания о незримых старцах. Иногда говорят, их сорок; иногда — двенадцать [11]. Есть среди них и греки, и русские, и сербы... Подвизаются они как раз на склонах Святой Горы.

Один из самых известных сюжетов таков. Однажды молодой послушник встретил в горах похоронную процессию.

— Пойдем с нами, — сказали ему шедшие за гробом.

— Сейчас, только спрошу благословения своего старца, — ответил послушник.

— Неразумный! — воскликнул его учитель. — Ты видел по соседству хоть одну келью? Это же были старцы! Я всю жизнь молюсь, чтобы увидеть их, а ты не пошел с ними! Беги следом!

Но процессии на горной тропинке уже не было.

Говорят, когда умирает один из этих аскетов (порой их называют восками, то есть пасущимися, питающимися лишь дарами природы), незримое братство забирает с собой еще одного афонского монаха.

Молитвы старцев о благостоянии мира особенно сильны. Но есть в их миссии что-то еще. Еще одна загадка...

“К преданиям о старцах мы относимся очень серьезно, — говорил нам духовник Пантелеимонова монастыря иеромонах Макарий. — Когда новые поколения русских монахов в

80-х, начале 90-х годов стали прибывать на Афон, они еще застали в живых некоторых великих молитвенников, сохранивших святогорскую традицию в самые тяжелые времена. И они относились ко всему, что касается старцев, как к абсолютной истине. Предания эти берут начало в откровениях Матери Божией подвижникам Афона”...

Под пенье терирема

Дальнейший рассказ предупредим словами отца Паисия о своего рода “духовном туризме”. Афонский старец имел в виду тех посетителей Горы, которые передают впечатления, ситуации, переживания в чрезмерно преувеличенном, преукрашенном виде. Поэтому, напомнив эти слова себе самому, автор постарается спрятать увеличительное стекло своей фантазии и палитру воображения.

Афонские монахи чутко прислушиваются к знамениям последних времен. С сокрушением нам рассказывали о судьбе древней оливы, выросшей из косточки того дерева, под которым была усечена глава святого Пантелеимона [12]. До недавнего времени олива зеленела рядом с храмом, в котором хранится честная глава великомученика, и вот засохла. (Этот факт соотносят с подобной судьбой Мамврийского дуба в Палестине).

Второй удел Пресвятой Богородицы всегда особенно чутко свидетельствовал о происходящем в России. В стране, ставшей последним Ее уделом. В Покровском храме Пантелеимонова монастыря — удивительная икона Спаса Нерукотворного. Черный, почти неразличимый лик. Он немного просветлевает лишь во время молитвы. Икона потемнела в день убийства Царской Семьи. Суждено ли ей обновиться?

“В кельях, — говорил нам монах Лазарь, — словно затишь, но мы духовно чувствуем, что происходит в нашей стране и в мире. Из России привозят все больше синодиков для поминовения, в которых то и дело: “убиенный”, “пропавший без вести”.

Наступит время, когда, как и до революции, к пристани Пантелеимонова монастыря будут постоянно идти пароходы. Для многих наших соотечественников паломничество на Афон станет последней возможностью покаяться.

Раньше в монастыре служилось до сорока литургий в день. Слава Богу, теперь уже тридцать престолов восстановлены”.

Молитвами монахов мир еще держится. Молитвами живых и усопших.

В костнице Пантелеимонова монастыря, всегда с Псалтирью в руках, несет послушание отец Павел, пожилой уже человек, приехавший из Чернигова.

“Согласно византийской традиции, мощи усопших монахов через три года после захоронения откапывают и омывают, — говорит отец Павел. — Афонской земле даровано удивительное свойство — свидетельствовать о благочестии почивших. Когда череп оказывается белым — достойный был монах. Если слегка желтоватый — за него надо молиться. А восковая, благоуханная глава свидетельствует о том, что принадлежала она настоящему подвижнику.

Вот они и молятся за нас”, — голос отца Павла дрожит.

На Афоне, запретном для женщин, по плоти люди не рождаются уже полторы тысячи лет. Здесь рождаются в вечности, проходя врата смерти. Не умерев, человек не может воскреснуть.

На полках костницы — черепа поколений и поколений русских монахов. На челе обычно написаны имя и дата смерти... Вот как бы святая, действительно словно восковая, глава афонца, почившего в конце прошлого века. Читаем: “схимонах Исидор”. Моли Бога о нас, отче Исидоре!

В Покровском храме братского корпуса, в параклисе св. Димитрия Солунского, хранятся глава евангелиста Луки, частицы мощей Иоанна Крестителя, Николая Чудотворца, безсребренников Козьмы и Дамиана, многих и многих угодников Божиих.

“Когда мы поднимаем эти стекла, разносится удивительный аромат, — говорит монах Лазарь. — Сильнее всего благоухают мощи мучеников”.

...Паникадило в храме Ксиропотама, впрочем, как и в других афонских церквях, висит низко. Цепи уходят в полумрак купола. Туда, откуда каждый ощущает на себе строгий взгляд Пантократора-Вседержителя. Во время полиелея монах, выйдя в центр, начинает медленно раскручивать пылающую громаду. Другой шестом раскачивает хорос, соседние лампы. И вот все это торжественное пламя приходит в движение. Вступает хор. Низкий, унисонный, гудящий звук. Кажется, что издают его вращающиеся светильники.

Перед тобой — движение Вселенной, и ангелы славят ее Создателя. Звучит терирем — неизъяснимая песнь пророков [13]. В этом пении нет понятных человеческому разуму слов. Это отзвук ангельских хоров. Это то, что боговдохновенные молитвенники смогли вместить во время озарения.

Радость! Чудо! На земле мы или на Небе?

Не такое ли торжество особенно поразило послов князя Владимира под сводами константинопольской Софии!?

...Наши соотечественники появились на Афоне еще до крещения киевлян. Возможно, впервые это произошло во времена императора Михаила III (около 842 года), когда “приходила Русь на Царьград и многие русы крестились”. А уже в 1016 году под актом монастыря Ксилургу стоит подпись “монаха Герасима, пресвитера и игумена обители Русской”.

Позднее, в 1169 году, русские получили в свое владение захудалый монастырек Фессалоникийца (ныне это скит, называется он Старый Русик), посвященный великомученику Пантелеймону [14]. Акт, подписанный всеми игумнами Святой Горы, гласит, что монастырь “дарован на вечные времена русским как людям усердным, тщательнейшим в делах житейских и ведущих жизнь похвальную”. В своей книге, изданной в Одессе в 1867 году, архимандрит Леонид пишет: “Местное предание, относя основание первой русской обители на Святой Горе ко времени князя Ярослава, прибавляет еще то, что

это сделано с участием супруги Владимира “Анны Грекини”, испросившей для русских пришельцев на Святую Гору у своих братьев — византийских императоров Василия и Константина — один из многочисленных тогдашних монастырьков”.

Именно на Афоне были переведены с греческого языка важнейшие богослужебные книги. Отсюда русские паломники вынесли сказания о святых, их подвигах, монастырские обычаи и уставы [15].

Символично: стопа первокрестителя Руси апостола Андрея находится именно в нашем монастыре.

Восхождение к восьмому дню

“...взяв Петра, Иоанна и Иакова, взошел Он на гору помолиться.

И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею”. (Лк. 9, 28-29).

Ежегодно — во образ восхождения на Фавор — афонские монахи поднимаются на Святую Гору в праздник Преображения Господня. Говорят, что в этот день на благословенной вершине всегда стоит облачко — таков знак Богоприсутствия...

Последнее строение перед вершиной Афона — Панагия. По преданию, восходила сюда Сама Матерь Божия. В этом каменном домике — маленький храм и помещение для ночлега. Есть матрасы и одеяла. Но ночуют здесь редко. Холодно. Даже сейчас, в разгар дня, нас окружают облака; их влажные объятия заставляют поеживаться. На вершине, как нам говорили, температура ниже нуля. Мы все чаще посматриваем вверх. Далеко ли еще идти? Все устали.

У Панагии тихо, но слышно, как вверху шумит почти не стихающий ветер. Шум этот далекий и мягкий — как будто клубящаяся влажная вата шуршит о скалы.

Наконец облака остаются ниже. Последние, могучие, искривленные ветрами сосны. Далее — сплошной камень. Светлый, словно выгоревший на солнце мрамор. Путь иногда помечен маленькими металлическими стрелочками, но чаще —

пятнами красной краски. Иначе тропинка была бы почти неразличимой.

Именно здесь, в этой сосновой роще, узрел себя в удивительном ведении афонский монах Феофан, тот самый, который записал посмертное пророчество Нила Мироточивого, живший в начале XIX века. Феофан увидел пустые виноградники. Ни одной ягодки не было на лозах. Увидел недоумевающих монахов — куда девался весь урожай? То были святые афонские, основатели обителей, не нашедшие среди их новых насельников ни одного плода... Потом увидел Феофан высокую мачту над Панагией, к ней одним концом был прикреплен огромный парус, покрывавший весь Афон. Другими своими концами он был прикреплен к Ксиропотаму и Ивернону. Внезапно прогремел удар грома и раздались слова: "Отнимите покров, ибо нет больше для виноградника нужды в покрове сем". И тогда некие спустились с вершины Горы и начали с помощью канатов собирать белый парус. Там, где освобождалась от него земля, начинался страшный ураган. Возопили преподобные афонские, стали молиться слезно, ухватились за края полотнища. И тогда вышла из Панагии Богородица с Младенцем. И совсем было Он хотел распорядиться, чтобы скорее собирали парус, но, внимая молитвам, задержала Матерь Божия властное движение руки Сына Человеческого, и прикрыла уста ладонью Своей. Не успел Господь произнести над Афоном решающего слова. И все еще удерживают преподобные Покров Богородицы.

... Мы огибаем очередную скалу... Перед нами — вершина. Долгожданная и неожиданная. Она увенчана православным металлическим крестом. Поднимаемся к его подножию. Отсюда, в просветах облаков, полуостров виден как на ладони. На всем своем восьмидесятикилометровом протяжении. Монастыри кажутся маленькими светлыми пятнами.

Нас предупреждали: чтобы посмотреть вниз, придется буквально подползать к краю — порыв ледяного ветра может сбросить в пропасть. На самом же пике устоишь, лишь крепко держась за крест.

Однако нам таких искушений дано не было. Дуновение совсем слабое, взятые с собой ватники ни к чему — тепло в одних рубашках. Холодная вода из устроенного здесь же колодца, очень кстати.

На вершине одновременно может поместиться лишь несколько десятков человек... А вот и маленький Преображенский храм. Говорят, в него часто бьют молнии, и Лавре приходится его ремонтировать. Однако мы застали храм в полном порядке. Построен он в конце прошлого века. Но, видимо, раньше здесь была другая церковь. Во всяком случае, Святогорец рассказывает в своей известной книге, что видел на вершине русский антиминос времен императрицы Елизаветы. Он прочел на нем следующую надпись: “Антиминос, снести трапеза священная на приношение безкровная жертвы в Божественной Литургии освятися благодатию Пресвятаго и Животворящаго Духа; сего ради имеет власть священнодействовать во храме, верху Афона, Преображения Господня”.

Меж тем мы оставляем здесь ладан и иконки, привезенные из России. Молимся... Поневоле вспоминаются те самые загадочные афонские “воски”. В чем же главная миссия этого незримого братства?

В последние времена они выйдут из своих укромных убежищ на склонах Святой Горы. Соберутся вместе и начнут таинственный подъем...

Мир будет открыт всем ветрам телевизионной лжи, “космического сознания” и психо-демонических воздействий. Пока идут всего лишь опыты. Локальные атаки. Но их масштаб нарастает. И они прокатываются от Святой Горы до Третьего Рима [16].

Армия антихриста уже формируется. Ее лепят из вязкой массы тех, кому открывается тайна каббалы: бог, которому следует поклоняться, — сатана.

Тысячи клонов, этих Каинов в законе; толпы одержимых жертв каббало-чернокнижия; массы забесовленных оккультных революционеров; целые колонии вылезших из подвалов сатанистов... Все они составят штурмовые отряды гонителей Православия.

Их ярость будет признана законной, ибо человеческие законы, веками создававшиеся по подобию божественных, переписываются сейчас велиаром. И адвокат ада старается вовсю...

Так долго лелеимые меньшинства (проекции первого меньшинства, низверженного с Неба), сольются, закопошатся sodomским большинством.

На жертвеннике третьего иерусалимского храма сожгут красную телицу; ее пеплом, смешанным с водой, окропят собравшихся у ворот иудеев.

Грех, состоящий в преступлении всех божественных границ, уже не крадучись, а гордо пересечет границу афонскую и торжествуя затопит святогорский полуостров.

Иверская икона покинет Афон, и выпустят святые афонские Покров Небесный из рук своих.

Более или менее гуманно будет сокращено “лишнее” население планеты. “Золотой миллиард” достигнет небывалого благоденствия плоти.

И уместно вспомнить будет слова апостола Павла: “Когда будут говорить мир и безопасность; тогда внезапно постигнет их пагуба” (1 Фес. 5: 3).

Но в чьей памяти восстанет это пророчество? Мало кто сможет понять, что происходит.

В то время “из земли”, из “научного материализма”, выйдет, оснащенный рациональными познаниями, лжепророк. Он совершит многие ложные чудеса.

“Из моря”, из бушующего страстями мира, восстанет отмеченный адским загаром человек из колена Данова. Его провозгласят сначала правителем, потом — царем, и наконец — богом. Почти никто не удивится сему: язычество имеет богатый опыт обожествления смертных.

Итак, его помажут на царство... Но если в Православии миропомазание символизирует излияние на царя благодатных даров, то при помазании антихриста должно произойти нечто противоположное. Может быть, именно так вселившийся в него дьявол выйдет в мир, вырвется из заточения?

И тогда всеобщее торжество сменится недоумением. А потом даже человекоподобные компьютерные люди-номера ужаснутся.

Погаснут телеэкраны, мерцание которых заменяло многим освещающее мир Божий Солнце Правды. Окажется, иллюзия денег оплачивала иллюзию истины.

Люди, ставшие сотовыми телефонами для общения со лже-словом, почувствуют себя сломанными.

И только в Дивеевской девичьей киновии, куда не сможет войти антихрист, будут возноситься молитвы, слышимые Богом [17]. Да в Киеве, Пюхтице. И, конечно — на Афоне.

Может быть, тогда сокровенные старцы соберутся вместе? Соберутся и начнут восхождение на Святую Гору. В Конце Времен все, кроме них, забудут тропинку, помеченную красной краской. Возможно, эти двенадцать последних христиан, вслед за двенадцатью первыми, и завершат восполнение на Небе числа отпавших ангелов?! Тогда Святая Гора, вознесшаяся до полпути на Небо, станет свидетелем закатной тайны седьмого дня Творения.

...В Ксиропотаме, кажется, проходит час. Вращение паникадила, хороса и лампад постепенно затихает. И вот — под едва заметные покачивания светильников — хор негромко выдыхает последний звук таинственного терирема. Все? Конец Света? Несколько секунд длится тишина. А может быть, минут? Времени больше нет. Никто не шелохнется.

...Меж тем, гласит афонское предание, таинственные “воски” будут подниматься все выше и выше. И вот — перед ними откроется вершина, а на ней — крохотный храм Преображения Господня. Будут возжены свечи. Воскурен благовонный ладан. Перед иконами, привезенными сюда со всего православного мира, старцы отслужат литургию.

Это будет последняя литургия. А потом — все. В пламени Второго Пришествия сгорит все тленное, и все драгоценное — преобразится.

Это будет завершающая точка земной истории. Она и соединит (в праздник Преображения?) последнюю литургию в

Преображенском храме и Преображение всего сущего — Утром Восьмого Дня.

Октябрь 1998 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Вот замечательные слова о молчальниках и молитвенниках (исихастах) митрополита Иерофея (Влахоса): “Занимаясь очищением своего сердца и своим собственным исцелением, они принесли огромную пользу человечеству. Возрождение хотя бы одного человека производит сильнейший отзвук во вселенной. Само существование исихастов, их молитвы, учение — это непрерывающаяся в продолжение веков апостольская миссия. Они благословляют и освящают мир и после смерти своими святыми мощами. Так в глубоком молитвенном молчании совершается самая энергическая деятельность на благо людей”.

[2]. В Афонском Патерике читаем: “Византийский император Михаил Палеолог в 1261 году успел неожиданно отнять у латинян Константинополь, завоеванный ими, но, как бы по роковой неизбежности, от них чаял спасения уже небольшого слабаго государства своего, которое громили турки, сербы и болгары; в этом чаянии решился он соединить церкви восточную и западную так, чтобы первая подчинилась второй в лице папы, как главы всего христианского мира. Ошибочно полагая, что только в этом соединении и найдет спасение, Палеолог с ревностю старался привлечь к своему безумному плану своих подданных и убеждениями и крутыми, насильственными мерами, но встретил сильное сопротивление со стороны своего народа и клира, а наипаче от монастырей св. горы Афонской, в которых в это время спасались, кроме греческих, иноки грузинские, сербские, болгарские и русские. Святогорские отцы все сообща отправили к нему свое послание, в котором основательно доказали, что ни первенство и главенство папы, ни поминование его в церквах, ни служение Евхаристии на опресноках, ни прибавление к Символу веры “и от Сына”, не могут быть терпимы и,

назвав Михаила еретиком, умоляли его остановить многотре-
вожное и опасное предприятие (...)

Михаил Палеолог, как известно, не слушался Афонских от-
цов. Напротив, не отступая ни перед какими мерами к утвер-
ждению унии, он особенно свирепствовал против монахов. Пос-
ле объявления Лионской унии в 1274 году последовали казни на
осуждавших оную, а в 1278 году был издан указ вводить унию
всеми мерами насилия.

Рим не доверял Михаилу, ибо и там хорошо знали его двулич-
ность и неискренность. Папы предъявляли ему требования за
требованиями с целью совершенно подчинить себе восточное
православие и, наконец, объявили Михаила отлученным от цер-
кви. Желая убедить папских посланцев в своей приверженности
к римской церкви, Михаил показывал им заключенных в темни-
цу и содержимых в оковах за твердость в православии своих род-
ственников, Андроника и Иоанна Палеологов, Мануила и Исаа-
ка Раулей. Последних он даже ослепил вместе с другими под-
вижниками благочестия. Жестокость Михаила усиливалась по-
дозрением, что все противники унии готовы покуситься на низ-
ложение его с престола, на который он восшел через преступле-
ние. Но все его старания и зверства были напрасны: он ни в чем
не успел.

Во время похода против Иоанна Дуки, князя Епирского, Ми-
хаил заболел и умер (в декабре 1282 года) в лагере близ города
Веррии, неприсоединенный к церкви западной и отлученный от
церкви восточной. Общее негодование за его жестокости и от-
вращение были так велики, что находившийся при нем сын его
Андроник не посмел совершить над ним царского погребения, а
велел ночью похоронить его в близлежащем монастыре. А вдов-
ствующая царица Феодора принуждена была обнародовать ис-
поведание, которым обещала пред церковью никогда не поминать
усопшаго супруга своего Михаила”.

[3]. Английский исследователь С. Рансимен обращает внима-
ние, на то, что наиболее сильным инокоборчество было “в вос-
точных провинциях Империи, где велика была примесь семитс-
кой крови... В мусульманском мире поначалу изображения допус-
30

кались, однако к 700 г. совершенно запрещается изображать людей и даже животных. В 723 г. халиф Йезид потребовал, чтобы это запрещение было распространено также на церкви, синагоги и даже дома его подданных — немусульман. Этот приказ... наглядно демонстрирует ту нелюбовь к изображениям, которую легко было найти в разных уголках семитского мира...

Поговаривали, что халифа Йезида вдохновил палестинский еврей, которого греки прозывали Сарантапех "сорок локтей высотой".

[4]. В книге "Одна ночь в пустыне Святой Горы" митрополит Иерофей (Влахос) воспроизводит свой разговор с афонским старцем, который рассказывает: "Часто сам диавол приближается к подвижнику. В таких случаях чувствуется жуткий страх. Душу и тело охватывает великая скорбь, не сравнимая со страхом присутствия разбойников. Ибо весь ад приближается к монаху".

[5]. Если человек примет демонические видения всерьез и испугается, — значит, видение страха из его ума вытеснило память о Боге. Тварь становится на место творца.

"Не дивитесь, что услышали стук; — пишет свт. Игнатий (Брянчанинов), — это страхование, а страхованию не должно предаваться, зная, что диавол весь во власти Божией и только то может сделать и делает, что Бог ему попускает для нашей пользы".

[6]. О подобном опыте сообщал писатель Валентин Свенцицкий, будущий протоиерей и один из пастырей-мучеников после-революционных лет. Итак, цитирую его книгу "Граждане Неба", написанную в 1915 году. Пустынник отец Никифор рассказывает автору, собравшемуся переночевать в его келье: "Вот какое таинство, милый братец: часто я вижу бесов... Призраками, вроде как тень в лунную ночь. Особенно сильно действуют они от одиннадцати до часу ночи. Громадная какая-то работа у них совершается в это время. В эти часы труднее всего молиться. Зато, если преодолеешь тяжесть душевную, особенно хорошо чувствуется: тишина, благодать, все живое! Первый раз увидел я их во время чтения акафиста... Как встану на молитву, слы-

шу, шепчет на левое ухо — на правое не смеет! Прислушиваюсь к шепоту, и в рассеяние прихожу, — молиться не могу...

Я бесов теперь никак не боюсь. Всегда чувствую издали еще, что идут они. И только молюсь: помози, Господи!.. Идут они... — как-то странно повторил о. Никифор и встал.

...Я остался один.

Последние слова о. Никифора и фраза его: "они идут"... почему-то особенно врезалась в мое сознание...

Страх не проходит. Смотрю на запертую дверь и все жду, мучительно жду чего-то...

И вот отворяется дверь, и что-то маленькое, бледное, неясное в темноте входит в комнату...

Я всматриваюсь до холодных слез на глазах и начинаю различать около двери какое-то подобие ребенка. Мало-по-малу вся его фигура отчетливо, точно освещенная изнутри, вырисовывается на черном фоне... Да, это ребенок. Без одежды. На хилых изогнутых ножках. Но лицо старое, обвислое, гадкое и страшное. Стоит, не шевелится, и только круглые неподвижные глаза смотрят на меня в упор...

И опять так же неожиданно и отчетливо о. Никифор произносит:

— Помози, Господи...

Я лежу в страшном изнеможении. Исчез ребенок. Исчез страх. Я так устал, что вообще, кажется, не способен ни на какое чувство".

[7]. Афанасий Великий писал: "Демоны все делают, говорят, шумят, притворствуют, производят мятези и смятения к обождению неопытных, стучат, безумно смеются, свистят, а если кто не обращает на них внимания, плачут и проливают уже слезы, как побежденные... Не должно нам и бояться демонов, потому что они безсильны и не могут ничего более сделать, как только угрожать... Дьявол есть человекоубийца искони. Между тем мы живы еще и даже ведем образ жизни, противный дьяволу. Итак, явно, что демоны не имеют никакой силы... Чтобы не бояться нам демонов, надо рассудить и следующее. Если бы было у них могущество, то не приходили бы толпою, не

производили бы мечтаний, не принимали бы на себя различных образов, когда строят козни; но достаточно было бы прийти только одному и делать что может и хочет, тем более, что всякий имеющий власть не привидениями поражает, но немедленно пользуется властью как хочет. Демоны же, не имея никакой силы, как бы забавляются на зрелище, меняя личины и страшая детей множеством привидений и призраков. Посему то наипаче и должно их презирать как бессильных”.

В то же время активность бесов именно на Афоне, на месте бывших в языческой древности капищ, не случайна. Нечто подобное происходит и в других сакральных точках языческого мира, — от Перыни до Олимпа.

Отец Серафим (Роуз) пишет: “В житии свв. Киприана и Иустины мы из первых рук — от бывшего колдуна — имеем свидетельство о поднебесном царстве. “На горе Олимп Киприан научился всем диавольским хитростям: он постиг различные бесовские превращения, научился изменять свойства воздуха... Он видел там безчисленные полчища бесов с князем тьмы во главе, которому одни предстояли, другие служили, иные восклицали своего князя, а иные были посылаемы в мир для совращения людей. Там он видел также в мнимых образах языческих богов и богинь”.

[8]. В книге “Умное делание” читаем: “Человек бывает двойкий: внешний и внутренний, плотской и духовный (...) Дела внешнего человека бывают видимы, а внутреннего — невидимы, согласно Псаломнику: “Приступит человек, и сердце глубоко” (Пс. 63, 7)...

Обучение тоже бывает двойное — внешнее и внутреннее: внешнее — в книгах, внутреннее в богомыслиении; внешнее в любви к мудрости, внутреннее в любви к Богу; внешнее в витийствовании, внутреннее в молитвах; внешнее в остроумии, внутреннее в теплоте духа; внешнее в художествах, внутреннее в помышлениях; внешний “разум кичит” (1 Кор. 8, 1), внутренний же смиряется; внешний любопытствует, желая знать все, внутренний же себе внимает и ничего иного не желает, как только знать Бога...”

[9]. Тяжело им жилось на этих бедных землях, принадлежащих богатой Лавре. В книге прошлого века об игумене русского монастыря архимандрите Макарии описывается ситуация с одним из карульских отшельников, отцом Иоанном: “Вот этот-то “богач”, устроивший против своей пещеры на крошечном выступе скалы свой огород из трех кочешков капусты и шести луковиц на земле, которую он натаскал в торбе из глубокой пропасти, поднимаясь в свое жилье по веревке, вынужден платить Афонской Лавре три рубля в год оброка за занимаемую им землю (...) За таких-то “богачей”, как отец Иоанн, оброк Грекам платил отец Макарий; вот такие-то пустынножители, как Карульцы, не пишут в Россию писем с просьбами о пожертвованиях”.

[10]. “Правомочны ли обвинения в раскольниковстве той части афонитов, которые не вступают в церковное общение с некоторыми иерархами? Афониты не обвиняют архиереев ни в каких частных и личных согрешениях, но указывают на отступления догматические и те канонические нарушения, которые испровергают весь литургический порядок жизни Церкви. К первым относится, например, принятие “филиокве”, ко вторым — переход на новый стиль.

В XIV столетии печально известной Флорентийской унией запечатлели свое предательство веры многие иерархи греческие, среди которых был и патриарх. Вот приговор истории и суждение Церкви: “Епископат, возглавляемый патриархом Митрофаном, а потом патриархом Григорием Маммой, был в руках униатов; мы не слышим ни одного имени епископа среди сторонников св. Марка Эфесского, ни одного высокопоставленного лица, будь то при дворе императора или патриарха. Но воинство св. Марка многочисленно: это монахи, прежде всего монахи Афона, это пресвитеры, часто сельские и неизвестные, это малые мира сего” (Архимандрит Амвросий. Св. Марк Эфесский и Флорентийская уния. 1963. с. 322).

В чем же причина нынешних обвинений афонитов в раскольниковстве? Причина — это стремление виновных в догматическом отступничестве оправдать себя путем обвинений блюдущих верность Церкви и ее учению. Афониты провозглаша-

ются раскольниками, потому что они не подчиняются архиереям. Однако на самом деле некоторые архиереи сознательно уклонились в ереси, отвергнув св. Православие, блюсти чистоту которого они обязаны (см. архиерейскую присягу в Архиерейском Чиновнике); как волки в овечьих шкурах таковые архиереи суть разрушители Церкви изнутри. Итак, кто же заслуживает порицания? Если афониты — ревнители Православия, — то вместе с ними придется “осудить” как раскольников св.Афанасия Великого, противостоявшего церковному большинству и мирской власти, уклонившихся в арианство, а в нашей Церкви — прп.Серафима Саровского, пророчески предсказавшего “гниение головы” — в лице большинства иерархов, которые, как он предрекал, оставят в презрении основные догматы Христовой веры.

Выбирайте сами, где быть: либо в малом стаде страдальцев и подвижников веры, либо в собрании множества теплохладных, шествующих широкими путями мира, лежащего во зле. Но помните приговор о таковых Нелицемерного Судии — Христа”.

Святой Кирилл, архиепископ Иерусалимский, писал: “Если в апостолах нашлось предательство, то чему дивиться, если в епископах находится братоненавистничество?”

Священник Тимофей в своей книге “Две космогонии” пишет так: “...тайные отступники, которые днем на вид священники Бога Живаго, а ночью бога чуждаго, это исторический факт, точнее, серия фактов, от которых невозможно отмахнуться. И они всегда проникали во главу любой поместной Церкви, которую пытались прибрать к рукам. Со времен Пилатовых Христа распинает не чернь, а религиозные лжедуховные вожди, которые по сути своей — чада диавола. В конце XV века один из таких — митрополит Зосима был во главе Русской Церкви. В наше время ничему не удивишься, если еще три тысячи лет назад было сказано: нет ничего нового под солнцем, что делалось, то и будет делаться (Еккл. 1,9)”.

[11]. Книга “Современные афонские старцы” сообщает такую версию: “На Горе Афон существует Традиция Двенадцати

Святых — избранных старцев-отшельников, по числу Апостолов, живущих неизвестными миру и неизвестными даже другим афонским монахам. Когда умирает кто-либо из них, без всякой огласки в их число призывается другой для продолжения подвига предшественника. Нам это поведали старцы, свидетельствовавшие о том, что они неожиданно получили такой призыв, но в смирении и страхе Божиим отказались”.

[12]. Глава была дарована обители в 1347 году сербским королем Стефаном Душаном Сильным. В сопроводительной грамоте король писал: “Царство мое посвящает обители Россов святую главу святого славного страстотерпца, безсребренника и целителя Пантелеимона, которая имеет на себе плоть, и которая засвидетельствована не только от отца моего и царя, но и от прежде его бывших царей, а также и от патриархов и других достойных синклитиков”.

[13]. “Древнее пение находилось в согласии с божественной антропологией, — считает иеромонах Алексей (Казанцев). — Естественное, ненадрывное звучание каждого гласного звука “опирается” на определенную часть резонатора, которым является внутренняя поверхность полости рта и горла. Поэтому в традиционном пении мелодия задавалась самим текстом. И каждая гласная фонема строго соответствовала определенной высоте звучания. Главным было Слово. Хоровое пение не могло не быть унисонным. Именно так звучит терирем.

Многоголосье с его напряженным исполнением пришло как одно из проявлений страстности. Во имя чувственной “красивости” было почти утрачено Слово. С веками оно все более закрывалось звуковыми виньетками “композиций”. Текст теперь часто просто не разобрать. Так даже “духовные” песнопения все более утрачивают свой сакральный смысл”.

[14]. Обитель эта — связующее звено между русским и сербским монашеством. Именно с башни Старого Русика сербский царевич сбросил вниз, слугам своего отца, царя Стефана Немани, одежды и произнес: здесь нет больше Растко, здесь — монах Савва. Потом они встретились уже на Афоне. Пораженный поступком сына, отец также принял монашество. Он известен

как один из наиболее почитаемых сербских святых — Симеон. С тех пор в трудные для Руси времена сербские короли неизменно помогали русской обители.

[15]. Не случайно из века в век бесы особо восставали против пребывания русских на Афоне. И раздували конфликты с греками. Даже о периоде последнего расцвета русского святогорского монашества конца прошлого века современник писал: “Как ни стараются афонские Греки остановить этот прилив русских сил — и воды не дают Русским, и земли им не продают ни за какие деньги, даже новых Царских врат не позволяют поставить в Керасийской келии отца Вениамина, расположенной у подножья Святой Горы и поэтому посещаемой всеми русскими поклонниками, восходящими на вершину Афона, — но Русские все идут...”

Такая же ситуация повторилась совсем недавно. Когда в советские времена в Пантелеимоновой обители доживали последние старики, и греки уже считали ее своей, нашим соотечественникам удалось, несмотря на множество рогаток, пополнить братию молодыми монахами.

[16]. Главная атака ведется на сакральные точки мира, на монахов и верных мирских христиан. В 1998 году в православной среде распространился слух: по такому-то поводу известный старец (называлось конкретное имя) благословил поститься. Позднее оказалось, что благословения такого не было и быть не могло. Однако огромное количество людей “команду” выполнило. Все возрастающий авторитет института старчества сработал. Эксперимент по управлению наиболее “непослушной” частью общества прошел успешно. Возможны его повторения. Возможно формирование ложных старцев. Все это пригодится, дабы в последние времена соблазнять и “малое стадо”.

[17]. О будущем этой первой в мире женской лавры, окруженной Богородичной Канавкой, Серафим Саровский пророчествовал: “Когда-то век кончится, сначала Антихрист с храмов кресты начнет снимать да монастыри разорять и все монастыри разорит. А к вашему-то подойдет, подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба, ему и нельзя к вам взойти-то. Нигде не допустит канавка, так прочь и уйдет”.

ΚΑΡΥΑΙ, ΤΗ 18 ΣΕΠ. 1998
ΑΡ. ΕΙΣΟΔΟΥ 18.

1. УПРАВЛЕНИЕ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

της/του

ΟΙ ΘΠΙΣΤΑΤΑΙ ΤΗΣ ΙΕΡΑΣ ΚΟΙΝΟΤΗΤΟΣ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΟΡΟΥΣ ΑΘΩ

Ο ΧΑΙΛΑΝΔΑΡΙΟΥ ΠΡΩΤΕΠΙΣΤΑΤΗΣ

Ο ΣΗΡΟΠΟΤΑΜΟΥ ΕΠΙΣΤΑΤΗΣ

Ο ΑΓΙΟΥ ΠΑΥΛΟΥ »

Ο ΓΡΗΓΟΡΙΟΥ »

Γέρων. Στεφαν
 Γέρων Χρυσόστομος
 Γέρων Νικόβιμος
 Γ. Τρυφίους Γ.

Отчаливаем от Уранополи.

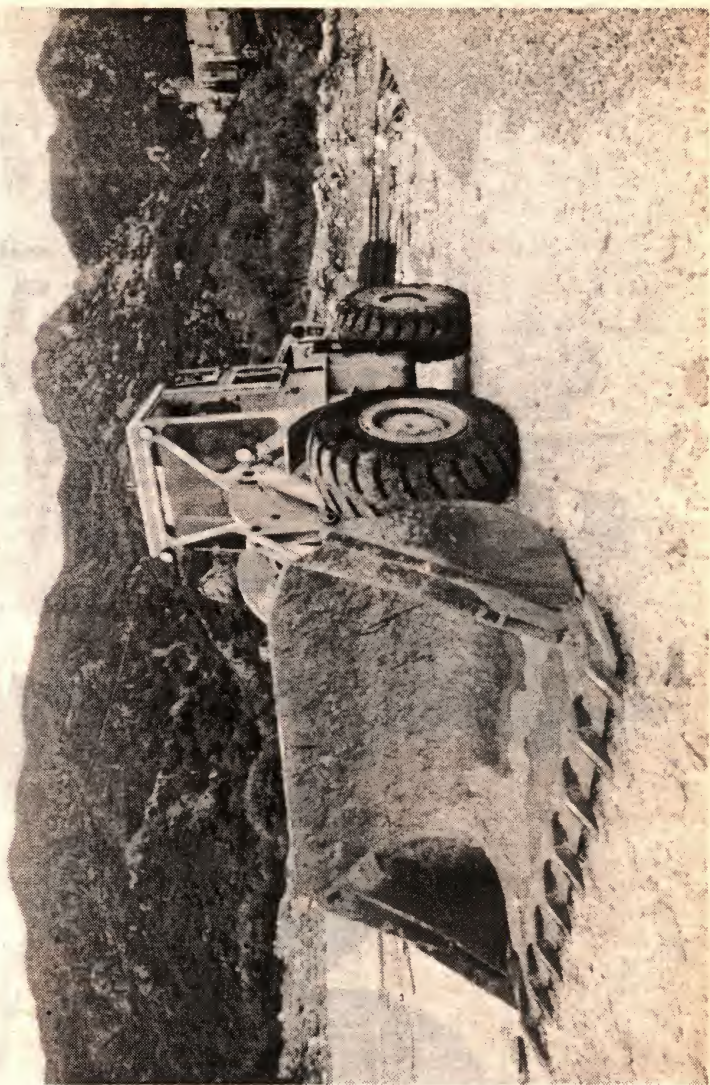
Вновь прибывшие паломники получают послушание.

Иверская.

Чудесная лампада Иверона.

Новые дороги изрезали уже едва ли не весь Афон.

1903 год. На снимке проявилась Богородица.

*Отец Кукиа: “Если войдут, надо успеть
перекреститься”.*

*Отец Стефан могильный крест себе
уже приготовил.*

Пантелеимонов монастырь. Древняя олива засохла.

Икона потемнела в день убийства Царской Семьи.

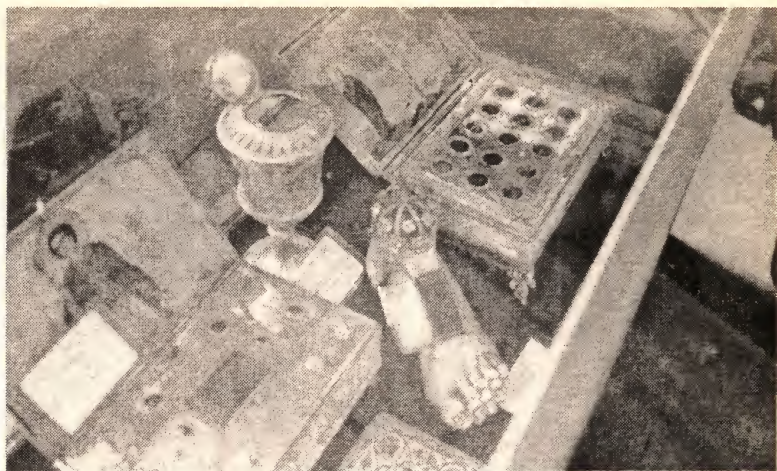
Отец Павел в дверях костницы.

Глава евангелиста Луки.

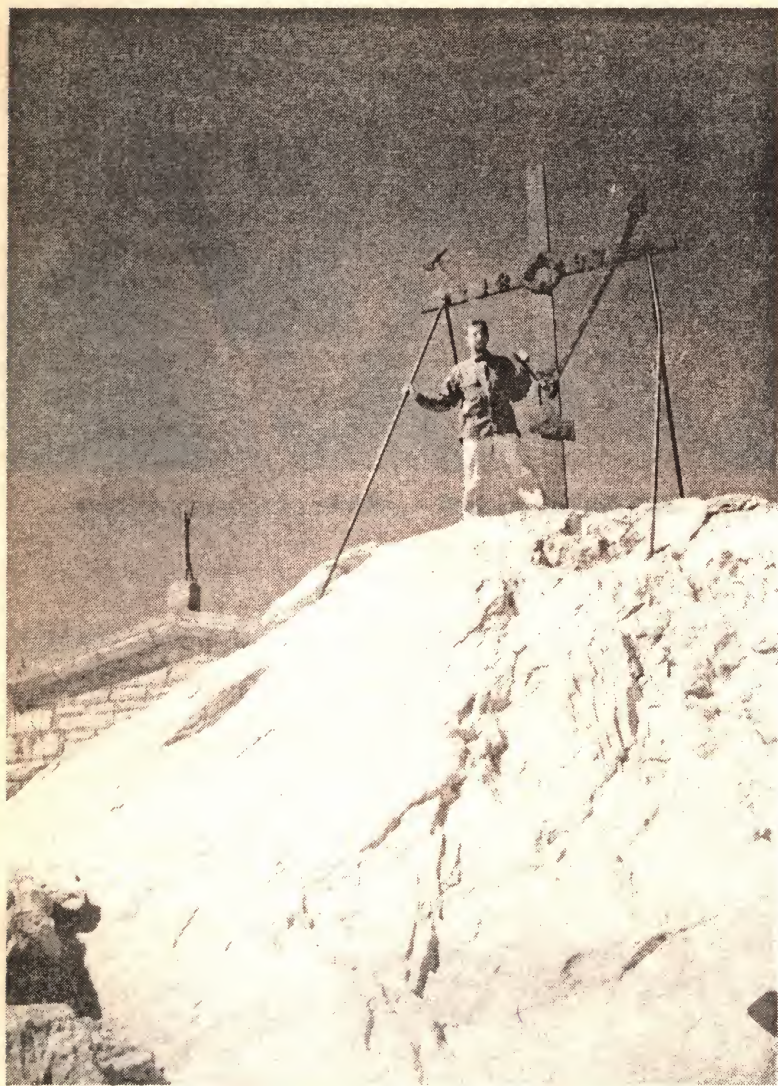
*Отец и сын.
Святые Савва и Симеон Сербские.*

Среди других мощей — стопа апостола Андрея.

*Панагия. До этого места поднималась
Сама Матерь Божия.*

*Вершина Святой Горы.
Слева виден храм Преображения.*

X

Мир и Божие
Благословение
всем, кто молится
за Афон и Россию!

С любовью и
вниманием
Исидор

Святая
15/28.09.98г

Благословение святогорца.

ТАК СПИТ ЛИ МЛАДЕНЕЦ?

Самолет частной чубайсовской авиакомпанияи “Трансаэро” доставляет нас в Грецию. На Святую Гору летим верхом на Чубайсе. Что ж, православные люди летали в Иерусалим и на бесе.

Наш путь к Афону проходит через Салоники. И через храм Димитрия Солунского, где почивают его мощи. Базилика построена на месте узилища, в которое заключен был Димитрий. В подземной части — каменный бассейн, наполнявшийся миром от мощей святого. Мироточение прекратилось после захвата города басурманами.

Все это нам знакомо по прошлым посещениям Салоник. Но вот неожиданность: перед входом в храм — военный оркестр. На ветру выются греческий и византийский — двуглавый орел на золоте — флаги. Резкая команда. Громкие, как выстрелы, барабанные удары. Из церкви, вся в цветах, показывается большая икона Матери Божией. Ее ставят на лафет.

Поистине византийская торжественность. Под военный марш процессия идет по главной улице. Движение перекрыто. Наш автобус медленно катится вслед за колонной верующих, многие из которых шествуют со свечками в руках. Называется этот образ “Праворучица”. Сейчас его будут переносить в Софийский собор... Кто знает, Бог даст, когда-нибудь вот так доведется участвовать в православном ходе в Софию Цареградскую? Тогда, когда внесут в нее, водрузят на свои прежние места и древние иконы из Иверона?!

Предстоит трехчасовая дорога. На многих перекрестках — крохотные часовенки, кресты. Знаки традиционного греческого благочестия. Рядом — гигантские изображения полуголых девиц, как и по всему миру приманивающие здесь на свою глянцевою плоть чьи-то деньги. И души...

Итак, с Божией помощью, — второй раз мы на Афоне. Многое уже знакомо: в полночь, сквозь сон, слышим несколько

ко ударов колокола. Это братия возбуждается на келейное правило. Пока в сонном и ленивом сознании начинает шевелиться мысль, что скоро вставать и нам, схимонахи кладут с молитвой тысячу шестьсот поясных, сто земных поклонов. Да еще сто поясных — за благодетелей обители таков устав. Через час нас вновь будит ритмичный стук деревянного била. Потом металлом зазвучит более звонкий призыв... Эта последовательность имеет свою символику. В конце XIX века Святогорец писал: “Слабые звуки дерева и железа напоминают нам не ясные, таинственные речи Пророков, а шум и стройная игра колоколов благовестие Евангелия, торжество его во всех концах вселенной, и наводит мысль на Ангельскую трубу последнего дня”.

Ночь. Бледный свет от зеленых фонарей. Он освещает вход в монастырские ворота, стены Пантелеимонова храма, братского корпуса. Спешим на службу. А потом — как к старым знакомым, идем к мощам великих святых, что хранятся в русской обители. Раньше не замечали: на стене, примерно над стопой апостола Андрея, — необычная икона Матери Божией. “Успокоительница”. Увенчанный короной Младенец спит на Ее руках. Его сон кроток и нежен. Поразительно! Спящего Богомладенца не приходилось видеть еще ни на одном образе. Говорят, некоторые паломники искушаются: дескать, спит Господь, не хочет видеть, что творится в мире; не замечает, что и на саму Святую Гору проникает зло... Да, в этот раз Афон ^Токрывался порой с неожиданной стороны...

Пешерка над пропастью

На стене братской трапезной — удивительная фреска. Распятый на кресте монах, а со всех сторон на него направлены стрелы. Женщина запускает стрелу под названием “плоть”. Целятся и всадник, и сидящий в пасти диавола агарянин с завязанными глазами... На каждой стреле написано: “сойди с Креста”.

Но инок недвижим. Он кажется мертвым. Он умер для мира... “Мертвец с живым словом”, как писал святитель Игнатий...

На вершине одной из гор, что господствуют над Пантелеимоновым монастырем, — крест. Установлен он был недавно. В том месте, где наши монахи нашли моши неизвестного подвижника... Благословившись у духовника обители иеромонаха Макария, начинаем подъем.

Афон называют “садом Богородицы”. Ноябрьский сад плодоносен. Рядом с тропинкой на небольших деревцах — красные и желтые шершавые шарики, их называют афонской клубникой. Сладкие! Под ногами — множество бурых “ежиков”. Это каштаны, съедобные. Можно есть их и сырыми, но лучше варить или жарить. С началом дождей пошли первые грибы, скоро отцы отправятся за ними, чтобы запастись этим “монашеским мясом” на зиму.

Неожиданно впереди раздается шум мотора. Он становится все громче. Из тенистого леса, где вдоль тропинки на нас смотрят нежные фиалки, выходим на жаркое, открытое пространство. Здесь — пни и засохшие ветки. Остатки дубовой роши. Наш провожатый молчалив, однако на вопросы отвечает обстоятельно: “На Афоне теперь гудят грузовики и грохочут бетономешалки... В откровении Нила Мироточивого сказано: когда иноки будут заниматься не молитвой, а строительством, политикой, разведением садов, — голова станет ногами, а ноги — головой. Наступит конец и монашеству, и миру, ибо некому будет молиться за мир [1].

Если бы мы лучше молились, Господь сам бы управил все дела”.

Да, ведомая “внутренними” людьми, такими молитвенниками, как Сергей Радонежский или Иринарх Затворник, Русская Церковь (в первую очередь именно она!) создала и отстояла величайшую в мире державу, Третий Рим. А “внешние”, столь активные западные монахи, веками размахивавшие мечом и кинжалом, старательно разводившие костры... У них отнято все — Гроб Господень, паства, вера... Что же осталось?

Огромные пустые храмы. Зеленоватая химера глобального влияния — доллары папских счетов. И признание иудеев как “старших братьев”. Вот достойный результат приземленного активизма католиков и гордости их ума.

...”Для нас ведь самое главное что? — продолжает инок. — Исихия. Молитвенная тишина. Старец Паисий говорил: раньше на Афоне были исихастерии, а теперь — беспокойностерии.

А Серафим Саровский? Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи... Вот что надо. Теперь же говорят: монахи стали другие, потому что время такое. Нет. Не правильно. Это отговорка.

В начале 90-х на Афоне был страшный пожар. Наши братья тогда ходили к Паисию, и он сказал: этот пожар Мать Божия допустила, чтобы монахи вразумились. А не вразумятся — будет еще хуже.

В этом году один иеромонах видел в Карее [2] плачущего старца. Тот говорит, я живу один на острове, никуда не хожу, и вот мне было откровение идти на Святую Гору и по Греции. Афонцам сказать, чтобы не занимались мирскими делами, а мирским людям, — чтобы прекратили смертные грехи. Потому что идет страшная черная туча.

— Что же говорят на Афоне, война будет?

— На этот вопрос старец Паисий отвечал так: “Смотри, благословенный мой, за своей собственной войной, и не думай, будет ли война или нет”... Со времени грехопадения идет война. Люди боятся совсем не той силы. И защищаются не так. Если в каждом русском человеке шла бы настоящая молитва, жил Дух Святой, — это было бы как море огня. Ни одна атомная бомба не долетела бы...”

За пару часов крутого подъема мы поднялись высоко. Отсюда открывается замечательный вид. Наш монастырь далеко внизу. Зеленые купола храмов — как маленькие ягодки. Море кажется застывшей лазурью...

Вскоре оказываемся у пещеры. У входа видны остатки каменной кладки. На стене — икона Спасителя в терновом вен-

це. Она почти не защищена от природных стихий, немало выпвела и пострадала. Похоже, образ этот — рубежа веков. Значит, отшельник подвизался здесь недавно. Неведомый монах...

В чем смысл сокровенности? Разве не утешением было бы для православных хоть иногда видеть таких подвижников? Говорить с ними, наверняка зная, что они существуют?

Афонский насельник качает головой: “Утешение? Душевное умиление возникнуть, конечно, может... Но это будет неустойчивое чувство, — его речь негромка и неспешна. — Чудо часто сокровенно... Наши старики еще застали монахов, которые помнили отца Силуана. Говорят, простой мужик был. Ходил в фуфайке и сапогах. Малообразованный. Ничем не выделялся, жил спокойно, чудес не творил... А равен был, это сейчас все признают, самому Антонию Великому.

Сам Старец писал: “Мы теперь последние монахи. Но и ныне есть еще немало подвижников, которых скрыл Господь тем, что **ОНИ НЕ ТВОРЯТ ЯВНЫХ ЧУДЕС, НО В ДУШАХ ИХ КАЖДЫЙ ДЕНЬ СОВЕРШАЮТСЯ ДИВНЫЕ ЧУДЕСА, ТОЛЬКО ЛЮДИ НЕ УМЕЮТ ИХ ВИДЕТЬ**. Вот чудо: когда душа склоняется на гордость, то впадает в омрачение и уныние, а когда смирится, то приходит радость, и умиление, и свет”.

Об отце Силуане свидетельствовали: “Удостоенный познания, какого удостаиваются лишь единицы на поколения, он в беседах, словно стыдился итти дальше намека, благодаря чему его великая мудрость и совершенно исключительный опыт часто оставались сокрытыми от собеседника. Обычно Старец, видя, что его первые слова остались невоспринятыми, не надеялся уже “объяснениями” дать понять то, что познается прежде всего опытом, а раскрывать последний он не решался по своему духовному целомудрию. Так при жизни своей он остался “неявленным”. Несомненно, это была не только воля Божия о нем, но и его собственное желание, которое принял Бог и исполнил, скрыв его даже от отцов Святой Горы. Впрочем, не до конца, не до полной неизвестности остался он скрыт”.

— Моисею было сказано: сними обувь свою с ног своих, ибо место это святое. Нельзя всем вторгаться в область таинства. Кто готов к этому, Господь того Сам приведет.

— А есть ли еще здесь святые монахи?

— ...Уверен, что есть. Вскоре после того, как я приехал на Афон, сподобился несколько дней походить по Святой Горе. Поднимались на вершину, старались наведываться в самые отдаленные кельи и каливы. И тут я понял, где нахожусь... Это очень трудно объяснить. Святость ведь можно только почувствовать. Мы своими душами соприкоснулись с этими чистыми душами.

Иногда говорят о различиях византийской и славянской культуры... Однако существует нечто более высокое — это единство тех, в ком дышит Дух Святой. Тут национальное ни при чем. Я понял, что здесь живут праведники. Внешне они обыкновенны, но они — святые. Благодаря им Гора стоит, и мы совершаем служение по мере своих немощных сил. У незнакомых нам старцев мы получили назидания, которые невозможно пересказать.

Что это были за встречи? При описании они могут и не произвести особого впечатления. В храме одной из келий увидели сидящего в стасидии древнего старца. Одет в схиму. Весь в молитве. Мы просто подошли и поцеловали его высохшую, как мощи, руку. Он, возможно, даже не заметил этого. Такой молитвенный подвиг ни на минуту нельзя прекратить... И если представить себе, что подобный человек начинает что-то рассказывать, объяснять, то действующий в нем Дух Святой отойти может [3].

Благодать отходит от малейшего неправильного духовного движения... Учеником Антония Великого был Павел Препростый, он имел дар изгонять бесов. Они бежали при одном его виде. И однажды он подумал: а почему Антоний присылает бесноватых ко мне, почему не изгоняет сам? И тут же дар оставил его. И только когда он произнес: “Молитвами старца Антония, бес изыди”, тот изошел... Антоний потом сказал ему: “А зачем ты допустил такой помысел?”

Слава Богу, святость на Афоне не исчезла. Этой радостью я и хотел бы поделиться. Думаю, меня поймут... Те, кто захочет”.

После краткого привала подходим к тому месту, где покоятся мощи. Наш провожатый привязывает веревку к дереву. По ней мы должны спуститься на небольшую площадку над пропастью. Там — маленькая сокровенная пещерка. Страховка здесь — дело нелишнее. Оказавшись внизу, я обматываю конец веревки вокруг пояса. Так, прислонившись спиной к камню у края обрыва, можно более или менее спокойно заснуть происходящее...

Узкие тропинки, тяжелые подъемы, чреватые падением бездны. Пещеры, убежище монашеской тайны... Символический фон для духовного подвига. Вспоминаю слова монаха Лазаря: “Мы привыкли быть невнимательными. Но если бы видели воочию все духовные пропасти рядом, ходили бы на цыпочках. Главное искушение века сего — скорость. От спешки, в которую нас загоняют бесы, утрачивается духовное равновесие, гармония. Так враг подлавливает человека на ошибках. И тот падает...”

Кельи старца Силуана

На Афоне кости монаха оставляют чаще всего там, где он подвизался. И вот уже отвален большой плоский камень от входа в пещерку. Наружу выдвинут деревянный ящик. В нем — хранящий останки мешок.

В руках инока оказывается череп. Он целует его: “Череп желтый. Не сухой, а как бы восковой. Святогорские насельники верят: это признак подвижничества. У старца Силуана — такой же”.

Стяжание Благодати Божией преображает и душу, и тело. Поэтому мощи праведников отличаются от обычных останков [4].

Протоиерей Иоанн Журавский писал: “И тленная, темная плоть — вечная подруга духа и рабыня страстей — увидев пре-

ображенный и светлый Лик своего бестелесного руководителя — умного духа, — и сама преображалась от того света, становилась прозрачной, нетленной и светилась неземными лучами” [5].

“Вот как жили, — продолжает инок, долго глядя на череп, — претерпевали... Скажите, чтобы и русские люди потерпели, и тогда Господь помилует Россию. А в том, что это будет так, мы не сомневаемся. Только надо пройти свой путь. Потом станет понятно, для чего дан этот период. Пройдут споры. Все станет ясно — и с царем тоже. Его “критики” еще покаются. Как это было с патриархом Тихоном: ругали его, “обличали”... А сейчас те же самые люди молятся ему.

— Будет монархия в России? Многим ведь это кажется чем-то нереальным. Чудом.

— А Господь и являет чудеса. Монархия должна быть. Только надо, чтобы народ принял царя как положено. Чтобы готов был к этому” [6].

Разговор затихает. Начинаем спускаться вниз — по другой дороге. Через некоторое время останавливаемся около пустующей кельи. Вода из колодца хороша! Кажется, что земля на огороде вскопана заботливым хозяином. Но оказывается, хозяйничают в этом запустении многочисленные кабаны.

Идем дальше. Вот над общим уровнем леса возвышаются несколько кипарисов. Это верный указатель: впереди монашеское жилище. Так мы оказываемся у еще одной кельи. И здесь, видно, давно уже никто не обитал. У входа — иконка старца Силуана. О том, где он подвизался, спорят, но многие считают, что, в том числе, и здесь. Значит, в этой келье старец задавался вопросом: “Как говорят совершенные?” И отвечал: “Они от себя ничего не говорят... Они говорят лишь то, что дает им Дух”.

Богословие — не специальность. Это жизнь в Боге. Только тот, кто видел Его в сердце своем, обрел о Нем истинное знание. Тот, кто видит, кто слышит Его, — познает все величие человека, и только тогда может полюбить его, как икону Божию. А как узреть Бога Живого? Как обрести о Нем знание?

Старец Силуан отвечал, исходя из своего опыта: “Кто чисто молится, тот богослов” [7].

Богословие — не плод изучения книг и упражнений рассудка. Афонский иеромонах Софроний писал: “Выражение опыта в слове у Святых не имеет характера схоластических построений, а есть — раскрытие души. Слово о Боге и жизни в Нем приходит без раздумывания, просто; само рождается в душе”. О том же говорит и старец Паисий: “Святые Отцы выводили Божественное слово из глубины сердца, а свой опыт получали в духовной брани со злом, в огне искушений, которые смиренно исповедывали или записывали для того, чтобы помочь нам, далеким потомкам, своей любовью”.

Да, вера православная — от видения и слышания Бога Живого. Он везде. Но здесь, в этой келье, Его узрел один из боговидцев.

...Инок Вонифатий, с которым мы познакомились в русской обители, живет почти в самом конце длинного каменного коридора на первом этаже братского корпуса. По соседству — келья под номером 159. Заходим внутрь.

“Здесь, — говорит брат Вонифатий, — старец Силуан подвизался в конце своей земной жизни. Вот двойная рама на окне. Видите? Больше ни в одной келье этого нет. А стремление Старца к тишине известно. Он даже будильник ставил в шкаф, чтобы тиканьем не мешал молитве”.

Видимо, об этом помещении написано: “Ночью он нередко ходил в другую маленькую келлию, служившую ему дровником; находилась она на том же этаже, в ряду с такими же келлиями, обращенными после умаления числа братий в дровники, в глубоком и глухом коридоре-тупике с чрезвычайно толстыми каменными стенами. В этом каменном мешке он имел и большое уединение, и полную тишину...”.

“Когда в начале 90-х я подвизался на Афонском подворье в Москве, к нам приходил один старый монах, — продолжает инок. — Он рассказывал, что еще застал отца Силуана в живых. А после его успения такие раздоры начались... Одни считали старца святым, а другие говорили: простой, неотесанный

мужик он был, деревенщина. Чтобы не доводить споры до предела, хотели даже выбросить череп Силуана в море... А я, рассказывал тот монах, главу его спрятал. Потом уже достал, когда страсти улеглись”.

Слова опровергаются словами, а что опровергнет жизнь?

Память смертного часа

Со стороны монастыря доносится удар колокола. Потом еще один, еще. Каждый из грустных звуков доплывает до нас медленно, словно вязнет в теплом и тихом воздухе.

“Здесь такой обычай: когда умирает монах, колокол бьет двенадцать раз.

— Может быть, кто-то умер?

— Не знаю, вообще в обители есть один очень больной брат, рак у него... За последний год мы похоронили двоих. Монаха Софрония и отца Павла, который тоже оказался тайным монахом.

— Почему тайным?

— Может быть, у него такое благословение было. Вы были знакомы с ним?

— Да, и с отцом Софронием тоже. А Павел ведь нес послушание в костнице...

— Псалтирь читал. Работал до конца, хотя страдал от сильных болей. За несколько дней до смерти траву косил. Мужественный был человек. Царство ему Небесное.

— Отец Софроний тоже умер от рака.

— Рак — это милость Божия.

— Нецерковному человеку трудно понять такие вещи.

— Да... “Со мною часто беседуют о смерти мои недуги”, — писал святитель Игнатий. Болезни приносят благотворную память о смертном часе, дают подготовиться к жизни вечной. Именно в скорбях человек чувствует свое бессилие. Вот спасительное чувство, побуждающее к молитве и покаянию.

А был у нас и такой случай. В монастыре жил один трудник, шестьдесят лет здесь обитал. В девяносто два года ему

сказали, что у него рак. Так он в отчаянии бросился в море. Утопился... Ему предлагали пособороваться, причаститься. Отказался. Совсем нецерковный человек. А ведь на его глазах какая часть истории монастыря прошла! — инок качает головой. — Он все это помнил, все знал. Вообще, был очень добрый по душе, исполнительный... Вот искушение какое”...

...На другой день встречаем монаха Лазаря, брата отца Софрония.

“Очень страдал он перед смертью, очень страдал. Говорил, что в печень словно нож втыкают. Мужественно все переносил, ни одного стога. Исхудал, конечно, а ведь всю жизнь был сильным, веселым человеком”.

Еще год назад, после лечения, отец Софроний выглядел вполне бодрым. При встрече со мной как-то даже пошутил: быстро протянул плод кактуса, я взял его, и тут же понял, что он весь покрыт мельчайшими иголочками.

Незадолго перед смертью отца Софрония постригли в мантию. Вот на фотографии он стоит с крестом в руке. Взгляд обращен как будто уже в иной мир.

Вместе в отцом Лазарем идем на маленькое кладбище. В последний раз могилу раскапывали здесь в начале 80-х, когда забрали из земли благоуханные мощи игумена Гавриила. Теперь его честная глава хранится в Свято-Пантелеимоновом храме, рядом с главами других монастырских игуменов. Говорят, что традиция помещения останков в костницу может возобновиться.

Проходим мимо серых, истертых непогодой крестов. “Какие тут подвижники лежат!”, — вздыхает отец Лазарь. Ряд завершается двумя свежими крестами. На могиле брата монах поправляет лампадку. Достает фотографии, сделанные на похоронах [8].

Афонских монахов хоронят обычно в день смерти. Отпевание длится два часа, а затем тело несут на кладбище. Гроба нет. Усопший плотно спеленан в мантию. Это символизирует: делание окончено, впереди лишь воздаяние. Свернутой монашеской шапочкой, скуфьей, закрывают лицо. На голову

кладется небольшая каменная плита. На нее, как бы на лоб, ставится крест.

“Мы были такими, как вы, а вы будете такими, как мы”. Напоминание о смертном часе, адресованное живущим, было выбито прежде над входом в костницу. Подобную надпись — прямо на стене — я увидел однажды в келье одного инокa, у изголовья его узкой кровати. “Пролей о себе горячие слезы и горячие молитвы. Кто с такою заботливостью и с таким усердием помянет тебя после смерти, как ты сам можешь помянуть тебя до смерти?”[9].

Тот же инок дал мне пожелтевший листок, найденный в заброшенном монастырском корпусе. Датированное 1905 годом стихотворение монаха Виталия. Оно заканчивается так:

“Недалеко уж этот срок

И эта к вечности дорога...

Припомни мудрый тот урок:

“Познай себя — познаешь Бога”.

Познай откуда ты и кто,

Зачем пришел, куда идешь;

— Что ты велик и ты — ничто,

Что ты бессмертен, и — умрешь”.

“Старец Паисий говорил: средство от рака есть, врачи его видят каждый день, но не замечают... — продолжает отец Лазарь. — А Господь через эту болезнь пополняет рай. Он попустил страдания, но дал и благодать, чтобы Софроний терпел. Незадолго до смерти список Всецарицы закончил. Брат ведь был хорошим иконописцем... Я видел, как Бог спасает.

А вам хорошо бы побывать на могиле старца Порфирия. Он умер в 1991 году от рака, я еще застал его в живых. В первый раз увидел его сидящим на кровати, в белой рубашке, с белой бородой — и едва не вздрогнул, когда этот природный грек вдруг заговорил по-гречески — настолько русским он мне показался. Потом геронтас (старец) долго говорил со мной, держа правой рукой за мой подбородок, а другую его руку я держал в своих ладонях, стоя на коленях. Каждое слово входило в душу... Это был великий старец”.

“Мерседесом” на Фавор

Ведомый человекоубийцей мир не только игнорирует, но и безумно покушается на молитвенную тишину Афона.

Недалеко от его берегов, на соседнем полуострове, община буддистов построила монастырь. Летом 1998 года во время ночных молитв братия нашего монастыря стала вдруг слышать какие-то чрезвычайно низкие, гудящие звуки. Как будто удары в гигантский барабан. Сбивался ритм молитвы, наваливалась невероятная сонливость. Расстояние до соседей было немалое, а сверхнизкие звуки слышали едва ли не на всем афонском побережье. Видимо, в часы служб включалась ретранслирующая аппаратура. Впрочем, монахам понятно было, что на самом деле речь идет не столько о технотронной агрессии, сколько о битве, имеющей духовное измерение. Вскоре по их молитвам обритые наголо “видимые бесы” воздействие прекратили. Отступили в этой битве.

Недаром о монашестве, воинстве Христовом, на Афоне говорят так: рясофор — вступление в войско, мантия — постоянное обучение воинскому делу, схима — решительное сражение.

...Несколько лет назад в руки мне попал секретный доклад, сделанный для советского руководства. Он был посвящен психотронным приготовлениям в США. В нем указывалось, что к участию в этих программах привлечены и “специалисты по исихазму”. Большой нелепости не могли придумать американские мозги! Молитвенное снискание Духа Святого оказалось в одном ряду с позами йоги, техниками дыхания, отрешения и прочее.

Цели у психотронщиков — дьявольские. Демонические откровения буддистов, индуистов и всего интернационала тут как раз кстати. Но “умное делание”! Нет, нетварный свет не включается по приказу американских генералов. Явления Духа Святого, Самой Богородицы, которых на Афоне стяжа-

ют десятилетиями невероятного молитвенного подвига, не могут быть поставлены на довольствие армии США. Их нельзя привлечь по контракту.

О характерном отношении западного человека к исихазму пишет А. Кураев: “Недалеко от Флоренции есть православный монастырь Сербской патриархии. Его настоятель — игумен Силуан — рассказывал мне, что и недели не проходит, чтобы кто-то из итальянцев не стучался в ворота и не просил принять в Православие и в монастырь. Однако при разговоре выясняется, что Православие такому просителю известно только по книге “Откровенные рассказы странника”. И в монастырь он хочет только для того, чтобы обучиться технике Иисусовой молитвы и увидеть нетварный свет — и все это не позже, чем к концу недели. О Покаянии же, исповеди, Причастии обычно этот “искатель” высших духовных переживаний и понятия не имеет. Но, не научившись в азбуке, желает быть поэтом...”

И быстренько покорить духовный Фавор, добавим мы! (Те, кто посещал Святую Землю, был немало смущен: доставка на вершину Фавора, к греческому храму Преображения Господня, монополизирована арабскими водителями на “мерседесах”... А для желающих подняться на гору Искушений — к услугам фуникулер). Впрочем, надо полагать, что, отринутые в православном монастыре, долго такие “молитвенники” не переживают. Для западного, да и не только западного человека есть еще один “заповедник отшельничества” — Тибет.

Легкоумные люди нередко путают восточные практики “отрешения” с опытом достижения бесстрастия в православии. Меж тем в книге “Преподобный Силуан Афонский” читаем: “Христианское бесстрастие не есть совлечение бытия, но облечение в новую жизнь, святую, вечную, то есть в Бога. Апостол Павел говорит: **“Мы... не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное было поглощено жизнью”** (2 Кор. 5, 4).

Побывавший на Тибете в пятидесятые и девяностые годы Всеволод Овчинников с придыханием пишет: “Монастырь Шалу близ Шигатзе, принадлежащий секте “красных шапок”, известен как место отшельничества. Как здесь считают, это

кратчайший путь от хатха-йоги, то есть от умения владеть собственным телом, к кундалини-йоге, то есть способности управлять психической энергией.

Монаха на три года, три месяца и три дня замуровывают в пещеру. Оставляют лишь отверстие, равное по ширине расстоянию между большим и средним пальцами руки. По этому лазу раз сутки проталкивают воду и цамбу. К концу срока лама должен проявить три сверхъестественные способности.

Во-первых, “сжать плоть”, то есть выбраться наружу через узкий ход, достаточный вроде бы лишь для кошки. Во-вторых, “умножить жар”, то есть усесться на обледеневшую ячью шкуру и высушить ее своим телом. Наконец, в-третьих, “убавить вес”, то есть достичь состояния “дхадли сидхи”, или первой ступени к левитации. Сидя в позе лотоса, лама каким-то необъяснимым способом отрывается от земли. Хотя ноги его остаются скрещенными, он начинает подскакивать с возрастающей амплитудой, словно шарик для пинг-понга”.

Не бывал, видно, автор в тех православных храмах, где происходит отчитка бесноватых. А то бы насмотрелся на их скачки, прыжки и прочую “левитацию”! Что же касается “жара”, то снискал его и ходивший зимой в одних трусах сатанинст Порфирий Иванов [10], и — еще раньше — основатель хасидизма Исраэль Баал-Шем-Тов. О чем-то подобном сообщает и святитель Игнатий (Брянчанинов), когда пересказывает свою беседу с прельщенным афонским насельником (который, как выяснилось, даже не был знаком с писаниями и опытом Отцов Церкви).

“Оказалось, что иеросхимонах (...) чувствует в теле такой жар, что зимой не нуждается в теплой одежде. (...) К концу беседы пришло мне на ум поступить следующим образом: я стал просить Афонца, чтоб он, как постник и подвижник, испытал над собою способ, преподанный святыми Отцами, состоящий в том, чтоб ум во время молитвы был совершенно чужд всякого мечтания, погружался весь во внимание словам молитвы... При этом сердце обыкновенно содействует уму душеспасительным чувством печали о грехах...” И что же?

Через месяц жар у инок прошел. Прошли и другие необычные симптомы, которые, кстати, поражают многих мирян, готовых тут же объявить нового старца. Святитель предупреждает: “Избираются нами в руководители преимущественно те наставники, которых мир провозгласил святыми, и которые находятся или в глубине прелести, или в глубине неведения”.

Стоит добавить: в нынешнем научном мире такие люди объявляют себя “специалистами по исихазму”. Они неплохо подрабатывают в американских пси-программах. И, конечно, гарантируют нетерпеливым, обуянным бесовской гонкой заказчикам экспресс-методы. (Подробнее в моей книге “Знамена ада”).

...Так что же объединяло хасида, буддиста и прельщенного христианина в их “жаре”? О своем собеседнике святитель Игнатий пишет так: “Вижу: он — в страшном разгорячении! у него разгорячены и кровь и воображение, он — в самодовольстве, в восторге от себя, в самообольщении, в прелести!”

Прелесть — состояние, навеваемое бесами! Православная традиция видит в названных результатах — грех. Иные же, склонные к экзальтации, усматривают в них достижение [11].

Нет, на Фавор надо подниматься спокойно и не спеша. Со слезной молитвой в сердце. Ибо как, не облачившись в спасительную одежду покаяния, можно предстать пред Божественным сиянием? Пред неизреченным светом, от которого даже серафимы закрывают лица своими огненными крыльями?!

Небесный живописец

“...пред тем временем, когда Бог положил, в праведном Своем гневѣ, предать всю Сирію, а вместе с тем Фануилову обвинитель, расхищенію варваров, в виду у всего братства писаніе от иконы св.Георгия само собою отделилось от доски, поднялось с места и — скрылось неизвѣстно куда”... [12].

В X веке три брата, приняв монашество, устроили на Святой Горе небольшую церковь. И задались вопросом — во чье

имя ее освятить? Однажды, когда подготовлены были доски для новой иконы, на них чудесным образом написался образ святого Георгия. По преданию, он перенесся из Фануиловой обители, что находилась близ родины святого Победоносца, на Афон. Здесь и был создан монастырь, получивший название Зограф, что значит, “живописец”.

И вот мы в болгарском Зографе. Монах отводит нас в архондарик, вскоре приглашает на трапезу. Подают нечто, напоминающее яичницу, — с приправами, измельченными помидорами, луком и чем-то еще. Очень вкусно! Трапеза малолюдна. Всего семь монахов (чуть меньше половины братии) и, кроме нас, — трое паломников. На Афоне мне приходилось слышать, что состояние каждого монастыря удивительно отражает ту духовную атмосферу, которая главенствует на родине его братии. Вот и здешнее малолудие кажется символичным. Чуть позже молодые иноки — Антоний и Гавриил — сетовали: в Болгарии Церковь переживает не лучшие времена. Почти не издается православной литературы. Многие поклоняются Ванге, а не Христу.

Отец Гавриил: “У меня такой опыт был: когда умер мой старец, все стало казаться здесь неправильным, и я отправился в один монастырь в Израиль. И там все было как-то не так. Решил писать в Россию, старцу Николаю с острова Залита. И что вышло? Как только вопрос на бумаге изложу — тут же и ответ получаю. Так все прояснилось. Письмо не стал отправлять. Вернулся в Зограф”.

Болгарские собеседники задали нам неожиданный вопрос: “А в России есть пустыни, где еще спастись можно?” И, увидя, наше затруднение, а главное, недоумение (вам-то, афонцам, зачем?), добавили: “А то ведь могут настать времена, когда отсюда уйти придется...”

Есть ли пустыни? Есть! Это пустыни многомиллионных мегаполисов, облюбованные ныне дьяволом. Но спастись можно и в них.

...Иноки показывают ту самую чудотворную икону св. Георгия. Темный от времени лик. Древнее византийское пись-

мо. На лице святого явно виден посторонний предмет... Давнее предание повествует, как некий недоверчивый епископ решил попробовать чудо на ощупь. Перстом своим ткнул в самонаписавшийся образ. Так палец и прирос к его поверхности. Одну фалангу даже пришлось отрезать. А какой может быть архиерей без пальца правой руки?!

Другая великая святыня монастыря — чудотворная икона “Предвозвестительница”. В конце XIII века исшедший от нее голос Матери Божией предупредил одного келиота: враги Мои идут на вас... Когда тот пришел в обитель сообщить о нападении латинян, икона чудесным образом встретила его уже у здешних ворот... А воинов послал сюда принявший унию Михаил Палеолог. ЕРЕСЬ ВСЕГДА ЖАЖДЕТ КРОВИ. Во время осады в пирге (башне) заживо сгорело 26 праведников.

Никто из них не променял мертвенно-пресный хлеб Запада на живые дрожжи Востока.

Потом, среди пепла — невредимой — нашли “Предвозвестительницу”. Сейчас на месте пирги стоит памятник. Ночью на 10 октября 1873 года, накануне его освящения, дивный огненный столб встал над этим местом, затем поднялся в небо, образовав на нем светящийся круг, как бы венчая пиргу... Вот напоминание для пронатовских энтузиастов из числа нынешних болгарских правителей! (Ведь уния, как и для Византии, закончилась для Болгарии агарянским пленом).

“Предвозвестительница” по Афонскому обычаю увешана дарами. Здесь — медали и ордена, многочисленные серебряные пластинки с изображением глаза, сердца, ноги или уха — смотря по тому, какое исцеление получено от иконы. Нередко на пластине изображен младенец. Вот они, знаки человеческой благодарности!

Что за “шитом Давида”?

Но есть и знаки иного рода. Один из монахов останавливается в центре храма, прямо под паникадиллом. Отворачивает лежащий на полу ковер... И мы замираем в изумлении. На

огромном квадрате черного мрамора — белая шестиконечная звезда! “Щит Давида!”

Во времена царя Давида шесть концов этой звезды означали созданный за шесть дней тварный мир. Мир, ожидающий полноты, которая выражается цифрой “семь”. Мир, чающий Мессию.

Апостол Павел призывает “взять щит веры” — веры во спасение... Но Спаситель уже явился. Теперь “Маген-Давид” — символ отвергших Христа. За острые концы шестиконечника цепляются лишь те, кто не признал Господа Мессией. Это иудейство. Это и масонство, лукаво прикрывающее своего inferнального кумира маской “великого архитектора Вселенной”.

Вселенские соборы постановили: не изображать отжившую, утратившую полноту своего смысла, символику. Не пользоваться знаками, которые стали означать нечто иное.

Одно из нынешних — масонских — толкований “Маген-Давида”, восходящих к древним культам, имеет дуалистический, кошунственный смысл. Два совмещенных треугольника — темный и светлый — это вечная борьба добра и зла. Война якобы равноценных между собой Бога и дьявола [13]. Творца и твари!

Решение соборов касается также изображений агнца или пастыря доброго. (В них во времена гонений был “сокрыт” образ Спасителя). Или рыбы, символа, в котором было “зашифровано” Его Имя [14]. Но гонения прошли. Зачем же изображать, например, трехипостасного Бога в виде треугольника, в центре которого — всевидящее око? (В каждой масонской ложе эта так называемая “дельта” висит над алтарем). В чьем стиле такой герметизм? Зачем он, когда у нас есть рублевская Троица? А она — отнюдь не продукт символического мышления. Об исихастском боговидении иконописца писал еще преподобный Иосиф Волоцкий: “Чюднии они пресловущии иконописцы, Даниил и ученик его Андрей, и инне мнози таковы же, и толкуну добродетель и мущи и толкуну тщание о постничестве и о иноческом жительстве яко им

божественные благодати сподобитися, но всегда ум и мысль возносити к невещественному и божественному свету, чувственное же око всегда возводити ко еже от вещных vapов написанным образом Владыки Христа и Пречистыя Его Богоматере и всех святых”.

Как же осмеливался умозрительный символизм “конкурировать” с прямым боговидением? Только по духовной слепоте своей! Именно незрячие люди постоянно переходят границу изобразимого и неизобразимого.

Замена личного образа Спасителя — свидетельства Его воплощения — каким-то иным, затуманенным, заставляет усомниться: Он ли это? Или перед нами тот, кто Ему подражает? Кто лишен устойчивого существования в бытии, обращиваясь то одним, то другим? Да, это вполне в стиле масонской многозначности символа.

“Какая была бы нужда во Христе, — писал исихаст Николай Кавасила, — если бы искупление совершил ветхозаветный пасхальный агнец? Если бы тени и образы доставляли блаженство, то излишни были бы истина и дела”.

“Сознательно или бессознательно широко использованный художниками символизм такого рода ущерблял православное реалистическое учение об иконах, доходя до нарушений соборных постановлений, в частности, 82 правила Пято-шестого Собора. Напомним, что правило это упраздняет символы, заменяющие собой прямой образ воплощенного Слова Божия...”

Кто же берет на себя смелость... развоплощения?!

В центре “зографской” звезды — двуглавый орел. Символ Византии? И да, и нет. В столь специфическом обрамлении — это еще и знак высшего масонского посвящения. Украденный в византийском прошлом, двуглавый орел означает для “вольных каменщиков” все то же единство добра и зла. Такая лукавая “истина” открывается в тридцать третьем градусе.

Если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно... Но что же делать православному перед иконами, осыпанными такими знаками? Впрочем, не поставить ли вопрос иначе: по-

чему бы не привести эти образа в соответствие с канонами? Погасить “Маген-Давиды”! Открыть взору восьмиконечные звезды, освещающие путь к восьмому дню творения [15].

Увы, очищения икон не происходит. Более того, шестиконечники постоянно появляются на новоделах. Ими отмечен, например, крест храма Христа Спасителя [16].

“Такая же звезда была и на этом медном светильнике, — продолжает болгарский монах. — И еще здесь стояло имя “Бафомет”. И то, и другое мы, конечно, изгладили. А мраморный “Маген-Давид” так просто не убрать. Наверняка это потребовало бы множества формальностей с Протатом. Ведь речь будет идти об “исторической и культурной ценности”.

Это, возможно, самое опасное, когда афонские храмы объявят культурной ценностью. Ведь тогда рано или поздно, кто-нибудь скажет: а почему этой красотой наслаждаются всего полторы тысячи монахов? Надо открыть ее для всех... И на Афоне произойдет то же, что произошло в обителях Метеор, откуда под напором любознательных туристов, насельники бежали едва ли не все до единого.

Да, во многих афонских монастырях уже строятся комфортабельные гостиницы. Каждому выделяется по миллиарду драхм в год, (более трех миллионов долларов). И идут эти деньги не только на восстановление храмов” [17].

И все же: как, когда появились на Святой Горе масонские знаки?

Точно монахи ответить не могут. Судя по всему, это произошло в прошлом веке, когда мирские архитекторы и художники приглашались для обновления храмов. Вот и оставили поклонники “великого архитектора Вселенной” следы масонских копыт. Свою греховную неспособность видеть потустороннее они уже много веков пытаются компенсировать каббало-талмудическим символизмом. А неготовность взлететь над плоскостью чувственного — банальным аллегоризмом... Но что же монахи? Ведь сто-двести лет назад разночтений относительно символизма шестиконечной звезды уже быть не могло!

Вместо ответа нас подводят к фреске, что на стене церковного притвора... Лестница, по ней монахи восходят вверх. Некоторые падают. Когтистые лапы демонов стягивают их вниз. Туда, где раскрыл свою огнедышащую пасть огромный змей.

Родословие духа

Мы на полпути от Зографа до сербского Хиландара. На одном из деревьев замечаем стрелку — “К пещере Козьмы Зографского”. Сворачиваем на боковую тропинку. Вскоре оказываемся у подножия скалы, в которой прорублены узкие ступени. Осторожно поднимаемся. Отсюда, с большой высоты, залитые солнцем леса и горы видны как на ладони. Чудо! Однако легко представить себе и другую картину: черная зимняя ночь, носящийся по верху пронизывающий ветер, дождь захлестывает внутрь...

В задней стенке довольно широкой пещеры — небольшое отверстие. В него с трудом может поместиться лежащий человек. На этих камнях, очевидно, и устроил свое ложе преподобный Козьма. Удостоившись явления Пресвятой Богородицы, он поселился здесь и безмолствовал до самого успения.

В “Письмах Святогорца” рассказывается о таком случае из жития святого: “Некогда, в Великий Четверток, рано утром он увидел на воздухе борющуюся с демонами душу Хилендарского Игумена, и послал в тот монастырь ученика своего с извещением и просьбою, чтобы помолились Богу за почившаго. Когда посланный объявил в Хилендаре слова Космы и его видение, старцы того монастыря с недоверчивостью отвечали: “мы только что, до отхода утрени, видели нашего Игумена, который сейчас хочет служить Литургию; с чего же твой старец взял такую нелепость? Безумный! Выдает себя за святого”! Впрочем, из любопытства, пошли они в келию к Игумену, чтобы передать ему слова прельщенного пустынника, и действительно увидели, что Игумен их скорпостижно скончался”.

Было это в XIV веке...

Хиландар по сравнению с болгарской обителью куда более многолюден. С началом натовской агрессии, сербских паломников вообще стало больше на Афоне.

...И здесь, на мозаичном полу одной из галерей, — шестиконечная звезда. Может быть “Маген-Давиды” специально изображались на полу, чтобы попирать их ногами? Но почему они — в барельефах на стенах храмов? Почему вплетены в ажурный узор чугунного литья перил? Вот искушение! Эта атака на Афон шла, видно, широким фронтом.

И еще один поразивший нас факт. Поднимаемся на башню обители. Стены галереи украшены замечательными старинными фресками. Но что это? Все они исписаны “автографами”, которым сто, сто пятьдесят и более лет. Большинство — на греческом языке. Но вот и по-русски: “Владимир Бурашевский. 1908 год”. Кто-то из вандалов выцарапал глаза на фреске Симеона, одного из наиболее почитаемых сербских святых. То же самое — на фреске “Усекновение главы Иоанна Предтечи”. Наш спутник, фоторепортер Владимир Ходаков в сердцах роняет: “Сначала отрубили голову, а потом выкололи глаза” [18].

Почему же за полтора века никто не удосужился отреставрировать фрески? Хотя бы закрыть свободный доступ к ним! Почему и сейчас бетономешалка, работающая у ворот обители, обслуживает евроремонт келий, а не восстановление святынь? Не понятно! Тем более не понятно, что о Конце Света, о Страшном Суде напоминает в Хиландаре виноградная лоза, которая еще восемьсот лет назад прорасла из гробницы святого Симеона. Сейчас, проходя, сквозь стену храма, она оплетает высокий навес. Не видно ни одной ягодки: ценятся они чрезвычайно. Вкусив их, неплодные женщины рожают. Но главное предание, связанное с этой лозой, таково: когда она засохнет, придет антихрист.

А пока жива лоза, она указывает на центральное Таинство Церкви — Евхаристию. “Виноград дает вино, как Слово дало

Свою кровь”. (Климент Александрийский). Исповедавшись, вычитав Каноны, готовимся в причастию и мы.

В два часа ночи по греческому времени во Введенском храме Хиландара начинается служба. Как и у болгар, читают и поют “по-нашему”! Как звучит церковно-славянское слово, которое ирод мира сего ищет убить [19]! Это слово напоминает о нашем единстве — не столько кровном — сколько духовном.

“Когда Господь заменил кровавую жертву — безкровной, тогда Он и слово вознес — из ветхозаветного мира кровнородственных связей — в новозаветный мир духовных взаимоотношений людей по любви и смирению. Таким образом, ветхозаветная родословная по крови сменилась на новозаветную — по духу, навсегда отданную Самим Господом Церкви Христовой Православной. Оттого живое родословное древо сегодня имеет на земле только народ православный, по трудам во славу Божию и смирению, да по молитвам сонма святых” [20].

Реформы и русского, и греческого языка, все более секуляризирующие их, всегда были масонским проектом. И всегда лукаво обещали сделать язык более “демократичным”, простым и удобным. На деле же цель этих реформ, говорил мне лаврский монах Евстратий, — чтобы наши дети не понимали Отцов Церкви, не знали Бога. Еще в 1903 году Даниил Катунакийский писал: “Только изучение Божественных Писаний, направляемое святыми отцами и учителями Церкви, очистившими душу и тело добродетелью, питает и укрепляет душу, просвещает ум, но чтение святоотеческой литературы будет недоступно детям, забывшим язык своих предков”.

Старец Даниил, смиренный афонский подвижник, называл упрощенный язык орудием дьявола: “Только не подумайте, благочестивые читатели, что это нововведение недавнего происхождения. Нет, оно — детище английского Библейского общества, которое появилось в 1833 году и приняло перевод Ветхого и Нового Заветов на простой, якобы греческий язык”.

Последнюю его реформу провели, когда министром образования и религии в Греции был Георгиас Раллис, известный масон. Возглавлял же кабинет министров Караманлис. Иеромонах Евстратий рассказывал нам о его визите в Карею. Точнее, в Кинот, орган, объединяющий представителей всех двадцати афонских монастырей. Старцы спросили визитера прямо: “Ваше превосходительство, ходят упорные слухи, что вы являетесь масоном. Так ли это?” Гость с улыбкой ответил вопросом на вопрос: “А где вы видели премьер-министра немасона?”

...Предстоит причастие. Через пять часов после начала службы, вслед за черной вереницей монахов, подходим к игуменскому креслу. На месте игумена — икона. “Троеручица”. В давние времена она чудесным образом заняла это место, дабы прекратить начавшиеся среди братии споры о первенстве в обители [21]. Да, благословение все берут у Пречистой, Которая и является игуменьей Хиландара. Под Ее строгим взглядом принимаем Святые Дары.

Слава Богу!

Теперь — в Есфигмен. По дороге, свернув к берегу моря, подходим к относительно небольшой обители. Она кажется жилой, однако наш стук отстается безрезультатным. Ворота заперты. Вскоре встречаем рабочего, от которого узнаем, что это монастырь Василия Великого, один из пяти, принадлежавших сербам. Когда-то подвизалось здесь до девятисот монахов... Всего же в X веке в ста восьмидесяти обителях Афона насчитывалось до 50 тысяч иноков.

Кислая трапеза зилотов

За несколько дней до посещения зилотского монастыря у нас была своеобразная прелюдия.

...Не доходя до Старого Русика, увидели келью. Рядом храм. Освящен он во имя Почаевской иконы Божией Матери. Подвизается здесь иеродиакон Пахомий, русский зилот.

Вход на территорию отца Пахомия неудобен. Приходится перелезать через ограду. В этот момент звучит строгий окрик:

— Кто такие?

— Паломники из Москвы. Благословите.

Хозяин, крепкий старик, уже вполне дружелюбно приглашает проходить к дому. Он разговорчив. Сразу почему-то начинает рассказывать, как тяжело жилось русскому крестьянину в советское время. И хотя на Афоне отец Пахомий давно, повернуть разговор на здешние темы никак не удастся. Вот наш собеседник уже пересказывает какую-то статью из газеты “Жизнь вечная”. Достается всем: и советской власти, и масонам, и экуменистам, и Русской Православной церкви. (О “зарубежниках” отзывается с уважением). Про себя отец Пахомий говорит: я ведь зилотист.

Хозяин выносит кружки с крепким чаем, разрешает полакомиться растущим тут же виноградом.

— Живу я один, в Пантелеимонов монастырь не хожу.

— А где же служите, как причащаетесь?

Вопрос остается без ответа. (Оказывается, когда наши монахи хотели отслужить здесь литургию на праздник Почаевской иконы Божией Матери, отец Пахомий не пустил их. Хотя и храм, и келья принадлежат Пантелеимоновой обители, с ним решили не связываться).

Меж тем “политинформация” продолжается. “Зилотист” все более оживленно пересказывает “разоблачительные” статьи и книги... В основном говорит правильные вещи. Но... на фоне святогорской тишины нездоровым, суетливым беспокойством звучат его слова. В общем, мы спешим откланяться.

По дороге делимся впечатлениями. Провожаящий нас инок спрашивает: “А вы еще не были в Есфигмене? Там на каждом шагу вас будут спрашивать: “Ортодокс? Ортодокс?” Не чувствуется мира, какая-то разгоряченность, возбужденность.

— Хотя с неприятием масонствующего патриарха Варфоломея нельзя не согласиться...

— Сказано, что быть правым — это для сынов века сего. У меня — маленькое понимание. Скажу лишь, что ревность зилотов очень напоминает болезненное состояние... Впрочем, кто может сказать, какие они пред Богом?”

...Башня расположенного у моря Есфигмена видна издали. Кроме греческого, византийского флагов над ней развеивается еще и черное полотнище. Таков знак зилотской непримиримости... Посматриваем и на башенные часы: после длительного перехода опоздать на трапезу было бы некстати. Впрочем, мы еще не привыкли соотносить греческое и византийское время. Вот и на этот раз так и не смогли понять, останемся ли в течение ближайшего дня голодными или нет. (Питание на Афоне двухразовое, по постным дням — только одна трапеза).

Над воротами монастыря, действительно, белыми буквами по черному написано: “Православие или смерть”. Встречаем пожилого монаха в солнцезащитных очках. У него густая белая борода, волосы растут даже на носу. На скуфейке, как у всех зилотов, вышит маленький красный крестик.

— Эвлогите.

— О Кириес... Ортодокс?

Мы киваем головами.

— Откуда вы? — голос по-русски звучит неожиданно. Перед нами — монах в рабочей одежде.

— Из Москвы. А вы кто?

— Я рясофорный монах Феодосий. Раньше был послушником Валаамского монастыря. А это, — он показывает на грека в черных очках, — мой старец...

Тот начинает что-то быстро говорить, очевидно, по поводу нашего появления. Феодосий напряженно слушает, потом признается: два года я здесь, а что говорит — толком не пойму... Поднимайтесь в архондарик.

Там нас встречают жестами, в которых зашифровано замечание: в рубашке с короткими рукавами ходить нельзя. И, конечно, — вопросом: “Ортодокс?” (Это еще что! Одного паломника, побывавшего на Афоне уже после нас, зилоты не

впустили в храм из-за слишком длинных волос. Предложили обрезать косичку. По мнению “ревнителей”, она не пристала мирянину.

Что ж, зилотам действительно, приходится выдерживать повышенный натиск извне. Когда они непустили в монастырь патриарха Варфоломея, тот подписал документ о роспуске братии. И ей пришлось выдержать самую настоящую полицейскую осаду. Она длилась три месяца. Монахи затворились и заявили, что провианта хватит надолго, вода у них есть, а в случае штурма они подожгут запасы горючего (здесь они большие, так как монастырь не признает электричества). Прозвучало это вполне убедительно. К тому же в десятиmillionной Греции, у “ревнителей”, как утверждают сами зилоты, — два миллиона сторонников. Они также не сидели молча. Безславная осада была снята.

Слева от монастырских ворот, на горе, — небольшой храм. Рядом — пещерка святого Антония Киево-Печерского. Пришел он сюда к игумену Феоктисту в начале XI века. Это, наверно, главная для нас из здешних святынь. И еще — источник с холодной, вкусной водой. Он забил по молитве Григория Паламы, когда знаменитый исихаст был игуменом обители. Рядом с источником, уже в сумерки, мы вновь встретились с монахом Феодосием и его старцем.

— А что, русские здесь часто бывают?

— Не очень. Приезжают иногда делегации Русской зарубежной церкви.

— Значит, с клириками других православных юрисдикций контактов нет?

— Да... И денег от Европейского экономического сообщества монастырь не берет, — довольно неожиданно добавляет наш собеседник.

Хочется поговорить еще, подробнее распросить о зилотском житье, но старец что-то коротко говорит своему послушнику, и тот буквально бегом скрывается из виду. Мы в некотором недоумении. Грек знаками показывает: пора спать.

...Будят здесь решительно. Не полагаясь, очевидно, на стук била, архондаричный проходит по всем кельям и тюкает чем-то металлическим по железным спинкам кроватей. Пора на службу! Когда заходишь в храм Есфигмена, кажется, что стоящие в стасидиях монахи только на тебя и смотрят — строго и неодобрительно.

Воскресная трапеза. Кислые зеленые щи, еще более кислая, пропитанная лимонным соком, рыба. Все это запивается светлым сухим вином. Наливают по большой железной кружке. Хотя вино и неплохое, допить его трудно. Очень уж все кисло. Хлеб тоже непривычный: чрезвычайно плотный. Разломить его руками на куски практически невозможно.

На игуменском столе звучит колокольчик. Инок, читающий во время трапезы жития святых, замолкает. После второго звонка все встают. Благодарственная молитва. Потом монах обходит столы, и каждый кладет в корзину свой кусок недоеденного хлеба.

Во дворе довольно многочисленная братия и еще более многочисленные паломники образуют небольшие, оживленно обсуждающие что-то группки. Подходит брат Феодосий: “Да, кагорчика здесь не знают. Вспоминаю его иногда. У греков есть, конечно, сладкие вина, но все не то”...

У нас оказывается газета “Православная Москва” с репортажем о посещении Валаама патриархом Алексием II. Дарим ее нашему собеседнику, бывшему валаамскому насельнику. Он оживленно показывает своему старцу: “Валаам! Валаам!” Тот благосклонно улыбается. Рядом появляется говорящий по-русски серб. Заглядывая через плечо, он указывает на портрет патриарха: “Алексей и папа — комрад”.

— Какой комрад? Они даже не виделись ни разу!

— Комрад, комрад, — улыбается серб и знаками показывает, как руку руку моет.

— А тогда сербский патриарх Павел кто? — один из нас попытался сразить собеседника наповал.

— Еретик — просто и даже как бы с недоумением по поводу наивного вопроса отвечает серб.

Осуждение — тот клин, который начнет и усиливает раскол, превращая его в зияющую бездну [22].

Прости нас, Господи! Осуждающих — осуждали сами. С беспокойными сердцами покидали мы обитель. И шум близкого моря за ее воротами многозначительно смешивался для нас с говором пообедавшей братии. Он как бы подчеркивал: голос бушующего мира слишком отчетливо проникает за эти монастырские стены... И наш собеседник-серб показался чуть ли не шпионом, специально приставленным для того, чтобы слышать разговор монаха Феодосия с соплеменниками... А тут еще, взглянув на башенные часы в который раз, мы, наконец, поняли: они не ходят. Еще один повод для обострившегося от кислого вина символического мышления!

И вдруг... Впереди, уже за стенами обители, — откуда ни возьмись — появился старец “нашего” Феодосия. Улыбаясь, дал каждому по два мандарина. Случайно встретил? Или специально проводить хотел? Нет, наверно, все-таки не случайно.

Осуждающие разговоры смолкли. Слава Богу!

Из Ватопеда в Русик

Завтра — 8 ноября. День одного из самых почитаемых в Греции святых — Димитрия Солунского. На праздник оказываемся в Ватопеде.

Трапезная здесь замечательна. Чудесные фрески на стенах. Столы — из светлого мрамора. Как и везде на Афоне, они имеют небольшие бортики по краям, наверно, для того, чтобы ни крошки не упало на пол. Но самое удивительное, столешницы сделаны из надгробий византийских святых.

В греческих монастырях трапеза кажется несколько более продолжительной, чем у нас. Во всяком случае, в Пантелеимоновом только-только успеваешь съесть свою порцию.

Здесь же еще остается время, чтобы осмотреться. Неожиданно один из нашей группы толкает меня локтем. Глазами показывает куда-то за мою спину. Оглядываюсь. На фреске — обведенная кругом перевернутая (!) пентаграмма. Внутри ее — несколько разноцветных колец; ближе к центру — кругообразно расположенные черные точки и одна белая точка в середине. Присмотревшись, видим: подобных знаков здесь немало [23].

Если “Маген-Давид” — обманный символ единства добра и зла, то пятиконечная звезда Ремфана обозначает уже дьявольскую цель. По сути, это тот же “Маген-Давид”. Только нижний рог его как бы спрятан в треугольнике, направленном острием вверх. Треугольник этот — богоборческое человечество, безумно устремившееся к тому, чтобы занять место Господне. Поглощение этим треугольником перевернутого, того, который считается масонами символом злого для них Бога, — победа сатаны. Это и есть цель. Она же зашифрована в центре композиции. Белой точке, испускающей свет Люцифера [24].

Выходим во двор — и опять: шестиконечная звезда на мозаичном полу. И — словно в Зографе — “напоминающий” сюжет фрески. От восседающего на престоле Праведного Судии влево вниз идет огненная река, из которой видны лишь барахтающиеся руки и ноги. Головы царей, монахов, простых мирян. Река уходит в пасть дракона. Рядом звери-страсти доедают грешников.

Итак, вновь следы дьявольских копыт... Но что значат они по сравнению с православными святынями!

На Афоне реликвии обычно выносят после вечерней трапезы. Вот в полутемном храме устанавливают стол. На него ложится красная, украшенная крестом, ткань. Из алтаря один за другим выносят ковчежцы. Много святынь в Ватопеде. Но среди самых поразительных — честная глава Иоанна Златоуста. В этом ковчежце открывается не только верхняя часть, чтобы можно было приложиться к темечку, но и боковая. Через нее видно нетленное ухо святого!

...Спешим к еще одной, особенно значимой для русского человека, святыне. Принадлежащий Ватопеду скит Андрея Первозванного. (После победоносной русско-турецкой войны 1877—1878 годов проект Сан-Стефанского мирного договора специально предусматривал, что Андреевский и Ильинский русские скиты на Афоне станут самостоятельными обителями. Однако мировая дипломатия восстала против этого условия). Некогда многолюдная обитель почти опустела (если не считать расположенной в одном из корпусов школы, в ней учатся и трое русских детей).

Нас — довольно сухо — встречает пожилой греческий монах Андрей. По-английски говорит: “У русских все византийское — и иконопись, и духовная музыка. А архитектура — примером является Андреевский скит — настоящее барокко”.

Монах, очевидно, не видел наших, украшенных замечательными луковками, храмов. Его слова об отхождении от греческого архитектурного канона (сплошные кубы, увенчанные однообразными куполами) звучат осуждающе. В ответ возникает резкая мысль: “Не нравится наш скит, чего же вы тогда оттяпали его?”

Главный, Андреевский, храм — самый большой на Афоне. Табличка у входа напоминает, что заложен он был в 1862 году в честь спасения императора Александра II после покушения на него в Париже... Меж тем грек уже выносит ковчежец с главой апостола Андрея. Открывается маленькая дверца — и мы можем приложиться к челу Первозванного Апостола.

Через несколько минут профессия берет свое. Преодолевая языковой барьер и указывая на своего спутника, говорю: “Этот репортер из Московской патриархии. Благословите сделать снимок главы”.

Монах разрешает снять ковчег только в закрытом виде (в других местах нам всегда шли навстречу). После фотовспышки отец Андрей решительно машет руками: достаточно, только один снимок! И сразу — еще один запрет. Свечи, куплен-

ные здесь же, зажигать нельзя: может быть пожар. (Странно, ведь рядом устроена печка типа “буржуйки”, труба которой уходит куда-то к куполу).

В храме множество замечательных икон. Одна из них, конца прошлого века, удивительна: Пречистая Дева и Богомладенец словно провожают тебя глазами. Как бы ты не встал, справа или слева от образа, Они смотрят прямо на тебя.

На территории скита также удастся сделать лишь пару снимков: отец Андрей показывает, что ему пора запирать ворота. Успеем отметить запустение, полуразрушенность и обшарпанность храмов. Хозяйской руки здесь нет. Может быть, греки понимают, что все это им не принадлежит? Что рано или поздно придется возвратить скит русским? Говорят, недавно, находясь в Греции, митрополит Кирилл затрагивал этот вопрос. Кажется, пока безрезультатно.

...Столь сильное ненастье мы увидели на Афоне в тот день впервые. Дождь начался в Карее. Хорошо, что слышали русскую речь: на машине нас пообещали доставить до места, откуда ходу до Пантелеимонова монастыря — минут сорок. За рулем — рабочий. Он участвует в восстановлении кельи, которую недавно получил иеродиакон Авраамий. Это в пяти километрах от Симона Петра. Понемногу, но русских на Афоне прибавляется и за стенами Русика (так греки называют Пантелеимонов монастырь). Кажется, нашим соотечественникам передано уже восемь келий. Одну из них строит сейчас, также недалеко от Симона Петра, отец Венедикт, во временном жилище которого на Каруле ночевали мы в прошлом году.

Меж тем машина поднялась к перевалу. По нам ударил настоящий ураган. Деревья у обочины гнутся, хлещет дождь. Туман такой, что впереди не видно более чем на пять метров. А ведь едем по серпантину, рядом пропасти. Дорога глинистая, скользкая. Остается только молиться... Через некоторое время спускаемся ниже. Слава Богу, туман остается позади.

Вскоре выскакиваем из машины в условленном месте — у придорожного креста. Через намокший лес чуть ли не бегом устремляемся вниз по склону — к нашему монастырю. Одежда сразу пропитывается ледяной влагой...

Наконец, мы в архондарике. Приветливый иеромонах Исидор встречает нас как всегда: “Ну что, труженички, приехали?”

Предложенный им кофе, рахат лукум и традиционная стопка анисовой — как нельзя кстати.

Всю ночь грохотала гроза. За окном кельи, выходящим на море, бушевали волны. Может быть, подобный ураган и прибил корабль с Пречистой Девой к этим благословенным берегам. Таков был промыслительный знак: среди бушующего мира Афон — до времени — будет выситься незыблемой духовной Горой.

Наутро отец Лазарь рассказал нам нечто удивительное. Несколько дней назад некоторые из братии обратили внимание: во время службы в Покровском храме икона Спаса Нерукотворного, почерневшая в день убийства Царской Семьи, просветлевала. Или так упали лучи заходящего солнца? Во всяком случае, в течении нескольких минут лик Спасителя был цвета спелой пшеницы. (Старец Паисий, которому являлась Матерь Божия, именно таким описывал цвет Ее лика. А черты Богородицы — наиболее напоминающие Иерусалимский образ) [25]. Произошло это 5 ноября. Что случилось в тот день в мире? Может быть, что-то приблизило прославление Государя?

Дары адресованы нам

Две тысячи лет назад Вифлеем был полон народа. Люди собирались на перепись жителей Римской империи. Святому Семейству не нашлось даже скромного дома. Богомладенец Христос родился в пещере, хотя по плоти был Он единственным прямым наследником царя Давида.

Сейчас пещера накрыта величественным Рождественским храмом. Место рождества отмечено четырнадцатиконечной серебряной звездой [26]. Она символизирует яркий небесный знак, приведший сюда мудрецов — поклониться Спасителю [27]. Принесенные ими дары были исполнены глубочайшего смысла. Драгоценный ладан — Богу; золото — Царю; смирна, благовонное масло, которым помазывали умерших, — Сыну человеческому, Который стал жертвой за нас.

Дары эти бережно хранились Матерью Божией, а затем Она передала их Иерусалимской Церкви. В 400 году византийский император Аркадий перенес их в Константинополь для освящения новой столицы.

...В 1433 году сербский деспот Георгий Бранкович был вынужден отдать свою малолетнюю дочь Маро за турецкого султана Мурата II. Именно его сын, Мухаммед (Мехмет) II, захватит Константинополь. А Маро, которой разрешено будет молиться своему Богу, спасет многие святыни православной столицы.

Маро (или Мария) происходила из рода, который издавна благодетельствовал святогорцам. И вот, через два десятилетия после падения Византии, она отправилась на Афон сама. Царский корабль пристал неподалеку от принадлежавшего тогда сербам монастыря Святого Павла.

Его насельников уже уведомили, что в их обитель будет сделан величайший вклад — дары волхвов. Вся братия в торжественных облачениях направилась к берегу...

Если на монастырской пристани отказаться от приглашения монахов подвезти к самой обители, можно проделать весь путь по следам предания. Итак, начинаем подъем от стоящей на берегу разрушенной византийской башни. Менее чем на полпути, среди нагромождений поросших кустарником живописных камней, — небольшая часовня. Здесь в изумлении и остановилась Маро. Выше установлен крест, на месте которого явилась царице Пречистая Дева. Раздался голос: “Не приближайся. Отсюда начинается царство иной Владычицы, Царицы Небесной, Госпожи Богородицы, Предстательницы

и Охранительницы Святой Горы”. Ставши на колени, Мария передала святыни, привезенные в десяти ковчегах...

Вечером, в темном храме, из алтаря нам выносят дары. С замиранием сердца подходим, чтобы приложиться. Мы одни, и есть время, чтобы рассмотреть эти великие реликвии... Украшенные филигранными растительными узорами золотые пластинки. Темно-коричневые бусины — величиной с небольшую маслину. (Ладан и смирну смешали в единое целое уже очень давно: это символизирует неслиянное соединение — во единой ипостаси Христа Спасителя — Божественной и человеческой природы).

Иеромонах Андрей, единственный русский насельник монастыря, рассказывает, что всего этих пластинок (ни одна не повторяет другую) двадцать восемь, а бусинок около семидесяти. Каждый дар благоухает по-своему. Золото используют для освящения воды. Иногда, очень редко, честные дары волхвов вывозят за пределы Афона. Они изгоняют бесов.

...После вручения даров волхвы удалились. Ветхозаветная мудрость, тысячелетиями хранившая осколки Истины, привела их ко Христу.

Но что эти дары для нас? Может быть, — обратное послание Господа для нашего укрепления? Действительно: многое из того, что связано с величайшим событием, которому исполнилось 2000 лет, вещественно и конкретно. Таково напоминание: Бог не абстрактен.

“Главное, чтобы Бог в душе был” — охотно скажет вам и экуменист, и безбожник, и еретик, и “широко мыслящий” интеллигент, имея в виду ни к чему не обязывающую абстракцию или свое мимолетное прекраснодушие. Но Истина не может быть абстрактной, она конкретна до предела. Духовными трудами молитвенник может стяжать в свою душу Живого Бога.

Да, Он — личностен. Такой же должна быть и адресованная Ему чистая молитва. Вот дар, который мы можем принести Родившемуся от Девы. Вот — приглашение Христа, снова гонимого миром, в дом сердца своего.

И еще: “Мы не будем, братие, говорить о той переписи, которую назначил в своем царстве Август. Ну, был царь, владел всем миром, хотел узнать, сколько и кто ему принадлежит. Все это вещь обыкновенная! Но вы посмотрите, как эта перепись напоминает нам о другой, которой нужно быть где-то в другом царстве. Она, эта Августова перепись, случилась как раз к тому времени, как шел в мир иной Царь; и этот Царь тоже будет разбирать, кто Его и кто не Его, тоже перепись будет делать. (...) Он и к нам идет, этот Царь, с минуты на минуту, мы Его ждем и нас Он будет рассматривать, который из нас к Его Царству принадлежит, который нет; и нам ведь нужно попасть в эту запись!” [28].

Прикровенная империя

В сентябре 1451 года восшедший на Османский престол Мехмет II на удивление любезно принял византийских послов. В дружбе с Византией он поклялся на Коране... Однако уже через два года цветы весенней Анатолии покрыл толстый слой пыли. День и ночь слышался стук копыт и ржание лошадей. К стенам Константинополя шло несметное войско султана.

Страшные знаки небесной оставленности были явлены Второму Риму перед его падением. Однажды черной майской ночью, — свидетельствуют византийские летописи, усталый город проснулся от ослепительно яркого света. Пламя исходило из верхних окон святой Софии. Огонь объел церковную выю, купол, а затем, не опалив его, устремился вверх. Небеса раскрылись, и пылающий столб скрылся из виду. Все продолжалось несколько минут. Благочестивые люди тогда говорили: “Свет, озарявший Константинополь, и пламя, исходившее из окон великой церкви, ни что иное значит, как благодать Пресвятого Духа..., а притом и сама милость Божия и Его к нам щедроты уже оставили нас”.

За полгода до случившегося многие горожане перестали посещать главный храм империи. После сговора с Римом здесь служили униаты. Да, не помощи Божией, но помощи челове-

90

ческой, латинской, ждали они против агарян. И близился час расплаты. Невидимое ядро унии уже сокрушило имперскую стену.

Вечером 23 мая 1453 года с башен Золотых ворот греки увидели бригантину. Она стремительно уходила от преследования турецких парусников. Что это? Авангард обещанной подмоги? Сердца защитников города радостно забились. Наступила тьма. Опустив цепь, преграждавшую вход в бухту Золотой Рог, бригантине дали пристать к берегу. Оказалось, ее посылали на поиски венецианского флота и других, суливших поддержку, союзников... Ни одного их корабля в Средиземном море замечено не было. Команда решила вернуться в обреченную столицу. Когда капитан закончил доклад, император заплакал. Стало ясно: ни одно христианское государство помощи не окажет [29].

Следующей ночью над Царьградом исчезла луна. Это было полное лунное затмение. Тьма произвела на греков тягостное впечатление. Лишившись Божией помощи, они, возможно, впервые осознали свою малочисленность. Многокилометровые стены города обороняли лишь четыре с лишним тысячи византийцев, да две тысячи добровольцев из христианских стран.

Недостатка не ощущалось разве что в воде. Еще со времен Константина Великого рядом с Софией было создано гигантское подземное хранилище. Его своды поддерживают триста шестьдесят колонн. В основаниях двух из них — перевернутые головы Мудузы Горгоны, снятые с капищ. Таков символ: столп веры христианской попирает мерзость языческую... Подземные источники оскудели, но бьют и поныне. Населяют это подземное царство небольшие рыбки. Мы смотрим на источники и постепенно кажется, что за очевидными туристическими достопримечательностями начинаем угадывать что-то незримое. Или это всего лишь плод нашего культурного сознания? Мечта православных неофитов?.. Жива ли Византия на самом деле? Бог даст, придет время — и согбенный вопрос распрямится в гордое восклицание. Нам ответят. Ответят те, кто способен увидеть незримую реальность очищен-

ным в покаянии сердцем, которое — самое пристальное око. “Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном переизбытке вечную славу, когда мы смотрим на невидимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимоеечно” (2 Кор., 4, 18).

Мы едем вдоль берега Золотого Рога. Стены Константинополя здесь пострадали более всего. Однако, даже в их остатках окаменела бывшая имперская мощь. К ним, словно прося защиты от времени и стихий, прилепились похожие не временки жилища стамбульской бедноты. В начале века, когда Османская империя была уже при смерти, город потрясло несколько землетрясений и пожаров. На месте деревянных домишек вскрылись фундаменты грандиозных базилик Византии. Во времена ее расцвета в Константинополе насчитывалось до полутысячи храмов и монастырей, в XX веке — в разной степени разрушенности — их осталось около тридцати. Археологам бедствия задали работу. Верующим — напомнили: **ДЛЯ БОГА НЕТ НЕ ТОЛЬКО МЕРТВЫХ ЛЮДЕЙ, НО И МЕРТВЫХ ГОРОДОВ, ЕСЛИ ИХ СТРОИЛИ ПРАВОСЛАВНЫЕ.** Да, Византия — уже не центр Вселенского Православия, но тысячи Ангелов, приставленные к алтарям древних храмов, и поныне незримо несут свой вечный дозор — по всей прикровенной империи.

Вот их лики на фресках каппадокийских пещер. В шрамах, нанесенных злой рукой агарянина. Замазанные полуотвалившимися изображения лапчатых крестов и клетчатых боссеанов — наследие латинского нашествия... Теперь, завозя сюда туристов, турки конвертируют эти “культурные ценности” в доллары и лиры.

В одном из скальных храмов — прекрасно сохранившаяся фреска Пантократора с державой в руках. Турецкие “искусствоведы” приняли ее за плод и поэтому на табличке у входа написано, что это “церковь с яблоком”. Тут же — церкви “с платочками” и “с тапочками” (они названы так по одеяниям святых). “Храм со змеем” — это еще куда ни шло. Здесь — Георгий Победоносец.

Рядом с городом Прокопионом, где подвизался Иоанн Русский, и который ныне называется Гериме, — километрами тянется какой-то неземной пейзаж. Грибообразные скалы с огромным количеством дверей и окон — монашеских келий. Иногда мы насчитывали до семи этажей. Пещеры — только отчасти природное творение. Внутри видно, что форму им придавали монашеские труды. Их штрихами иссечены стены и закопченные потолки. Длинные столы для монашеских трапез, полки, отверстия для факелов...

А вот еще замечательный сюжет фрески. Красное пятно — разжение греха во чреве монаха. Страшная духовная брань шла в этих стенах. Где-то здесь подвизались Василий Великий, Григорий Нисский. Кажется, что они с братией только что вышли отсюда. И когда в одной из келий-пещер мой спутник запел “Богородице, Дева, радуйся...”, на мгновение показалось: кто-то вернулся.

Постепенно скалы-грибы собираются в огромный каньон. Это целый монашеский город. С обеих сторон видны не только пещеры, но и множество ниш для икон. Как устраивали иконостасы на отвесных скалах?

Нет, здесь не пустынно. Это удивительное ощущение подтвердила нерукотворная, каменная фигура Пресвятой Богородицы, которая вдруг неожиданно открылась нам над скалами. Увидев ее, в изумлении застыл даже провожавший нас турок.

...В те страшные дни 1453 года император Константин XII покинул свою резиденцию Буколион (на месте нынешней Голубой мечети), и переехал во Влахернский дворец. Он находился неподалеку от Адрианопольского тракта — главного направления вражеского удара... Развалины дворца — в пяти минутах ходьбы от страшного пролома в стене Константинополя. В него и устремились орды завоевателей. Здесь погиб последний император. Руины Второго Рима стали его саваном.

А потом... Потом турки ворвутся под своды святой Софии. Ворвутся во время литургии. И помолившись, чтобы не были

осквернены Святые Дары, священник войдет с ними в стену. Говорят, и теперь из нее слышны звуки литургии. Голос прикровенной, кающейся Византии.

В статейном списке русского посла в Константинополе Василия Даудова за 1672 год читаем: "...в Царе-городе, в Великий пост, на третьей неделе, в среду, в большой мечети, что прежде была благочестивая церковь Софии Премудрости Божии, во время того, как турки чинили мольбище, слышен был страшный благовест [30]. Прежде ударили трижды, а потом, помешкав мало, также ударили трижды, и втретие тому ж; и на завтрее того дни, в четверг был слышен благовест против того ж, а в пятницу, по таковым же благовесте, слышно было литоргисование Божественной Литургии греческим языком и иже херувимскую песнь ангельскими гласы воспеваема. И о том-де чудеси учинилось ведомо в Адрианополе, и салтан-де велел тое бывшую благочестивую церковь запечатать до Светлага Христова Воскресения..."

Тот страшный пролом в константинопольской стене — почти напротив старинной, сохранившейся и поныне церкви. Она освящена во имя Георгия Победоносца! Поражение — прямо у стоп небесного воителя! Еще один знак оставленности города силами небесными!

В наши дни в храме служба совершается раз в неделю. На его территории живет одна из немногих оставшихся в городе греческих семей. Они, правда, говорят только по-турецки. На все наши вопросы эти потомки византийцев довольно испуганно отвечают одно и то же: обращайтесь в патриархию...

Недалеко — знаменитый Влахернский храм. Именно здесь святой Андрей Юродивый, выходец из Новгорода, узрел Матерь Божию с покровом в руках. Было это в IX веке. Позже Пренепорочная явилась и другому святому Андрею — Боголюбскому. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы стали отмечать и в Византии, и на Руси... Перед падением Второго Рима во время крестного хода — к ужасу верующих — с носилок упала Влахернская икона Божией Матери. Подняли и поставили ее на место с трудом — она словно свинцом нали-

лась. Тут же разразилась свирепая гроза с градом и ливень, остановившие ход. Наутро весь Константинополь окутал невиданный туман. Словно Сама Царица Небесная покрыла посвященный Ей Константином град белым платом. Но только для того, чтобы жители не видели Ее ухода.

Сейчас территория Влахернского храма окружена высоким забором. Стучимся в запертые ворота. После долгих переговоров нас впускают внутрь. Храм стоит без купола и креста. Его настоятель отец Василий сетует: “Крест пришлось снять. Мальчишки швырялись в него камнями... Мы здесь как в осажденной крепости, случись что — до патриархии добежать не успеешь”...

Храм патриаршей резиденции на Фанаре — словно в плену окружающих его минаретов. Ровно в пять вечера, когда мы стояли перед царскими воротами, включились громкоговорители, направленные прямо во двор патриархии. Завывание муэдзинов, уставших за полтысячи лет властвования над Царьградом, теперь воспроизводит и усиливает современная аппаратура.

Единственное по-православному теплое место, которое мы обнаружили в Константинополе, — подворье русского на Афоне Пантелеимонова монастыря... По винтовой мраморной белой лестнице, держась за старинные медные перила, поднимаемся на шестой этаж бывшей паломнической гостиницы. Ныне она напоминает довольно неопрятную коммуналку. Кишат смуглые дети, сидят на скамеечках и судачат тетки, слышно, как на кухне что-то подгорело... Наше подворье — на самом верху. Подвизаются здесь иеромонах Тимофей и диакон Корнилий. Из окон небольшого храма, над соседними зданиями видны два православных креста — случай редкий в нынешнем Константинополе. Это подворья Анреевского и Ильинского скитов.

Именно по совету русских монахов мы побывали на одном из Принцевых островов — Теревинтосе (Бьюк ада). Здесь — действующий храм Георгия Победоносца. Служат в нем также афонцы. Так как турки дают им визы только на три месяца, они постоянно меняются.

Мы познакомились с монахом из святогорского монастыря Костамонит. Он показывает нам увешанную дарами икону святого Георгия Победоносца. Ее темная поверхность покрыта стеклом, которое то и дело отражает голоногих глазеющих туристов. Начинаем молиться. Вскоре иностранцев сдувает из храма — как наваждения. Остается вечная реальность — Победоносец поражает змея.

В церкви — мощи великих святых, в том числе целителя Пантелеимона. В углу — несколько костылей, которые оставили исцеленные больные... Отношение к этим святыням у многих туристов и турок — языческое. Ветви кустов вдоль дороги на подходе к храму — в белых тряпочках.

Вечножующие неоязычники, толпами съезжающиеся на амфитеатры и остовы античных капищ, охотно посещающие развалины Трои и Пергама [31], чаще всего обходят христианские святыни стороной. Вот Памукалле — туристическая мекка Турции. Белоснежная известковая гора посреди фригийской равнины, с ее вершины истекают теплые целебные источники. Здесь же — развалины города, называвшегося Иераполис — город Геры. В амфитеатре — ее статуя. Перед мраморным истуканом с отбитым лбом сменяется одна группа за другой. В царской ложе, в центре трибун, развалился толстый транснационал в шортах.

А немного выше в гору — развалины огромной христианской базилики. Совершенно пустые. Среди мраморных колонн — маки. Как капли крови на траве. Здесь — вниз головой — был распят апостол Филипп. Вскоре после казни страшное землетрясение разрушило город до основания. Руины тянутся вдоль всей дороги, ведущей к теплым источникам и бассейну. Но озабоченным своим здоровьем туристам, похоже, они не говорят ни о чем.

“Состязание” между православными храмами и античными капищами, которое в ранней Византии закончилось полным поражением язычества, ныне — по посещаемости — явно идет в пользу паганизма. Вот Эфес (турки называют это место Сельджук). Почти пуст залитый солнцем храм на вершине

холма. Немногие подходят к находящейся в его центре бело-мраморной могиле Иоанна Богослова... Зато неподалеку —людно. Здесь было одно из семи “чудес света” — капище Артемиды. Возвышался колосс многогрудой богини, чьи бесчисленные копии кишат в сувенирных лавках. Теперь святилище превратилось в болото с торчащими из него колоннами и камнями. На бывшем Артемисионе квакают лягушки и американцы.

Рядом с могилой Апостола любви — небольшое крытое помещение, где хранится несколько византийских икон. Оно заперто, и рассмотреть их в темном углу — через грязное стекло и сетку — никак не удавалось. Включил видеокамеру и попытался сделать наезд — может быть, так будет виднее... Кадры получились удивительные. Баланс по свету меняется, и картинка “пульсирует” — вот на секунду на иконописном золоте вечности проступают темные лики святых, а вот — мое собственное отражение в стекле на фоне яркого безоблачного неба... Где мы, в Эфесе или Сельджуке? В Византии или Турции? Что реально, а что призрачно: Турция, член блока НАТО; принцип незыблемости границ; нескончаемое унижение России; турецкое барахло, поступающее в “РФ” из Стамбула, мощь турецкой армии в виртуальном пространстве гостиничного телевизора? Или — Византия? Империя, лежащая под мусором тюркской топонимики? Пустынные мостовые Иерополиса, Эфеса, других городов, ведущие к Третьему Риму? Царьград и его запертые — пока — Золотые ворота? В них, по пророчествам, должны будут войти победоносные русские войска... Неужели?

...Куда же ушел Дух Святый из Второго Рима? Из города, христианская община которого была основана еще Андреем Первозванным... По его стопам — на север!

В год падения Царьграда на псковской земле родился мальчик. В монашестве ему дадут имя Филофей. Именно через него во весь голос прозвучит идея Рима Третьего. Именно он напишет: “Ромейское царство неразрушимо, яко Господь в Римскую власть написася...”

Да, во время переписи населения при императоре Августе Младенца Христа записали как жителя Римской империи. Но мы, православные, — насельники Третьего Рима, странствующего града святого, — а значит — земные сограждане Христа. И Его сотрудники. Ибо немалыми трудами предки наши подняли и понесли тяжкий крест свидетельства об Истине. Его нам уже некому передать. Старец Филофей напоминает: “Москва — Третий Рим и четвертому не бывать”.

Быть градом неразрушимым — не привилегия, а бремя. Нести его — и нынешнему поколению. Бог даст, и нашими молитвами, трудами — восстанет прикровенный Третий Рим. Но какие земные границы он обретет?

Битва за Царьград?

Говорят, что вершина Афона — полпути на небо. И что в хорошую погоду, при склоне солнца к западу, отсюда виден Константинополь... Или это только кажется? Но и внизу, на грешной земле, греческие монахи пытаются разглядеть не только настоящее, но и будущее Второго Рима.

В книге о старце Паисии пишется: “В Греции известно древнее пророчество, найденное на гробнице св.равноап. Царя Константина Великого в Константинополе о том, что греческие Цари некогда победят “царство Измаила”, то есть турков и что впоследствии “Русский народ, соединясь со всеми языками,.. его победят вторично, Седмихолмие (Константинополь) возьмут со всеми его принадлежностями”.

Порфиновый саркофаг императора находился на месте нынешней мечети Мехмета II. (Сейчас саркофаг хранится в Ватикане). Мавзолей являл собой часть базилики “Двенадцати Апостолов”, построенной на самом высоком из Царьградских холмов и хранившей мощи апостолов Андрея, Тимофея и Луки [32]. Мавзолей был вызовом древнему римскому табу на захоронения внутри городских стен. Однако для христиан мертвых не существует, поэтому Константин и после

своей земной смерти оставался полноправным насельником основанной им столицы.

В 1683 году в сочинении “Лебедь” архимандрит Иоанникий Голятовский писал: “Есть у туринов пророчество, до сих пор сохраняемое, что полуношный Самодержец мечом своим покорит и подчинит своей державе Святой град Иерусалим и все Турецкое царство. Этот полуношный Самодержец есть Царь и Великий Князь Московский. Он-то истребит басурманскую скверную ересь и до конца погубит”. (Предсказания султана Солимана и арабского астролога Муста-Эддина — Ю.В.).

Предание говорит, что русские войдут в Константинополь через Золотые врата. Те самые, на которых князь Олег прибил некогда свой красный щит [33].

...Проехав две станции на электричке от Стамбульского вокзала, выходим на остановке Йеди-кюле. Поблизости — участок городской стены, который сохранился, пожалуй, лучше всего. Вот они — Золотые ворота. С внешней стороны, в отличие от места турецкого пролома, к ним подъезда нет. (Случайно?) Подходим по едва протоптанной в траве тропинке. Справа — остатки рва. На его дне — маленькие домики и огороды. Когда подходишь к железным черным воротам, видно, что за первой линией стен следует вторая, гороздо более мощная. Но даже пробившись через них, атакующий оказывался в каменном мешке. Золотые ворота — кольцообразная, семибашенная крепость.

Со стороны города, за небольшую плату, войти в нее можно как в музей. На зеленом газоне двора — два ряда каменных ядер. Не такими ли крушила оборону Царьграда гигантская, превышавшая размеры Царь-пушки, бомбарда венгерского инженера Урбана?

Поднимаемся на высокие стены. Отсюда как на ладони виден Золотой Рог со стоящими на рейде торговыми судами. Когда-то со страхом наблюдала греческая стража появившиеся в этих водах суда варваров. То были наши предки. Дружина князя Олега.

Спустившись вниз, подходим к тыльной стороне Золотых ворот. Изнутри они заперты на бревно-засов. Кроме нас в крепости никого нет, гуляющего по стенам охранника не видно и под ленивым взглядом лежащей рядом собаки мы осторожно отпираем. Так оказываемся в пространстве между двумя линиями стен. Кто знает, может быть, русская рука навсегда откроет для нас эти ворота раньше, чем себе можно представить?!

Греческое предание гласит: город, основанный Константином, при Константине павший, будет возвращен православными при Константине — Шестипалом. В наши дни в Испании живет потомок императорской династии — принц Константин. На одной ноге у него — шесть пальцев... Сейчас ему 65 лет. Если пророчество имело в виду именно его, то ждать, говорили мне греки, осталось недолго... [34].

Возвращение Царьграда. Идея была высказана еще в 1519 году. Но — кем! Послом папы римского Дитрихом Шомбергом. И адресовалась она Великому Князю Василию III. Папа призывал его “за свою Константинопольскую отчину стоять”. Стремление заставить русских ослабить напор Османов на Европу было очевидным. Да, источник идеи — более чем сомнительный. Однако обратить лукавые усилия к пользе Господней, уподобиться Всехитрецу — вот священный архетип.

Поощряемый патриархом Константинопольским Иоаннием II, о готовности — ради освобождения Византии — принести в жертву войско, казну и даже собственную кровь, являл царь Алексей Михайлович.

Желала побороться за восстановление Царства Греческого и посадить на его трон своего внука, Великого Князя Константина, Екатерина II.

Но никогда победоносные русские войска не стояли так близко от стен Царьграда, как в 1878 году. Ватикан тогда, конечно, “забыл”, что это — “отчина русских царей”. Папа Пий IX велел молиться о победе турецкого оружия над “схизматиками”.

Говорят, войти тогда в Константинополь помешали международные интриги, сконцентрировавшие в себе всю ненависть и страх европейский перед Россией. В решающий момент Александр II телеграфировал Великому Князю, Главнокомандующему: “Прошу тебя, как брат, и повелеваю, как Государь, не входить в Константинополь”.

Генерал П.Краснов писал: “Англия не позволила!.. Дипло-мат-ты вмешались!.. И Государь сдал. Перед дипломатами. С такими солдатами — нам бояться Англии? О!.. какую ненависть к себе в эти дни посеяла в русских сердцах Англия... (...) Английский жид — Биконсфильд — жирным пальцем остановил полет наших орлов к Босфору и Дарданеллам... Жид!.. Понимаете вы — жид!..”

Тогда даже Феофан Затворник воскликнул: “Хоть бы шапку-невидимку и ковер-самолет достать. Вот бы погулять по англичанам. Первого Биконсфильда схватить бы за волосы, и ну таскать над Лондоном. Потом бросивши прогремел бы: всем вам будет то же за неприязнь к России”.

...В мае 1919 года на побережье Малой Азии высадились отряды греков, вооруженные Англией. Турция была на грани полного развала, и их продвижение долго не встречало серьезного отпора. Первое поражение греки потерпели менее чем в ста километрах от Константинополя. Сколь близкой была для них заветная цель! После этого Советская Россия оказала Турции материальную и военную помощь. Решающее сражение турки выиграли в районе Измира. В турецких частях были военспецы из Красной Армии, а командовал тем сражением ни кто иной, как Михаил Фрунзе... Затем последовали резня и изгнание из Малой Азии греков — потомков византийцев [35].

...В те трудные дни июля 1924 года, в Фарасе Каппадокийской родился мальчик. Его крестил деревенский священник иеромонах Арсений. В том же году — по обмену греческого и турецкого населения — семья перебралась в Грецию [36]. Тот священник известен сегодня как преподобный Арсений Каппадокийский, его мощи почивают в соседнем с Салониками

женском монастыре. А мальчик стал монахом. Его знают как старца Паисия Афонского.

Незадолго до смерти отец Паисий сказал паломникам с Кипра: “Турция развалится. Вы сейчас напоминаете дохлого клопа, но придет время, когда и туркам несдобровать. Курды и армяне создадут свои собственные государства и получают независимость... А нам, эллинам, отдадут Град (Константинополь)...”

Не интриги папы, не масоны, не жиды и не большевики помешали осуществлению этой цели... Не было воли Божией... Не суждено было русским победоносно завершить Первую мировую, не суждено было сбыться и планам остатков Белой армии — двинуть из Галлиполи в Константинополь. Эти войска по сути уже не являлись православными — не им было замахиваться на Царьград.

Но ведь рано или поздно предреченному суждено свершиться. Надо быть чуткими к проявлениям Высшей Воли. И быть достойными ее воплощения.

...От торгового района Лалейли, где закупают барахло наши “челноки”, по улице янычаров, где до сих пор сохранились старые кладбища воинов Аллаха, подходим к святой Софии. Вот она, открывается во всем своем величии... Внутри — огромные щиты с сурами из Корана. Впрочем, владевает здесь теперь не только и не столько ислам, сколько “общечеловеческие культурные ценности”. В Софийском соборе со времен Ататюрка уже не мечеть, а платный музей. В соседнем храме святой императрицы Ирины, победительницы иконоборчества, — концертный зал. Троянские автобусы привозят все новые толпы туристов.

Нет бога, кроме культуры, и доллар — пророк его! Против того, чтобы вернуть Софию православным, теперь выступит не только мусульманский, но и весь “цивилизованный мир”.

И все же вспоминаются слова вешего монаха Авеля, написанные два века назад: “Совершатся надежды русские. На Софии, в Царьграде, воссияет Крест Православный, дымом фи-
102

миама и молитв наполнится Святая Русь и процветет, аки крин небесный...”

И выйдет тогда священник с чашей из стены святой Софии... Бог даст, приобщимся этих Святых Даров и мы, грешные.

Геополитика веры

Мы нашли отца Андрея вместе с братией недалеко от монастыря святого Павла. В оливковом саду. Под каждым деревом расстелено полотнище, и забравшийся на лестницу монах бросает сорванные ягоды вниз. Кропотливая, утомительная работа! [37].

Вечером у иеромонаха Андрея выпало время побеседовать с нами. Мнение русского, живущего среди греков, особенно интересно.

Нам приходилось слышать, что на Афоне порой относятся к нашему монашеству довольно снисходительно. Дескать, непрерывная традиция была русскими утрачена... Отец Андрей едва заметно качает головой; он напоминает слова старца Силуана: даже если в мире пропадут вдруг все Евангелия, Дух Святой научит людей...

“С другой стороны, — продолжает наш собеседник после паузы, — перед революцией вектор духовной традиции шел в такую сторону, что, может быть, его нужно было прервать?”

Старец Паисий говорил: численный рост русского монашества на Афоне, скупка земель, размах строительства храмов, создание в Пантелеимоновом крупных мастерских со множеством рабочих, удручали греков. Они говорили о русском захвате. О давлении на традицию. Афонская тишина оказывалась под угрозой. Некоторые даже считают, что и революция 17-го года была попущена именно в этой связи. Для спасения Святой Горы” [38]...

Что ж, после революции все это не помешало любящим тишину грекам позариться на достояние русских святогорцев [39]...

“Что касается будущего, — продолжает наш собеседник, — мой старец говорил так: в России все образуется. Церковь там еще молодая, ей надо повзрослеть”.

Россия возрождается из плена богоборческого неоязычества. А Афон — ее новая Византия. Вот мысль, кажется, полюбившаяся грекам. Судя по словам нашего собеседника, они и знать не хотят о Москве — Третьем Риме.

Странно. В Уложенной грамоте, узаконившей русское Патриаршество, за подписью Константинопольского патриарха Иеремии II специально упоминается “великое Российское царство, Третеи Рим”...[40]. Может быть, греки не знают своей истории? А может быть, считают, что те знаменательные слова патриарх написал, находясь на московском содержании?

Впрочем, Третий Рим столько же прикровенен, сколь и Византия. Если сравнить с Царьградом, — намного ли больше на его улицах православных, то есть живых людей, насельников живой империи? Греки — в большом числе — осознают необходимость и неизбежность возвращения Константинополя. Но многие ли наши сограждане, даже считающие себя христианами, понимают, что то же самое касается Рима Третьего?! Что нам еще предстоит его штурм!

Да, здесь помнят о Риме Втором. Ожидание битвы за Византию — живо и на Афоне.

(Что ж, в русско-турецкую войну “геополитиком” был и святитель Феофан Затворник: “Нам необходимо взять в свои руки вход в Босфор со стороны Черного моря. А то всякая дрянь (...) врывается со своими кораблями и грызет наши окраины...”).

“Когда начались события в Косово, — продолжает отец Андрей, — некоторые монахи, до этого казавшиеся чуждыми миру, превратились вдруг в геополитиков. Все схемы развития событий заканчивались, конечно, взятием Константинополя [41].

Один из братии спрашивал меня: ты радио слушаешь? Послушай! И я послушал. После этого в голове стали крутиться мысли: какое оружие лучше, наше или американское?.. А у нас, у монахов, другое оружие.

Понятно происхождение всего, отвлекающего от молитвы. Преподобный Силуан напоминает: “Кто хочет чисто молиться, тот не должен знать никаких газетных новостей, не должен читать плохих книг или любопытно знать что-либо из жизни других. Все это приносит в ум много нечистых мыслей, и когда человек хочет в них разобраться, то они все больше и больше запутывают и томят душу”.

Старцы утверждают: в час умной молитвы все внешнее, отпечатавшееся в мозгу, неудержимой стеной идет на сердце и производит смятение. Мир человеческой воли и воображения это мир “призраков” истины. И он у человека общий с падшими демонами, поэтому воображение есть проводник демонической энергии.

Надо не выпускать ум свой: за ворота монастыря, за пределы кельи, а потом и из сердца. И тогда войдет в него благодать Божия. О духовной, главной битве человека святитель Игнатий пишет: **“КАЖДОМУ ИЗ НАС ПРЕДНАЗНАЧЕНО ВЗЯТЬ У ИНОПЛЕМЕННИКОВ СВОЙ ИЕРУСАЛИМ И СВОЙ ЦАРЬГРАД”.** А значит — очистить от врагов веры храм своей души. Такова духовная проекция предвещанной нам предапокалиптической победы. “Реконкисты”, которая, Бог даст, вберет в последнюю Православную империю и Царьград, и Иерусалим.

...И все же — в том, что многие афонские насельники представляют свою маленькую монашескую республику наследницей великой Византии, свой смысл есть. В России после революции (да и до нее) действительно многое было духовно утрачено. И сейчас она еще больна, ей нужны чистые источники. На Святой Горе, впрочем, как и в нашей стране, они пока не иссякли.

Так можно ли назвать Афон нашей новой Византией? В России, как писал Л.Тихомиров, “не столько подражали действительной Византии” (где было немало ересей и борьбы даже с Императорами-еретиками, политических эксцессов и частых нарушений симфонии, отсутствовали законы о престолонаследии), “сколько идеализировали ее и в общей слож-

ности создавали монархическую власть в гораздо более чистой и более строго выдержанной форме, нежели в самой Византии"... [42]. Касается это не только монархического строительства, но и Церковной жизни. А коли так, — вдохновляющая роль Афона остается.

Варлаам вернулся?

Теплохладный ветер рационального Запада столетиями овеивал афонские берега. Он летел до самого Константинополя. И встречался с ледяным потоком, идущим из прошлого — мудрованиями эллинской философии. И все это бушевало.

В кипении духовных циклонов увлечь христиан ревностью о собственной праведности, экзальтацией, внешней суровостью жизненных правил нередко удавалось еретикам. В том числе — богомилам, проповедовавшим идею равноценности Добра и Зла... Самим Богом был послан Григорий Палама и его сподвижники. Они возродили на Афоне древнюю практику "умного делания". Они вырвали из рук еретиков множество тех, кто еще не стал "теплохладным".

Во время нашествия турок Афон покинули св. Григорий Синаит и двенадцать его учеников. Был среди них и Григорий Палама, решивший провести остаток своих дней в Иерусалиме — в тишине и созерцании. Но Бог судил иначе. В Фессалониках исихасту явился св. Димитрий Солунский — и повелел остаться. Господь призвал святого Григория из видимой неподвижности монашеского делания на великую брань. И скоро молитвенная тишина имперской окраины зазвучит в самом сердце Византии.

Монахи опытным путем стяжали богообщение, видение Фаворского света... Но вот некий Варлаам, стремившийся привнести в учение Отцов умозрительность эллинской философии, объявил исихазм прелестью. В Константинополе сей муж познакомился с некими прельщенными монахами. Те вызывали особые видения с помощью психофизических тех-

ник: выбора позы, контроля дыхания. Не слезное покаяние, а лихорадочный поиск новых “божественных ощущений” — вот что было главным [43]. Из этого Варлаам сделал отрицательный вывод об “умном делании” вообще.

Говоря современным языком, творения Григория Паламы он объявил не вписывающимися в научную систему. Учение “не вписывалось” на самом деле. Возрастающему хаосу “логических построений” оно могло противопоставить “лишь” живое общение с Богом.

Спор имел догматическую подоплеку: “Варлааму было важно опровергнуть представления св. Григория о видении нетварного света не только ради собственного престижа и защиты философских убеждений, но и ради осуществления плана всей своей жизни: из невозможности доказательно познать Божии тайны он хотел вывести вторичность любых догматов и предложить это воззрение как почву для объединения Церквей. В 1339 году он поехал императорским послом в Авиньон (в то время резиденция папы — Ю.В.), где изложил этот план. Но папа Бенедикт XII не принял его догматического релятивизма и посольство не принесло заметных плодов” [44].

Несчастный Варлаам проиграл богословскую дискуссию. Конец биографии этого умника, начинавшего с резкой критики латинства, характерен. Он “... уехал в Авиньон, принял униатство (...), папой Климентом V был назначен — не без протекции Франческо Петрарки, своего ученика в греческом языке, — на епископскую кафедру в г. Джераче в Неаполитанском королевстве (...) и написал оттуда “друзьям в Греции” несколько писем о преимуществе католичества” [45].

“Умная молитва” — дело избранных. Трудно удержать ее в клети своей души — и отдельному человеку, и целому поколению верующих. Но эта “райская птичка” всегда возвращается...

Духовное ослепление XVIII века не нуждалось в образах Боговидения, доступных Андрею Рублеву. Итальянской кис-

тью “век Екатерины” писал картины плотских очей. Нимбами наделялись пышнотелые существа в хитонах, напоминающие актеров крепостных театров [46]. Не видя мира горнего, не чувствуя его дыхания, выписанные из-за границы профессора раскладывали шестеренки “мирового механизма” по полочкам... И все же алчущие узреть Бога Живого оставались всегда.

Паисий Величковский искал учителя, старца. Искал в России, в Молдовлахии, на Святой Горе... И ему пришлось спастись на “обломках” Апостольского Корабля. Это были греческие книги, переведенные им в афонской келье. Так было положено начало созданию русского “Добротолюбия”.

Об исихазме блаженный старец писал: “Пусть будет известно, что это Божественное делание священной умной молитвы, было непрестанным делом древних Богоносных отцов наших, и на многих местах пустынных, и в общежительных монастырях, как солнце, просияло оно между монахами: в Синайской горе, в Египетском ските, в Нитрийской горе, в Иерусалиме и в монастырях, которые окрест Иерусалима, и просто сказать — на всем Востоке, в Цареграде, на Афонской горе и на морских островах; а в последние времена, благодатию Христовою — и в Великой России”.

...Мы — во дворе основанного Паисием Величковским русского Ильинского скита на Афоне. Сейчас, после полицейского изгнания отсюда славянской братии, он принадлежит грекам. Нам показывают колодец, выкопанный еще святым Паисием. Как и в источнике Григория Паламы, что в монастыре Есфигмен, вода в нем удивительно вкусная. Отраднo прильнуть к этой влаге после трудного подъема!

...В первые годы XX века дух Варлаама словно восстал из преисподней. Вспыхнула борьба с имяславием на Афоне. Началось все с книги схимонаха Иллариона “На горах Кавказа”. В ней говорилось о личном опыте в делании молитвы Иисусовой: в имени Божиим присутствует Сам Бог, Его энергии, которые Григорий Палама называл нетварным Фаворским светом. По сути, о том же писал и Игна-

тий (Брянчанинов): “Имя Господа нашего Иисуса Христа — Божественно; сила и действие этого имени — Божественны; оне всемогущи и спасительны; оне — превыше нашего понятия, недоступны для него”. Слова святителя не были умозрением. Из его “Аскетических опытов” мы видим личную практику епископа в “умном делании”: “Слова молитвы должно произносить очень неспешно, даже протяжно, чтобы ум имел возможность заключаться в слова (...) Великий делатель великой и совершенной молитвы сказал: хочу пять словес умом моим глаголати, нежели тьмы словес языком”.

По сути, имяславие было “русской” разновидностью исихазма. Его приняла большая часть наших афонских монахов. Именно те, кто имел личный опыт “умного делания” или стремился к его обретению. Книгу схимника Иллариона благословили многие великие подвижники, в том числе, старец Оптинский Варсонофий. Издавалась она на средства Великой княгини Елизаветы Федоровны. Высоко оценил книгу и владыка Феофан (Быстров), будущий духовник Царской Семьи (его магистерская диссертация называлась “Тетраграмма” — об Имени Божиим”).

Да и не о том ли говорит Иоанн Кронштадтский: “Тебя зовут, например, NN. Если тебя назовут этим именем, ведь ты признаешь всего себя в нем и отзовешься, значит согласен, что имя твое — ты сам с душою и телом, — так и святые; призывая имя их, ты призовешь их самих. Но у них нет тела. Что из того? Тело только вещественная оболочка души, дом ея, а сам человек — есть душа; когда и тебя зовут по имени, не тело твое отзывается, а душа твоя, посредством телесного органа. И так — имя Бога всемогущего — есть Сам Бог — Дух вездесущий и препростый”. (Современные имяборцы, объясняют нам, что “Св. прав. Иоанн прославился в нашей Церкви не как богослов, а как молитвенник и чудотворец”. То есть на него лучше не ссылаться).

На закате Российской империи повторилась закатная история Византии. Только в еще худшей форме. Некоторым

иерархам Церкви учение показалось еретическим. (Позже выяснится, что далеко не все из гонителей читали книгу схимонаха Иллариона). Хотя учения то не было. Была болитвенная практика отца Иллариона, описанная в книге. И был исихозм афонских монахов, зачастую людей “простых”, не задававшихся мудренными вопросами. Они просто старались всегда держать молитву Иисусову.

Меж тем, стелясь по грешной земле, приземленный дух все чаще вползал за церковную ограду. Порой и в монастырях говорили: главное — читать по молитвослову, больше работать, тем и спасешься. В “умном делании” виделся едва ли не путь к прелести.

Однако еще Игнатий (Брянчанинов) писал: “Учение о божественной силе имени Иисусова имеет полное достоинство основного догмата, и принадлежит к всесвятому числу и составу этих догматов. Невежественное богохульное умствование против молитвы Иисусовой имеет весь характер умствования еретического”. Запрещения молитвы Иисусовой выродившегося в фарисейство священноначалия, святитель сравнивает с действиями Синедриона: “Несмотря на явное чудо, несмотря на свидетельство, данное истине Самим Богом, Синедрион запрещает настрого апостолам учить о имени Иисуса, даже произносить это имя”.

Это был странный спор — между зрячими и слепыми. О его сути можно сказать словами Макария Великого: “Часто случается, что простой человек, егда в моление углубляется, приходит в видение и премудрость, куда не достигают сильные, премудрые и риторы, дабы узнать высоту его мыслей; понеже он внимает Божественным тайнам. Кто бо драгоценных камней испытывать не умеет, тот и ценить их не может...”

“Своим умом”, говорит Силуан Афонский, можно видеть лишь маски и призраки истины.

Справедливости ради надо сказать: среди “имяславцев”, видимо, были монахи, которых можно назвать предшественниками нынешних зилотов. Во имя того, что они определили для себя как “главное”, отвергли другое, например, представ-

ления об иерархии. Истина, полнота которой — Сам Господь, была рассечена. Возможно также, что странному возбуждению страстей способствовало неправильное понимание некоторыми практики “умного делания”. Речь о том преувеличении роли психофизических техник, разгорячающих кровь, о которых Игнатий (Брянчанинов) писал: “Некоторые (...) непомерно удерживают дыхание, и тем повреждают легкие, вместе причиняя вред душе усвоением ей понятия неправильного. Все разгоряченные и излишне напряженные действия служат препятствием к преуспению в молитве, развивающейся единственно в лоне мирного, тихого, благоговейного настроения по душе и телу. “Все неумеренное — от демонов” — пишет Пимен Великий” (...) “Удерживай” — говорит преподобный Григорий Синаит — “и дыхание, то есть, движение ума, смежив несколько уста при совершении молитвы, а не дыхание ноздрей, то есть чувственное, как это делают невежи”...”

Все это уже было во времена Варлаама. Было и невежество, были и “умствования”: имя Спасителя называли предвечным, ставили знак равенства между Богом и именем Его. Да, история повторилась. Но тогда, во времена Варлаама, Церковь сумела отделить зерна от плевел.

В начале же XX века все вылилось в борьбу с исихазмом. Иные “борцы” бросали на пол записки с именем Божиим и топтали их, “доказывая”, что имя — не тождественно Божией сущности. Так проявлялась та самая ненависть к Духу Святому, которая — от принятия иного духа... [47].

Трагическое недоразумение было двусторонним. Трагическим оказался и результат. 3 июня 1913 года отряд русских моряков высадился на территорию Афона. Шли одни добровольцы — “монахов бить”. Более восьмисот человек обрили и отправили в Россию. Иноков, проживших на Святой Горе по сорок и даже шестьдесят лет, на родине отказывались хоронить по монашескому чину.

Греки, которые еще по свидетельству преподобного Нестора Летописца, “лукавы суть”, поддержали суровые меры. По русскому монашеству был нанесен жесточайший

удар. И это вполне отвечало идее “эллинизации” Святой Горы [48].

В связи с афонским погромом духоносные старцы говорили о великих бедствиях, которые постигнут Россию. Так и случилось... Эта история — предупреждение всем нам. Ведь и в наши дни упоминание об исихазме часто вызывает отторжение. Новые варлаамиты крутят пальцем у виска. Дескать, соблазн все это. Какая же поразительная ненависть к молитве Иисусовой! Каково кощунственное отрицание того факта, что В “УМНОМ ДЕЛАНИИ” ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ ЖИВОГО И ДЕЯТЕЛЬНОГО БОГА ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Она длится — неуправляемая и неподконтрольная самым “высоким лицам”.

Слава Богу, Спаситель, взявший на Фавор своих ближайших учеников, вновь призывает к духовному подвигу. Призывает на путь “умной молитвы”; его святитель Игнатий назвал путем царским, избранным, который “настолько возвышеннее и изящнее всех других подвигов, насколько душа превосходнее тела”...

Огонь свидетельства

В XIII-XIV веках на склонах Кавсокаливии одна за другой горели каливы и шалаши. Это преподобный Максим, покидая очередное жилище, сжигал его дотла. Многие считали его прельщенным и даже сумасшедшим. Подвиг юродства святого оценил лишь пришедший сюда Григорий Синаит... А огни сгоревших калив до сих пор напоминают нам о преходящем характере всего земного. Всего того, чему надлежит сгореть в пламени Второго Пришествия.

Суровую местность эту называли по прозвищу Максима-Кавсокаливита, “сжигателя калив”.

...Наш паромчик приближается к Кавсокаливии. Уже у ее берегов узнаем: по какой-то причине можно доплыть чуть дальше — к подножию скалы Нила Мироточивого. Будем считать, что святой приглашает нас к себе.

Удачно: на этот безлюдный берег, где не очень-то понятно, куда нужно идти, выходим с группой греков. Простейшие слова мы уже освоили, поэтому можно объясниться: “Пу ине спилио агио Ниле? — Где пещера святого Нила?” Нам показывают на вершину высоченной скалы. Там, едва заметная отсюда, видна какая-то постройка.

На крутой тропе встречаем двух молодых монахов в ветхих подрясниках. Они едут на мулах. Живописная картина. Достаем фотоаппараты, но монахи, похоже, позироваться не хотят. Используем испытанный прием: пробуем объяснить про фотографа из Московской патриархии. Улыбаясь, они проезжают мимо. Только тут я обращаю внимание: на скафейках — красные крестики. Зилоты! Сниматься они не любят.

Меж тем оказываемся на вершине скалы, где установлен крест. Отсюда к пещере надо немного спуститься. Вот где дух захватывает! Столь глубокой пропасти, разверзшейся под ногами, мы не видели давно. Осторожно подходим к маленькому храму, а затем — к пещере, в которой была устроена ныне полуразвалившаяся келья. Здесь подвизался преподобный с 1601 по 1651 годы. Из окна открывается поразительной красоты вид. Таким видел мир Божий Нил Мироточивый! Бескрайнее море и голубоватый, в дымке, берег. Отсюда он не кажется твердью, он представляется чем-то зыбким... Страшные пророчества о последних временах монашества и его упадке на Афоне принадлежат святому Нилу! В них говорится, что на Святую Гору уже пришла блудница, имена которой многостяжательство, многозаботливость и многопопечение.

После успения преподобного, из мощей истекало миро. Подходившие на кораблях люди собирали его внизу. Со временем мироточение прекратилось. Может быть, это произошло с оскудением духовности на Афоне, предсказанной самим Нилом?

В Кавсокаливии находим еще одну пещеру. Здесь в XVII-XVIII веках подвизался преподобный Акакий Новый. Сохранились две или три корявые, сучковатые жерди, на которых он спал — не более получаса в сутки. На них даже минуту с

трудом усидишь — жестко и неудобно. Говорят, что люди с большим позвоночником, полежав на таком ложе, получают исцеление.

Моли Бога о нас, святой Акакие!

Утром, помня совет отца Лазаря, идем на кладбище, что неподалеку от архондарика. Находим могилку старца Порфирия. Теперь здесь небольшое углубление: Отсюда были вынуты мощи. Видно, паломники часто берут землицу. Берем и мы.

Кругом тишина. Та самая тишина, что так нужна для сосредоточенной, “умной” молитвы. Наверно, именно в такой тишине слышал однажды Старец соловья и подумал: “Но для кого поет он сейчас, кто его слушает? Только для Творца своего, для Создателя Своего, для него поет”. Тогда, вспоминал подвижник, когда я увидел этого соловья, в душе моей родилось чувство, что я исчез, что я не существую.

О том же свидетельствует и Игнатий (Брянчанинов): “Стежавшие истинную молитву ощущают неизреченную нищету духа, когда предстоят перед Богом, славословя Его, исповедуясь Ему, повергая перед Ним прошения свои. Они чувствуют себя как бы уничтожившимися, как бы несуществующими. Это естественно! когда молящийся ощутит обильно присутствие Божие, присутствие Само-Жизни, Жизни необъятной и непостижимой: тогда его собственная жизнь предстанет ему мельчайшею каплею, сравниваемую с безпредельным океаном”.

Здесь, на скромной могилке, вспоминается все то удивительное, что знаем мы о Старце. О нем свидетельствуют так: “Это — то чудо, которое случилось с о.Порфирием: хотя телесно он был здесь, но в то же самое время находился духовным образом за сотни и тысячи километров, далеко, и там видел и описывал лица и состояния. Но спрашивается: как могло это быть? Ответ дает преподобный Старец: “Это дело бывает тогда, когда Христос приходит внутрь нас жить, тогда ты будешь везде, со Христом”. [49].

...Последний пункт нашего очередного, самого длинного и трудного перехода по горным дорогам — монастырь Симо-

на Петра. Возможно, это наиболее живописная из афонских обителей. Стоит она на вершине скалы. По преданию, строители отказывались возводить здесь стены, говорили, что сие невозможно. Особенно усилился ропот, когда мальчик, неся на подносе стакан воды, сорвался и упал в пропасть... Велико же было изумление присутствующих: через некоторое время он вернулся, не расплескав ни капли. Это было явным знамением: строить надо именно здесь.

Среди святынь обители есть одна, особенная. Мощи Марии Магдалины, ее десница. Нам говорили, что она теплая. Наконец прикладываемся и мы сами... Переглядываемся и прикладываемся снова. Вынесший мощи монах терпеливо ждет. Тепло оказывается не едва ощутимым, как можно было бы подумать. Это температура горячей живой руки! Что за чудо!

Когда Мария Магдалина сообщила Благоую Весть о воскресшем Спасителе императору Тиберию, она подала ему красное яйцо. Символ жизни вечной, скрывающейся под скорлупой смерти. Мария держала его в правой руке. Может быть, частичку жара этого свидетельства ощутили и мы? Как растапливает этот огонь лед маловерия!

Отцовский череп

Примерно в четвертой части подъема к вершине Афона — скит Святой Анны. Его соборный храм, называемый Кириаконом, кажется с берега красной точкой. Где-то здесь подвизается известный старец. Его зовут папа Иоанис. Где же его келья? На наши вопросы все отвечают вразнобой. Впрочем, поговорить с ним, как нам рассказывали, почти невозможно. Принимает он едва ли не по письменным рекомендациям. Ну что ж, как Господь управит.

Вот мы на полпути до Кириакона. Останавливаемся у железных черных ворот. За ними — большая двухэтажная келья. Здесь из крана можно попить воды, а это сейчас очень кстати. Тут же отдыхает молодой греческий паломник. Спрашиваем о папе Иоанисе и его. Он показывает на ворота: дес-

кать, тут папа, тут. Вот так сюрприз! Решаем ждать, хотя не имеем понятия, откроются сегодня эти ворота или нет... Не проходит и пяти минут, как внутри раздается стук копыт. Похоже, кто-то выводит мула (на Афоне их ласково называют “мулашками”). Ворота открываются. На пороге — седобородый монах. Большие, темные, очень живые глаза смотрят на нас весело. За его спиной — морда мула. Паломник начинает разговор по-гречески, а потом указывает нам на старца: “Папа Иоанис”. Подходят и другие люди. Папа, кажется, о чем-то шутит. Все улыбаются. Наконец обращается к нам. Грек переводит по-английски. Так, через вторые руки, мы улавливаем смысл сказанного.

“С Россией все будет хорошо, не надо беспокоиться. Все-му плохому приходит конец. Вот был Сталин, унесший миллионы жизней, — и нет его... — папа Иоанис выдерживает паузу, смотрит на нас уже без улыбки. — Потом ведь православные не боятся смерти. Чего бояться, когда столько святых с нами: Димитрий, Георгий и другие”.

Из ящичка, висящего на стене, он достает рахат лукум, угощает. Спрашивает, не голодны ли? Пока мы мнемся, послушник выносит большие желтые яблоки, булку, мешочек с оливками.

Опять смущение: честно говоря, надеялись услышать от старца нечто более “значительное”. Слова же его явно обращались к неразумным детям из забытого племени, которых неделю назад добрые миссионеры обратили в веру Христову... Потом эта банальность о Сталине. Из уст монаха... Впрочем, прости нас, папа Иоанис, будем считать все услышанное издержками языкового барьера.

...Особая любовь к России была свойственна лишь афонским монахам, снискавшим Божественную благодать. Таким, как старец Паисий. Тем, кто не разумом, а Духом Святым знал, что такое Россия. Другие же относятся к нашей стране с некоторым добродушным снисхождением. Не в обиду будет сказано, но многие здешние старички в двадцатые-тридцатые годы окончили несколько классов в какой-нибудь бедной гре-

ческой деревеньке, а потом всю жизнь провели в стенах кельи. Они, конечно, слышали, что на границе эйкумены есть какая-то полуварварская Россия. Но не более того.

Это снисходительное отношение ко всему русскому перерастало иногда в карликовую неприязнь. Доходило и до ненависти... В притворе Пантелеимонова храма есть давно заложенная дверь. Лет сто пятьдесят тому назад вышел через нее со службы русский монах и тут же упал под ударом ножа монаха-грека.

“Некоторые греческие инокы враждебно вели себя по отношению к инокам-славянам или грузинам, порой пытаясь даже изгнать их из принадлежащих им обителей и захватить эти монастыри. Печальные недоразумения настолько усилились, что Константинопольская Церковь вынуждена была в 1872 году анафематствовать филетизм — учение о национальном различии в церковной жизни” [50].

В жизнеописании знаменитого игумена Пантелеимонова монастыря схиархимандрита Макария читаем о ситуации середины прошлого века: “Положение русских иноков в их же древнем монастыре было безправное. Захватившие этот монастырь греческие монахи считали Русских пришельцами, полуварварами, которым дозволяется жить вместе с ними лишь из милости, под условием, чтобы они работали на своих самозванных хозяев; вносили в безконтрольное их распоряжение при своем вступлении в монастырь лично принадлежащие им деньги...” Вот характерное греческое высказывание тех лет: “Русские хотят раздела? Для них не будет иного раздела, а пусть идут туда, откуда пришли. Их не терпят ни патриарх, ни протат, ни само место, ни монастыри, ни народ. Земля эта не принадлежит ни России, ни Турции, а есть достояние греческой нации, и надеемся, что нам помогут все избавиться от русских, даже сами стены и камни, и постараемся не иметь не только в нашем монастыре, но и на всем Афоне ни одного русского”.

Дьявол — тут как тут. И готов записаться главным националистом. Поразительно: по свидетельству современни-

ков, положение русских на Афоне с изгнанием с него турок ухудшилось. Подъем “эллинского духа” в первую очередь ударил по представителям православного народа, нанесшего Османской империи главные поражения... Нет, не учитывая фактора дьявола-разделителя, понять этого невозможно.

...Поднимаемся в архондарик, что рядом с Кириаконом. На небольшом кладбище собираются монахи. Здесь же двое мирских. Подходим поближе. Через некоторое время начинают копать одну из могил. На ее черном кресте написано: “Монах Варнава из каливы святого Георгия, умер 8 июля 1996 года”.

Вот крест положен в сторону. Разворачивается мантия. Монахи достают и внимательно осматривают череп. Желтый! Ткань во многих местах сгнила, поэтому из земли тщательно выбирают косточку за косточкой. Плоть истлела совершенно. На Афоне это считается хорошим признаком. Все спокойны. Переживания отражаются только на лице совсем юного послушника. Он, очевидно, присутствует при такой церемонии впервые.

Кости омывают водой. Череп передают одному из двух мирских греков. Оказывается, это сыновья покойного монаха. Зовут их Димитрий и Константин. Мы подходим к ним с соболезнующим видом, но Димитрий говорит: “Никаких проблем, все нормально. Так и должно быть”. Узнаем, что отец их подвизался здесь тридцать три года. Он построил каливу и церковь святого Георгия, которые находятся неподалеку. Вон они, совсем новенькие, висят над обрывом на фоне вечернего моря... [51].

О масонах, зилотах и страшных трупах

Не считая нашего Пантелеимонова монастыря, построенного в поздние времена, все афонские обители как бы типовые. Окружены крепостными стенами — оградой от пиратов,

латинян, турок и прочих басурман, а внутри — похожие один на другой два-три храма, колоколья. Часто они выкрашены в красный цвет. Если же храм не оштукатурен, видны характерные особенности здешней кладки: белый камень перемежается двойным слоем тонкого красного кирпича. Лавра — наиболее древний образец.

В центре монастырского двора — два тысячелетних гигантских кипариса. (Один из них, посаженный святым Афанасием, упал уже после нашего пребывания на Афоне). Здесь же — усыпальница Вселенских патриархов.

В соборном храме — двери, взятые из знаменитого Кносского дворца Критского царя Миноса. Бронзовые, видимо, с добавлением золота, во всяком случае, не чистят их никогда... Игуменское кресло святого Афанасия... Вот открываются Царские врата, и в алтаре обозначаются темные очертания креста. Крест Константина Великого! Один из тех, что были изготовлены по приказу императора после явленного ему в небе знамения — Креста и Божественных слов: “Сим победиши”! Крест этот довольно большой, кажется, метра два высотой. Деревянный. На нем — украшенный крупными драгоценными камнями серебряный оклад.

Славна история Лавры. Достаточно сказать, что она дала три десятка Константинопольских, несколько Иерусалимских патриархов.

Непрерывность лаврской традиции очевидна. Она заметна даже по тому, что среди братии здесь как нигде много стариков. По вечерам, во время нашего трехдневного пребывания в Лавре, вместе с ее единственным русским насельником монахом Афанасием, мы побывали в кельях у некоторых из них.

У отца Иакова жарко натоплено. Кельи старых, уважаемых монахов скорее похожи на многокомнатные, вполне уютно обставленные квартиры. Обширные лаврские помещения позволяют жить в этом смысле вольготно. Но, похоже, эта “роскошь” как бы не замечается самими лавриотами. Она контрастирует, например, с характерным для афонцев латанным-

перелатанным подрясником отца Иакова. Меж тем, по здешней традиции, он приносит откуда-то старинный штоф. Разливает ракию. Монах Афанасий, делая нам какие-то предупреджающие жесты (дескать, сейчас услышите нечто удивительное) спрашивает: “Геронтас, а какого года ракийка?” Тот ненадолго задумывается, потом отвечает: “Забыл точно. То ли сорокового, то ли сорок первого”. Хороша ракия у отца Иакова, мягкая и душистая!

Иеромонаху Евстратию — лет пятьдесят. Спокойный взгляд (он кажется немного грустным). Ровная, негромкая речь. За ней чувствуется большая внутренняя сила. Он — в числе наиболее авторитетных и ученых насельников Лавры. Мои вопросы о странных звездах, расставленных во многих афонских обителях, его не удивили. Афон, как один из последних оплотов Православия, уже давно является объектом атак религии мира сего. (Мой собеседник показывает новую книгу одного греческого архимандрита о том, что масонство — ни что иное, как религия, призванная к контр-преображению человека, к причащению его во мраке ритуалов — сатане).

Вспоминаются слова старца Паисия: “Теперь дурной человек представляется хорошим. Масон, например, представляется хорошим и богобоязненным, а сам держит сумку, в которой скрывается диавол. Масон утверждает, что ведет людей по прямой дороге, и, когда он идет вперед, то диавол показывает из сумки один рог. “А это еще что?” — спрашивают любопытные люди, как только убеждаются, что это диавол. Масон же говорит им: “Это баклажан. Идите за мной”. То есть, когда мы знаем, что творятся бесовские дела, нам стараются представить их как добрые и полезные” [52].

Известно стремление “веротерпимых” вольных каменщиков сеять недоверие к церковной иерархии. Недавно в Лариссе возник конфликт между двумя епископами. Тогда же один мальчик, исповедуясь лаврскому духовнику, рассказал, что в доме его отца, масона высоких степеней, состоялся совет “братьев”, которые порешили: всячески способствовать разрастанию скандала. Характерный пример.

— Не получается ли так, что единственной действенной антимасонской силой являются в православном мире все те же зилоты?

— Я сам был зилотом, поэтому знаю эту проблему хорошо. Итак, зилоты осуждают тех, кто поминает в молитвах патриарха Варфоломея. Но возникает вопрос: почему старостильники (зилоты) просто не анафематствуют их? Был такой показательный случай. Однажды зилотский диакон Галактион (сейчас он у них епископ) заявил, что благодать присутствует и в новостильной Церкви. Зилоты хотели сразу же запретить его в служении. Но он ответил:

— Хорошо. Я согласен. Но где документ, в котором вы предаете анафеме всех остальных? Если Синод примет такое решение, я его послушаюсь.

— Мы не можем этого сделать, — отвечают ему “смелые” обличители, — ты же прекрасно знаешь, что за это нас могут даже посадить в тюрьму...

“Зилотское движение, — продолжает отец Евстратий, — все более проявляет сектантские черты. Сейчас оно разделилось на четыре главных ветви, которые борются друг с другом. Наверно, более яростно, чем с масонами. И я не уверен, что в последнее время это дробление не продолжается.

Кстати, в одном из зилотских направлений был момент, когда у них остался единственный архиерей. И он единолично рукополагал во епископы других. Такое отступление от канонов “ревнителей” почему-то не смущает. И какова за всем этим гордость! Владыка посчитал, видимо, что в какой-то момент Господь оставил его одного (!) для спасения мира”.

“... если сатана представляет себя Божеством, то раскольник в своих мечтаниях представляет себя Церковью... Раскольник находится в сфере собственных иллюзий, но утопия, как и всякая ложь, ведет человека к смерти...”

Психические больные не поддаются убеждению, потому что их внутренний мир — визуальных представлений, голосов, которые они слышат, — это для них мир высшей реальности, недоступный для “профанов”, которые не понимают

их. Так и в расколе мы видим подобие интеллектуальной изоляции, уход в мир собственных представлений, неспособность и нежелание понять другого. Гордость не может не только слушаться, но и слушать. Поэтому, разговаривая с раскольником, нередко испытываешь чувство, что твои слова обращены к спящему или глухому" [53].

— Отец Евстратий, в одной книге я видел страшную фотографию. Почерневшие, с искаженными, жуткими лицами тела; длинные, в несколько сантиметров, изогнутые ногти; дыбом стоящие волосы... Подпись гласила, что это останки лаврских монахов, которые еще в старину отслужили с латинянами совместную литургию. Тела еретиков не разложились, а приняли дьявольский вид. Лежат они в какой-то пещере...

— Я вам скажу: это не фотография, а рисунок, который любят воспроизводить в своих изданиях зилоты. Инициатором фальсификации являлся покойный отец Антоний из Кавсакаливии. Лично мне он исповедовался в этом грехе и покаялся.

Справедливости ради надо сказать: из этого ответа отца Евстратия не было ясно, существует ли "пещера отлученных" на самом деле. Мне говорили, что о ней не любят вспоминать, дабы не бросать тень на историю Лавры.

Однако в Афонском патерике, изданном в 1897 году, читаем следующее: "Прежде всего они (латиняне) пришли в Лавру св.Афанасия и предложили находящимся в обители инокам присоединиться к их вере и войти в общение с ними. Монахи, испугавшись и ложно толкуя Апостольское изречение: "дадите место гневу", согласились чрез одного из отлученных священников присоединиться к ним, чем и освободили обитель. Впоследствии они были обличены Богом и наказаны. Но мы, не желая укорять обители, умолчим об этом".

В книге лаврского монаха Власия, которая издана у нас под названием "Сияние святости", есть указание более конкретное: "На востоке пустынной местности, называемой "Вигла", возвышающейся над морем, есть пещера, заложенная камня-

ми и замурованная. В ней, как гласит предание, лежат ужасные распухшие останки трех монахов — пособников латиномудрствующих.

В одной книге написано, что эту пещеру показывал монаху Лазарю Дионисиатскому (...) известный духовник, блаженный отец Малахия, в 1922 году. Вначале останки этих отлученных находились на кладбище Великой Лавры, но, поскольку там начали происходить неприятные события, их перенесли в пещеру на Вигле. Но когда один паломник-сердечник упал в обморок при виде этих трупов, Великой Лавре пришлось замуровать пещеру”.

Рисунок, который мне показали, действительно страшен. Он изображает поистине адское нетление. Сохранились даже глаза несчастных монахов — широко раскрытые — в ужасе. Ибо то, что видят отступники после своей земной смерти, — ужасно [54].

Страшное наказание Господне за “экуменизм”. Кажется, трупы беззвучно вопиют о покаянии. Услышать этот крик Господь дает нам вовремя. Соблазн вступления в мировую церковь антихриста охватывает страны и континенты. Однако сам грех этих несчастных используется Всевышним во благо для нашего трезвения.

Есть ли чудеса в России?

Афонские насельники стараются трезво относиться ко всевозможным чудесам и знамениям. Да, в 1981 году, вскоре после того, как Лавра вновь стала общежитильным монастырем (до этого долгое время, в нарушении древнего устава, в обители не было игумена, общей трапезы), начали мироточить мощи святого Афанасия. Это факт, говорят греки. А вот сотни мироточивых икон, тысячи пророчеств (которые не сбываются) — нечто другое. Таков показатель слишком высокой температуры околоцерковных страстей, характерной для неофитов... Намек на Россию прозрачный. И доля истины в нем есть [55]. Но только доля [56].

Мне привели один пример, и с ним трудно было не согласиться. Тем более, что о “пророчестве”, о котором пойдет речь, я слышал еще в мае 1999 года. Итак, ссылаясь на “совершенно достоверные источники”, мне сообщили: на Кипре, на стенах “одного монастыря” проявилась загадочная надпись. Приезжали специалисты — оказался совершенно неизвестный язык. Тогда “один старец” затворился в келье и начал молиться. Через некоторое время ему было откровение и он прочел: в ночь на 17 июля войска двенадцати государств вторгнутся в Россию... Услышав этот рассказ, один москвич даже позвонил знакомым православным киприотам. Те удивились: ничего подобного они не слышали. Не узнали в этой версии того случая, который был на самом деле и свидетелем которому явился лаврский монах Власий:

“Три года назад на Кипре на стене в жилом доме появились знаки: кресты, треугольники, корабли, чаши... Местный митрополит переселил семью из этого дома в другой, а здесь благословил поклонение православных. Главное “чудо” было вот в чем: вечером дом запирают, а утром на стенах выступают новые рисунки. Так длилось примерно полгода. В конце концов появилась надпись: “9 июля 1999 года — вторжение турков на Кипр”. Рядом новый рисунок — два скрещенных ружья... Игумен местного монастыря говорит своей пастве: не верьте. Спросили и меня, грешного: что будет? Я ответил: не будет ничего... Потом оказалось, что дом принадлежал водителю одного мага, который выступал с различными фокусами наподобие того, когда сверлом делают дырку в руке. Его некоторые греки знают по афишам: “Григорий, белокурый маг”. Так вот, он подучил своего шофера воспользоваться краской, которая проявляется только со временем”.

В итоге цель была достигнута: поселен соблазн и среди иерархов, и среди мирян. А ведь каждое ложное “чудо” — маленькая модель чудес антихриста, подготовка к ним.

Да, афонские насельники на первое необычное явление не бросаются. Ждут, что будет дальше. Господь, считают монахи, не поставит в вину, если ты не принял Его чудо. Зато впасть в прелесть — страшно. Когда появляется нечто, напоминающее мироточение, первый вопрос, который задают на Афоне таков: а может быть, ктонибудь разлил масло или воду?

“Я видел однажды, — говорит отец Власий, — как из глаза Богородицы покатилась слеза, но первое о чем подумал: не фокус ли передо мной? Иногда я вижу чудеса, но не знаю, прельщение это или Господне утешение [57]. И еще. На Кипре я обратил внимание: в храмах около “чудес” толпятся как раз нецерковные люди — от бизнесменов до проституток. Боюсь, что цель таких “чудес” — отвлечь от веры и заставить убеждаться во всем только наощупь. Может возобладать и американский подход: сделать из чуда ширпотреб.

Вообще же надо помнить слова: блаженны не видевшие, но уверовавшие.

Хотя известны, конечно, и достоверные случаи чудес. Через пять месяцев после того, как заплакал один старинный образ в кипрской деревне, ее взяли турки”.

Продолжая тему, я рассказываю своим греческим собеседникам, как при мне струи мира лились по окладу иконы Государя Николая II и что это заснято на видеопленку. Как замироточили простые “софринские” иконки Николая Угодника — в солдатском блиндаже на чеченском фронте и в зоне, прямо над нарами, из хозяина которых тут же вышел бес. О том, как в квартире моих московских знакомых мироточат десятки образов... Греки молчат, но в глазах их читается вежливое недоверие...

Русский игумен, с которым я позже обсуждал это избирательное отношение к чуду, сказал: “Сколько мощей великих святых, сколько чудотворных икон на Афоне, какие еще чудеса нужны монахам и верующим паломникам! На Россию же ополчилось все мировое зло. Чтобы оно не

захлестнуло страну, как дар Духа Святого, дается благодать — дабы зло не возобладало. Кроме того, множество неопитов стоит на пороге храма или только что переступило его. Чудеса необходимы их маловерию. Действительно, в чуде “побеждается естества чин”; установленный Богом порядок им же нарушается для спасения человека”.

“Как мироносицы помазали тело Спасителя до Его Воскресения, так и теперь БОЖИЯ МАТЕРЬ ПОМАЗЫВАЕТ РУССКИЙ НАРОД до воскресения России”. Замечательные слова!

Деметра без макияжа

Рака святого Афанасия находится в небольшом приделе. Вход в него закрыт какой-то очень прочной и тяжелой тканью. Обшитым войлоком? Возможно, это сделано, чтобы в холодное время помещение не выстужалось. Ставим свечи... Зажигая их, по привычке оплавляешь и конец, но этого не требуется: свечи втыкаются в песок, насыпанный в подсвечник. Рядом с ракой, на колонне, надпись на церковно-славянском. Видимо, очень старинная: “Помози рабу Твоему. Господи, помилуй Захария”. И — крест необычной формы. Каждый из его четырех концов заканчивается как бы трехпалой веточкой.

С благоговением прикладываемся к раке. Моли Бога о нас, отче Афанасие.

Один из подвигов святого зрим и сегодня. Возведение Лавры он начал с постройки кельи на капище бесовском. Метрах в двухстах от монастырских стен, чуть выше в гору, из зеленой травы и кустарников выступают многочисленные глыбы светло-серого мрамора. Вот на одной изображены какие-то хитрые геометрические фигуры. Вот — баран, один из древнейших символов Аполлона. Круг, поделенный линиями на клетки. Похоже, для бросания жребия. Что это был за жребий?

На небольшой скале — солнечные часы. На вершине — идеально ровное круглое отверстие — здесь стоял идол. А вот и одно, видимо, очень архаическое изображение тех сил, которым поклонялись в Аполлониаде. Коряво выбитая на камне женская фигура. Очертания ее угадываются с трудом. Но глаза! Они вырезаны рельефно. Продолговатые, без зрачков [58]. Страшный взгляд ниоткуда в никуда! В ее левой руке — пучок колосьев. Деметра, древнейшая богиня плодородия...

Обитали здесь люди грубые. Бесу, являвшемуся им в виде богини, ни к чему была красота и пышные одеяния, по которым нам известна Деметра “классическая”. Здесь от нее ждали отнюдь не эстетического чувства. Здесь был практический интерес.

Рядом растут, увешанные плодами, деревца граната. Знаменательное соседство! Оно связано с мифом о дочери Деметры Персефоне, похищенной Аидом в подземное царство. Когда природа в ее отсутствие начала увядать, и Зевс повелел вернуть богиню, Аид дал ей зернышко граната — залог периодического возвращения Персефоны в царство мрака. Считалось, что гранат — символ плодовитости, но владелец его — бог смерти.

Во что выливались такие представления, видно здесь же. Вот оно, самое страшное место капища! Грубые камни образуют некое подобие амфитеатра. Сидевшие на них жрецы наблюдали за жутким действием спокойно. Человека с завязанными сзади руками подводили к одной из мраморных плит. Коленами ставили на ступеньку. Ничком клали на камень. В нем до сих пор хорошо видны вырезанные контуры человеческого тела: плечи, шея... Головы нет. Шея заканчивается глубокой ложбиной. Стоком для крови. Человеческая жертва ради плодородия! Вот кульминация античного язычества, романтизированного еще во времена Возрождения [59].

Нет, даром в древности это место называли “мелана”, то есть черное. Даже в представлении язычников — словно

мрак Аида выкрасил здешнюю зелень и светлый мрамор в черный цвет.

“Страсти” Деметры по своей дочери были главным элементом Элевсинских мистерий. Они воспроизводили сходжение в царство Аида. Во ад! В ходе этих церемоний происходили, видимо, жутковатые вещи. Современная масонская энциклопедия Мэнли П.Холла пишет: “Считалось, что в полночь невидимые миры находятся близко к земной сфере и что души в этот час проскальзывают в материальное существование. По этой причине многие из элевсинских церемоний свершались ночью (...) Некоторые из тех спящих духов, которые не смогли разбудить свою высшую природу во время земной жизни и обитают в невидимых мирах, окруженные темнотой(...), временами соскальзывают на землю в этот час и принимают форму различных созданий” [60].

Впоследствии эти таинства станут одним из прототипов многих подозрительных, в том числе масонских, ритуалов [61].

Здесь же растет кипарис (тоже один из символов Аполлона), которому более тысячи лет. Ветви его не подняты, как обычно, кверху. Они опущены. По преданию, когда святой Афанасий пришел на капище, на каждой ветке сидело по бесу. Сначала рядом с этим деревом подвижник выстроил келью. (Поразительно, но она — вполне прочная — стоит и сейчас. В ней даже живет лаврский монах). Потом началось возведение обители. Но вот искушение! Все, построенное братией за день, по ночам разрушалось демонами. Тогда святому явилась Пресвятая Дева и сказала: в течении дня надо выстроить храм, чтобы до ночи отслужить в нем литургию. Так и сделали. Бесы отступили... А в монастыре до сих пор стоят колонны, взятые с капищ. Над входом же в трапезную висит огромное каменное ухо. Может быть, часть того самого золоченого идола Аполлона, что стоял на вершине Святой Горы и пророчествовал? Но рассыпался вдребезги при появлении Богородицы! [62].

Разговор с еретиком

Монашество — как ковчег спасения. Но в каждом ковчеге таится семя Каиново...

Побежденные святым Афанасием бесы, владевшие древней Аполлониадой, не смирились. Они нападали на эту твердыню православия многократно. В облике пиратов и агарян; соблазнявших унией латинян; масонствующих архитекторов; спонсоров из ЕЭС... С одной из новейших разновидностей духовной экспансии автор этих строк столкнулся сам.

Как-то я шел по двору Лавры один. Ко мне, мягко улыбаясь, обратился молодой монах. По русски, с грузинским акцентом:

“Как вам здесь?

— Замечательно. А вы кто?

— Я диакон Михаил, приехал из Грузии паломником, а мне предложили: оставайся. Я сказал, что подумаю и теперь вот остался. В Лавре — одна из крупнейших древних библиотек христианского мира, по мере возможности я работаю в ней. Мои интересы сосредоточены вот на чем. Изучая древние рукописи, надо очистить предания от тех сюжетов, которые были привнесены в позднее время по различным, чаще всего, политическим мотивам.

— ?!

— Например, предание о том, что Матерь Божия якобы была на Афоне. Первое упоминание об этом, которое реально удалось обнаружить, относится уже ко временам турецкого господства. То же самое касается и Иверской иконы. Совершенно очевидно, что она — грузинского письма, а в Грузии никогда не было иконоборчества; получается, легенда о том, как она, спасенная от иконоборцев, приплыла по морю — вымысел... Надо пересмотреть предания самим православным, иначе с помощью новейших видов анализа все позднейшие вставки покажут инославные. И тогда они скажут: вот сколько у вас ошибок! За что же вы держитесь с таким упорством? И многие прельстятся, и войдут во всемирную церковь антихриста”.

Вот, оказывается, какие бывают радетели о “чистоте веры”! Ее, эту чистоту, оценивают через микроскоп светской учености. Прикрываясь имиджем “научной объективности”. Обнаруживая лишь извечную страсть к обнародованию своего мнения, ниспровержению авторитетов, созданию сенсации и в конечном итоге — написанию очередной жалкой диссертации. Весьма похоже на то, о чем писал святитель Игнатий (Брянчанинов): проповедниками ложных учений и ересиархами становились люди, зараженные одним из видов прелести, называемым “мнение”...

Меж тем наш разговор продолжался.

— Вы делаете такие заявления... А вы знаете старогреческий язык?

— Немного... Недостаточно, конечно, — мой собеседник несколько замялся. — Все это мне рассказывал один греческий монах, который пишет сейчас книгу.

“А вообще, — вновь начинает развивать свою тему отец Михаил, — монахи почти не работают в подобных библиотеках. Опасаются, что откроются неприятные для них вещи. А ведь уже сейчас очевидно: надо исправить и литургию. В нее, в частности, при царе Алексее Михайловиче, было внесено немало ошибок, связанных с неточностями перевода. Эти ошибки легко было бы обнаружить по древним грузинским рукописям, но их сожгли русские, когда Грузия была присоединена к России. Всего мы насчитали двенадцать ошибок. Позднейшей, неуместной вставкой является, например, молитва “Достойно есть”. И сама икона “Достойно есть” написана не в X веке, как говорит предание, а в XV. Вы знаете об этом?”

Тут мне поневоле вспомнилась гордыня, заключенная в переводах массонами Священного Писания. Известно, например, что “вольные каменщики” утверждают: “в христианстве неправильно переведен новозаветный призыв “metanoiete” словом “покайтесь”... Метанойя, древняя цепь мистерий, означает не покаяние, а инакомыслие”. Уколы дьявольского лукавства, как видим, нацелены в самые важные точки.

Да, немалая концентрация ереси была быстро и довольно складно излита на меня за кратчайший отрезок времени. Увидев, что к нам подходит кто-то из моих спутников, отец Михаил откланялся... Потом мы узнали: оказался он в Лавре отнюдь не случайно, а по рекомендации патриарха Варфоломея... Как не вспомнить слова греческого старца Амфилохия: “В монастырь одних людей посылает Бог, а других — дьявол...”

Таков еще один пример всесторонней экспансии на афонскую тишину. В подтверждение этого вывода нам рассказывали, как недавно в Лавре появился один послушник из Канады. Он открыто носил масонский перстень и вел соответствующие разговоры. Слава Богу, теперь уже его здесь нет.

Все козни бесовские с Божией помощью рассыпались и рассыпаются в прах. Как мраморные идола.

Старец не от міра сего

“Сподобившийся увидеть себя лучше сподобившегося увидеть ангелов...” [63].

Это только кажется, что в жизни “внутреннего человека” ничего не происходит. Здесь-то, в его душе, и совершается главное со-бытие. Со-бытие с Богом... “Если душа человеческая есть дыхание из уст Божиих, то какова близость между дыханием и дышущим, таковая близость должна быть между душею и Богом” [64].

Даже неофитскому разумению понятно: молитвой мір держится. Но ведь не нашей же, затуманенной повседневными заботами и помыслами! Поэтому вновь и вновь требуется утешительное подтверждение: есть еще великие подвижники. Их-то молитвы, восходящие к Небу, — как столпы, на которых стоит міроздание.

Русское сознание вселенско. Это верующему греку кажется, что граница его страны — едва ли не граница православной эйкумены, за которой — варвары. Мы же ищем святость в романтическом далеко...

Так есть ли святые молитвенники на Афоне?

Монах Власий называет отца Павла, бывшего в восьмидесятые годы игуменом Лавры; отца Иоанна, прозорливца из скита Святой Анны... (Сразу рождается простодушный вопрос: почему прозорливец (!) назван не первым?) Собеседник искренне удивляется: “А что, разве прозорливость — самая высокая добродетель?” [65]. И рассказывает о любви, простоте отца Павла, который стал игуменом лишь по послушанию, для которого главное — молитва.

Третьим среди современных старцев отец Власий назвал Герасима из Кавсокаливии. Затворник, молчальник и сугубый аскет. Питается сухарями, иногда ест немного риса или бобов. Впервые наш собеседник увидел его в 1981 году. Отцу Герасиму было 34 года, и уже тогда он производил впечатление необычайно высокого духом человека.

Рациональный ум подсказывает: такой аскезы на протяжении десятилетий человеческий организм выдержать не может. Но неоднократно монашеский опыт доказывал: когда подвижник идет на смерть, она отступает.

...В эту темную келью мы почему-то вошли без стука. Монах Афанасий зажигает свет.

— Твоя келья, отец?.. — начинаю я вопрос и осекаюсь. В углу — кровать, а на ней — древний по виду старец. Взгляд его устремлен прямо на меня. Мелькает мысль: как похож на протоиерея Николая, что с острова Залит! Они словно одного рода. Так и есть — рода монашеского, начальница которого — Сама Богородица... Удивительное лицо! Даже глаза кажутся не по-гречески светлыми.

“...высокое духовное восхождение осиявает лицо светоносным ликом, изгоняя всякую тьму, все невыраженное, недочеканенное в лице, и тогда лицо делается художественным портретом самого себя, идеальным портретом, проработанным из живого материала высочайшим из искусств, “художеством художеств”. Подвижничество есть такое искусство; и подвижник не словами своими, а самим собою, вместе со словами (...), не отвлеченной аргументацией, сви-

детельствует и доказывает истину — истину реальности, подлинной реальности. Это свидетельство написано на лице подвижника. Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваши добрые дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех. (Мф. 5, 16)”.
Словно отблеск Фаворского света, которым воссиял лик Спасителя, отражается на лицах праведников [66].

“Это Евфимий, — поясняет Афанасий. — Он уже двадцать лет как слепой и почти ничего не слышит. Правда, всегда узнает, кто к нему пришел. Недавно здесь побывал архиепископ Онуфрий, с Украины; старец, не зная этого, сразу спросил: а где здесь Владыка?

Как бы в подтверждение, хозяин кельи тихо произносит: “Афанасие?”

Наш спутник наклоняется к его уху и громко отвечает: “Я, геронтас!”

Старец Пайсий говорил о пятидесяти святых монахах, еще живущих на Святой Горе. Одним из них он называл Евфимия.

Раньше отец Евфимий жил на келье около скита Продром, а как стал немощным, его привели сюда. Физически он ослабел скорее не от старости, а от подвигов. Всю жизнь подвизался Евфимий в крайнем смирении и аскетизме. Даже влажной, промозглой здешней зимой редко топил печку. В зимние погожие дни грелся на солнце, сидя в яме, где не достает холодный ветер. Никогда не знал, что такое деньги. Собирал по лесу орехи, корни, ел раз в день. [67]. Единственный подрясник его всегда был туго стянут толстым кожаным ремнем с большой деревяшкой на животе. Его он едва-едва распускал лишь во время скудной трапезы. Только и вещей осталось у старца — белая рубаха, нательный крест, четки.

Даже на Афоне сугубых аскетов осталось немного. Сейчас опытные духовники редко благословляют подвизаться в кельях: редко кто может жить в суровых условиях и не погрязнуть в заботах о минимальных удобствах. Считается, что в монастырях с их налаженной хозяйственной жизнью времени на молитву остается больше.

Теперь нечасто встретишь таких, например, каким был русский монах Тихон. О нем, своем старце, отец Паисий писал: “Этот старчик сделал свою жизнь простой... Он был свободен от любых неудобств, ибо то, что мы сегодня называем удобствами, на самом деле — неудобства. Удобство — это когда упростишь свою жизнь и ограничишься необходимым. Тогда человек освобождается” [68]...

Про старца Евфимия рассказывают удивительные вещи. Когда начались события в Косово, и сама братия еще не знала, что происходит, он спросил вдруг утром: “А что там в Сербии?” Откуда узнал слепой и глухой человек? Примеры такой прозорливости известны с тех пор, когда Евфимий был еще послушником. Однажды во сне он увидел знакомого монаха, лежащего убитым. И точно, наутро донеслась весть о преступлении, совершенном албанцем.

И сейчас — что он видит? Что слышит? Кажется, единственное, данное ему в ощущениях, — это узелки четок меж пальцами. Четки длинные, видимо, тысяча узелков в них. Верхним концом они прикреплены к потолку. Четки постоянно “бегут” в руках подвижника. Непрерывно творится молитва. Может быть, Сам Господь помогает ему, чтобы молитва эта была “чистой”. Он заслоняет все впечатления тварного мира. И молитвенный ум становится особенно чутким к миру не-тварному.

Нет, монах не выглядит умственно расслабленным старичком. Напротив. Чувствуется, что весь его собранный ум, который у нас распылен (вот кто расслабленные на самом деле), предельно сосредоточен на одном. На самом главном. На молитве [69].

Исихия — дар Духа Святого, а не результат дыхательных или каких-либо других медитативных упражнений.

Да, Евфимию молитвенную тишину дарит Сам Бог. Этот старец — не от мира сего. В нем нет ничего внешнего. В нем жив лишь “внутренний человек” [70]. Он — словно распятый, принесший себя в жертву монах с фрески Пантелеимонова монастыря...

Вспомним, как апостол увещевает римских христиан предоставить или поставить свои тела в жертву Богу. Что это значит? — задавался вопросом отец Павел Флоренский. И напоминал другие апостольские слова: “преобразуйтесь обновлением ума”. Преобразование тела достигается обновлением ума как средоточия всего существа. Предоставить свое тело в жертву — это значит приобрести духовную чуткость в познании воли Божией.

Разве не удивительно и то, что Ефимий, никогда не получавший никакого “образования” наизусть помнит тропари, акафисты, молитвы, кафизмы всего годового цикла. Иногда его спрашивают: геронтас,¹ что будут читать через столько-то дней? И он, помолчав секунд двадцать, — начинает безошибочно воспроизводить все тексты богослужения. Ведь собственное его служение Богу не прерывается ни на мгновение.

Сейчас со стыдом вспоминаю, как упорно мы пытались “пробиться” сквозь молитвенное состояние старца, добиться каких-то ответов. И вопросы-то были не те. Глядя на сосредоточенность монаха, впору было сфокусировать и свой ум: как молиться, как спастись?.. Но — ум аэрозолью распылился по всему миру и по всему времени: будет ли война в России? Будет ли царь?

Отвечал он стихирами, тропарями. По-гречески. Смысл остался для нас прикровенным. Равным молчанию... Одного старца спросили: “Почему ныне нет слова назидания?” Он ответил: “Раньше были исполнители слова, и Господь давал слова. А ныне нет творцов слова, поэтому Господь не дает слова и старцы молчат”.

Какого ответа мы ждали, когда не дорасли до простого вопроса! И когда заведомо не готовы последовать наставлению... Как молиться? [71]. Не говоря уже об “умной” молитве, даже во время утреннего или вечернего правила внимание ежесекундно испаряется. Взгляд цепляется за любой предмет, мысль — за любое слово. Обвязав копытца тряпочками, в душу тихо крадутся помыслы, эти тени пока не совершенного греха. Как

угнетена воля! Как слабо внимание! Как расшатан ум! Даже стоя перед иконой — этим окном в мир иной — на какие мысли мы тратим время, которое решили посвятить Богу!

✓ Но то, чего мы не отдаем Господу, тут же похищает некто другой [72].

...На прощание мы поцеловали высохшую, похожую на мощи, руку старца Евфимия и попросили помолиться за нас — двух Георгиев. И прости нам, старец, наши немощные рассуждения о тебе. “Духовный человек судит о всем, а о нем никто судить не может”, — писал апостол Павел (Кор. 2, 15).

Размышление о тайном братстве

— Кто же такие незримые старцы, о которых вы упоминаете в своей книге? — вопрос задаю монаху Власию.

— Скорее всего это не современные, а старые подвижники, которые являются нам в помощь и утешение. Но дважды один и тот же человек не встречается никогда. И следов их никогда не находят. Обычно видят их те, кто очень хочет увидеть. Но это, может быть, “плане”, прелесть...

Есть и другое мнение. Когда на Афоне пропадает монах, некоторые считают, что его забирает к себе незримое братство. Так было, например, когда недавно из своей кельи исчез один насельник Дионисиата... Все эти случаи я хочу собрать в новой книге. Она будет называться “Невидимые пустыnnики Афона”. [73].

...Сейчас я вспоминаю, как услышал о двенадцати незримых старцах в первый раз. Было это год назад.

Итак, теплым вечером мы сидим на балконе архондарика нашего монастыря. Черный шелк моря украшен серебряным позументом лунной дорожки. Слева, со стороны порта Дафни, свои стежки на воде вышивает прожектор. Мы познакомились с Евгением, американцем, потомком еврейских эмигрантов из России. Оказалось, что этот маленький и шустрый человечек — тоже журналист. На Афоне бывал уже много раз, пишет книгу. Затягиваясь сигаретой, он-то и рассказал о та-

инственных аскетах. Не только о легендах, но и о своей встрече в афонском лесу... Седобородый монах появился перед ним откуда ни возьмись — и в самый н^ужный момент. Наш паломник заблудился; отшельник указал дорогу, но когда Евгений обернулся, чтобы поблагодарить, на тропинке уже никого не было.

Мой собеседник поведал и о некоем братстве старцев. Говорят, оно имеет в Карее человека, возможно, врача, через которого только и поддерживает контакт с внешним миром.

Уже после этого о двенадцати “восках” я стал спрашивать самих святогорцев. Оказалось, легенды о них популярны.

Русский иеромонах Андрей из монастыря святого Павла ответил так: “Есть книга “Жития подвижников Афона XIX века”, в ней говорится, как однажды охотники увидели старцев недалеко от вершины. Один из отшельников спросил:

- Что нового в мире?
- Пришло освобождение Греции от турецкого ига!
- Какого ига?

Пораженные охотники рассказали о встрече монахам скита Святой Анны, которые тут же поднялись на указанное место... Однако и этот рассказ оканчивается как обычно: никого они уже не увидели”.

Каков сюжет! Постепенно разгораясь, фантазия рисует загадочные картины... Но откуда для этой “живописи” берутся столь яркие краски? Не из детских ли впечатлений о двенадцати рыцарях короля Артура? Не капитана ли Немо хоронит загадочная процессия в афонских горах? Стоп! А какая может быть процессия? По святогорскому обычаю, могилу подвижнику копают прямо у его кельи или пещеры. Куда и зачем его несут?

Конечно, отшельники на Афоне есть. В том числе и те, которых не видят десятилетиями, о которых забывают. Одним из них был, очевидно, тот старец, к чьим мощам мы приложились недалеко от Пантелеимонова монастыря. Но когда речь заходит о незримом братстве... Тогда, при спокойном

размышлении, возникает вопрос: зачем оно существует — в тайне? Молиться, спастись каждый может самостоятельно — для этого и уединяются аскеты. Вместе отслужить “последнюю литургию”? Но тогда с какой целью братство сохраняется веками, ведь перед Концом Света Господь и без всякого “ордена” может призвать для финального восхождения оставшихся верных?

Размышления о тайном афонском братстве, поначалу столь увлекшие, стали возвращать к чему-то знакомому... К заимствованным из французских источников пассажам “Конспирологии” Александра Дугина. Несколько лет назад эта книга была весьма популярной в патриотической среде. “Атлантисты” против “евразийцев”, орден “Кварты” против ордена “Квинты” — загадочные сообщества, оказывается, столетиями ведут свои духовные и интеллектуальные битвы. И определяют судьбы мира. После Дугина подобные фантазии разыгались у многих. Немудрено: на такую интригу публика откликается [74].

В предисловии к “Конспирологии” читаем: религия “...существует не за счет факта Бога, но за счет факта Веры”. Есть Бог или нет, существует ли старец или не существует, создан ли тайный орден или не создан... Есть циничные люди, для которых это все равно: они и так готовы скомпоновать из духовных ожиданий веру сектантского или орденского типа. Конечно, в своих интересах... Но мы-то знаем: Вера — дар Духа Святого. Так что нам без “факта Бога” не обойтись.

Психологическая подоплека мечты о “тайном православном оружии” понятна. (Сколько можно отступать и говорить “о нашем поражении”? Кто же поведет в победоносную атаку?) Сюжет о незримых старцах выводит такую мечту на новый виток. Это не просто “православный орден”, это братство исихастов, которых слышит Господь, способных внезапно появляться и бесследно исчезать. Едва ли не стяжавших с Духом Святым и Его качества — всеведения и вседушности...

Тайна... Что значит тайна человеческая в духовном понимании? Зачем наводить “тень на плетень”, если Православие пронизано светом Истины, и эта Истина открыта младенцам?

Тайна — только Бог и дарованные Им таинства.

Тайна, которая не от Бога — это убогая “тайна” против Бога. Это секрет всех обществ, которые возникали в христианских странах, а значит, скрывали нечто от Христианства. Иногда только через века становилось очевидным: что именно они скрывали! Кем же был предоставлен образец такой скрытности? В чем стиле тайномыслие, тайнопись и тайнодействие? Теми, кто среди католиков становились якобы католиками, марранами; среди мусульман — якобы мусульманами, саббатаистами. И на волне неоязычества они готовы объявить себя супер-русскими поклонниками Перуна... Теми, кто имеет и тайное учение — Каббалу... Не случайно **ЛЮДИ ДВОЙНОЙ ЖИЗНИ ПРИСУТСТВУЮТ И ДАЖЕ РУКОВОДЯТ В ЛЮБОМ ТАЙНОМ ОБЩЕСТВЕ** — всегда... Бог даст, рано или поздно — рассмотрим мы их и среди лжестарцев, и среди авторов некоторых “житий”. Не кипение ли их специфической крови задает повышенную температуру околоцерковного кликушества, истерики и ложных чудес?!

Чрезмерная боязнь тайного врага — грех. Если Господь с нами, то этот трепет — оскорбительное неверие во всемогущество Божие... А наивная надежда на наш “тайный орден” — это надежда на заступничество других, при собственной апатии, лени и болтовне. Недаром мы мечтаем о тайном братстве **МОЛИТВЕННИКОВ**, то есть людей, взявших на себя самый тяжкий труд.

Нет, именно с **ЯВНОЙ** помощью каждого умножится верными Церковь. (Пока мы живем в преимущественно неоязыческой стране, осторожность в некоторых случаях, конечно, не лишняя, но это частный вопрос тактики). Среди них будут и педагоги, могущие остановить вползание в школы разврата; и сотрудники спецслужб, способные вычислить подлинного врага; и генералы, готовые поднять в бой не только за землю нашу, но и за веру...

Но разве не могут быть и “хорошие” ордена, создаваемые для борьбы с “плохими”? Увы, история показывает: не могут. Даже создаваемые с благими целями вскоре они превращаются в свою противоположность. Направленные против раскола католической церкви и затем масонства иезуиты — только один пример [75]. Другой — лично А.Дугин, имя которого — в списках Мальтийского ордена, точнее, его лжеправославной ветви... Что можно добавить к словам святителя Игнатия: “Остерегись, желая спасти ближнего, чтоб он не увлек тебя в погибельную пропасть. Последнее случается ежечасно. Отступление попущено Богом: не покусись остановить его немощною рукою твоею”?!

Монахи — вот кто всегда был и остается “пограничниками” Православия. “Говоря об активности и гражданском пафосе исихазма, историки обычно удивляются, а иногда сердятся, что “священно-безмолствующие” так много говорили, писали и боролись. Но в аскетической сосредоточенности исихаст не покидал все внешнее на произвол судьбы; в нем происходило то духовное накопление, которое в конечном счете держит мир, возрождает его к красоте, обогащает в культуре. От немыслимого достоинства, до которого поднимается человеческое сердце в общении с Богом, приходило откровение о мире, ответственность за него, богословское и гражданское дерзание” [76].

Приходит время — и Промыслом Божиим монашеская тайна являет себя миру. И расстраивает козни бесовские. В этой победе, как о времена Григория Паламы, отражен подвиг поколений и поколений молитвенников, зачастую не знавших друг друга членов Божиего “ордена” — Церкви.

✓ Орден возглавляется человеком, а Церковь — Христом. Не существует ордена, благословленной имеющей первоапостольское преемство Русской Православной Церковью. Значит, ни один из них не ведом Спасителем. Какой же “харизматический лидер” может тогда рискнуть сразиться с дьяволом лицом к лицу? Ведь противостоять “темным силам” означает именно это.

Не напоминает ли ожидание православного тайного братства мечту старообрядцев? Они говорят: Духа Святого в окружающем нас мире мы не видим, но уверены, что он есть. В Беловодье, в Китеже... Однако пути туда не знаем.

Но мы-то знаем, мы помним: во времена гонений на Христианство были первомученики, которые исповедывали Истину открыто. Они и создали "орден" молитвенников за весь мир — на небесах. Стань их сотрудником, дерзающий!

Наступить на аспида

Трудно поймать стремительного и ядовитого аспида. На охоту шли, вооруженные флейтами... И вот среди камней пустыни мелькал черный ящер. Его окружали. Флейтисты начинали играть. Постепенно кольцо сужалось. Чудовище, как замороженное, слушало льющуюся с разных сторон мелодию. Сменяя друг друга, ее продолжали несколько дней. Прерывали внезапно. Привыкший к музыке аспид, пытаясь прочистить ухо кончиком ядовитого хвоста, сворачивался в кольцо и убивал себя сам...

Таково предание. Похожее на сказку [77]. Однако в Лавре хранится выполненная из золота голова ящера, в пасть которого вставлен окаменевший, длиной в несколько сантиметров, язык. Периодически его опускают в воду, и она начинает бурлить. Потом жбан выносят во двор. Говорят, эта вода помогает от укусов смертельно ядовитых змей и от различных болезней. Немного посмеиваясь, набрали по бутылочке и мы... Велико же было наше удивление, когда уже в Москве оказалось: вода действительно целебна, прекращает даже хронические воспалительные процессы. Грань между преданием и реальностью в очередной раз оказалась зыбкой. Точнее, ее не оказалось вообще.

Язык аспиды подарил святому Афанасию византийский император Никифор Фока. Что это за существо, упоминающееся еще в Псалтири? В девяностом псалме Давидовом сказано:

“Яко ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое. Не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, охранити тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия”.

Толкование этого места, данного Отцами Церкви, в том числе и св. Афанасием, таково: “Под аспидом и василиском подразумевается крайнее лукавство: потому что аспид испускает смертный яд, а василиск причиняет вред и своим взором. По своей свирепости аспид противится всяким заклинаниям (...) Давид упомянул этих наиболее сильных и злых животных, желая показать, что человеку, охраняемому Богом, не могут повредить никакие враги видимые и невидимые. Тысячи возлюбивших жизнь пустынную, избегли этих неприятных нападений, живя вместе со зверьми. И демон тоже есть аспид, василиск, лев и змей; потому что все вредные действия, производимые этими зверями, и он в себе имеет”.

Итак, аспид убивает себя сам. При этом воплощенная в чешуйчатое тело дьявольская сила образует кольцо! Это напоминает мифического змея Уробороса, обвивающего землю и кусающего свой хвост. Знак власти над миром? На самом деле — символ и факт апокалиптического самоуничтожения зла, греха, путь которых — в бездну.

“Таков закон правды Божией: — утверждает свт. Феофан Затворник, — тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему”.

Лечить может и аспид, поселенный в нашей греховной эмоциональности.

“Св. Григорий пишет: “Учение, полученное нами (...) говорит, что бесстрастие состоит не в умерщвлении страстной части, а в ее переводе от зла к добру”. Плоть, продолжает он, “мы получили не для того, чтобы убить себя, умерщвляя всякую деятельность тела и всякую силу души, но чтобы отбросить всякое низкое желание и действие (...). У бесстрастных людей страстная часть души постоянно живет и действует ко

благу, и они ее не умерщвляют". Другими словами, в приближении к божественной благодати страстные силы души не убиваются, а преображаются, освящаются" [78].

Так и память о признаках последних времен, знаменуемых атаками на Афон, — полезна. Она порождает страх Божий. Недаром в случае с аспидом ПОБЕЖДЕННОЕ ЗЛО ИСПОЛЬЗУЕТСЯ ВО БЛАГО.

Да, бесы по промыслу Божию работают нашими злыми экзаменаторами.

Аналогичная мысль высказана и в "Аскетических опытах" свт. Игнатия: "Некоторый старец, преуспевший в умной молитве, спросил другого инока, также занимавшегося ею: "кто обучил тебя молитве"? Инок отвечал: "демоны". Старец улыбнулся и сказал: "какой соблазн произнес ты для незнающих дела! однако скажи, каким образом демоны выучили тебя молитве"? Инок отвечал: "Мне попущена была тяжкая и продолжительная брань от лютых помыслов, мечтаний и ощущений, не дававших мне покоя ни днем, ни ночью. Я истомился и исхудал неимоверно от тяжести этого неестественного состояния. Угнетенный натиском духов, я прибежал к молитве Иисусовой. Брань достигла такой степени, что привидения начали мелькать в воздухе перед глазами моими чувственно. Я ощущал постоянно, что горло мое перетянуто как бы веревкой. Потом, при действии самой брани, я начал чувствовать, что молитва усиливается и надежда возобновляется в сердце моем. Когда же брань, делаясь легче и легче, наконец совсем утихла, — внезапно появилась молитва в сердце моем сама собою" [79].

Искушения, писал старец Ватопедской обители Иосиф, называются так потому, что рождают у искушаемых искуство...

В каждой, даже маленькой победе над искушением — прообраз окончательного эсхатологического торжества над врагом.

...Говорят, когда молодые, рьяные монахи предлагают убрать из афонских храмов "Маген-Давиды", старцы не

благословляют. Не потому ли, что и эти звезды своевременно напоминают нам о враге. Как и фрески Страшного Суда. К тому же многие шестиконечники изображены на полу... Мы попираем их. Точно также, как должны наступать на аспида и василиска.

Тайна шестого часа

Человек — образ Божий. Но после грехопадения — образ искаженный. Это икона, которую надо реставрировать.

“В шестой день Адам был создан рукою Божией, удостоившись и образа, через вдуновение. И, приняв заповедь, благополучно пребывал в Раю до шестого часа; после же, преступив заповедь, был изгнан оттуда... И подобно тому, как он в шестом часу руки простер и коснулся плода, так и Новый Адам — Христос в шестом часу шестого дня простер длани на кресте, избавляя его (Адама) от пагубы. Между тлением и нетлением он был создан, чтобы стяжал то, что сам изберет своим произволением [80]. Богу ведь было возможным сотворить его и неспособным ко греху, но (он был создан свободным) — чтобы обнаружилось его произволение. Посему дает заповедь: от всех насаждений вкушать, от сего же — нет, равно как через все творение Божественную силу познавать, естество же Божие не исследовать никоим образом. Григорий Богослов мудро рассуждает о том, что за деревья то были, о Божественном замысле, и о садах и Боговидении. А именно, он говорит, что Бог повелел Адаму печься о всех иных стихиях и свойствах, и помышлять умом, и посему прославлять Бога, ибо это истинная пища, как и попечение о своем естестве...” [81].

Каждый предмет тварного мира — не пища для “разума”, а повод для прославления Создателя и покаяния. Вот в чем состоит восстановление утраченного богоподобия, “реставрация иконы”. Вот в чем смысл умной, данной Самим Спасителем “Иисусовой молитвы”: **“ГОСПОДИ ИИСУСЕ ХРИСТЕ, СЫНЕ БОЖИЙ, ПОМИЛУЙ МЯ, ГРЕШНАГО”**.

Что происходит во время этой молитвы? Нет, не что происходит, а Кто приходит, Кто отзывается... Сам Господь! Ибо, как сформулировал духовник Царской Семьи архиепископ Феофан: “В Имени Божиим почиет Божество” или Божественная энергия, которую Григорий Палама называл Фаворским светом... Христос приходит и реставрирует в нас Свой образ. Макарий Великий, уподобляя Господа иконописцу, писал: “Если кто не устремлен к нему непрестанно и не презрел все прочее, то Господь не пишет в нем образа Своего светом своим”.

Простая, короткая молитва, но какая тишина нужна для постоянного памятования о Боге! Молитвенную исихию из века в век пытались захлестнуть шумные волны мирского моря. Когда в XIV веке преподобный Григорий Синаит пришел на Афон, то между тысячами иноков он и здесь нашел, по его словам, лишь три сосуда благодати, которые имели некое понятие об “умном делании”.

По слову Нила Синайского, психия была дана человеку еще в раю... А потом Сама Богородица, “пребывая во Святая Святых, умною молитвою взошла на крайнюю высоту Боговидения и сподобилась быть Пространным Селением неместимого всею твариею, Ипостасно в Нее вместившегося Божия Слова”. Так пишет о Родоначальнице нового человечества, рода монашеского, протоиерей Иоанн Журавский.

Монашество — это Ковчег, в котором хранится смысл Нового Завета Бога с человеком. Пусть в каждом ковчеге таится семя Каиново, но некоторым из монахов опытным путем открыта тайна, заключенная в простых словах “Христос в нас” (Колос. 1, 26-27). Именно поэтому и для мирян так важны все тонкие движения истинного иноческого духа.

Конкретная практика монашества дает понять: не что есть Истина (риторический вопрос Пилата), а Кто. Православная молитва личностна. “Поэтому и тянулась простая верующая народная душа в паломничество по монастырям и к старцам-инокам: она живым чувством своего сердца ощущала там присутствие Живого Бога...” [82].

Афонские подвижники говорят о трех этапах духовного пути, в которых отражается вся история человечества — от рая, первородного греха до возвышения святых в Адаме Новом. Эти этапы таковы: получение благодати, потеря ее и новое стяжание через подвиг смирения. Только на таком пути можно понять муки и скорбь Адамову после изгнания его из рая.

Увы, страдающие от многих лишений люди не осознают своего главного лишения.

Неофит, для которого приход в Церковь связан сейчас с удивительными радостями и дарами, должен быть готов к тяжким утратам и искушениям. У каждого своя “потеря Рая”, но и своя возможность его обретения. Такова лишь одна из драгоценных крупниц опыта, которому мы обязаны монахам.

...Так спит ли Младенец? “Востани, вскую спиши, Господи? Воскресни и не отрини до конца”, — восклицает псалмопевец Давид... “СПИТ БОГ, НО НЕ СНОМ, А ДОЛГОТЕРПЕНИЕМ”, — поясняет Иоанн Златоуст. Напоминание о покаянии несет в себе русская икона “Успокоительница”. Наша икона из Пантелеимонова монастыря.

Ноябрь 1999 — май 2000 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. О чем-то подобным писал игумен Никон (Воробьев): “Сейчас нет монастырей, а есть духовные, даже не духовные, а душевные колхозы”.

[2]. Каряя — небольшой поселок, административная столица монашеской республики. В алтаре храма Успения Богородицы здесь хранится одна из величайших афонских святынь — чудотворная икона “Достойно есть”.

[3]. Игнатий (Брянчанинов) пишет, что даже “Во время сна подвижников, то есть во время нерадения их о молитве, приходит враг, невидимый чувственными очами, непримеченный подвижниками, попустившими себе увлечение или рассеянность, насеивает плевелы посреде пшеницы”.

[4]. И падения, и праведность отражаются в том числе во внешности человека. За жизнь свою мы можем подправить ее, отреставрировать, снять коготь наследственного греха. А можем — превратить в личину, за которой почти не видно образа Божиего. Старец Силуан писал: “Видел я людей, которые пришли в монахи с лицами, искаженными от грехов и страстей, но от покаяния и благочестивой жизни они изменились и стали очень благообразными”.

[5]. Такова же природа и чудотворения мощей. Известен случай, происшедший при прославлении святого Арсения Каппадокийского. “Отец Паисий находился в гостинице, и драгоценное сокровище — честные мощи — лежали на подушке. “Вечером, в десять минут десятого, — рассказывал старец, когда я молился, преклонив колена, я услышал грубый голос, который мне угрожал, говоря: “А чьи это мощи?!” И какая-то сила надвинулась на меня, но я не видел целиком тела. Различил лишь две черных и грубых руки, которые сжали меня и почти задушили. В тот момент, когда я находился в опасности — не знаю уж как пришло мне это в голову, — но я громко закричал: “Святой Арсение, помози ми!” И тотчас же почувствовал другую силу, как бы какого-то борца, который схватил те страшные руки, отбросил их прочь и освободил меня”. ”.

[6]. И.А.Ильин писал: “Монархия не самый легкий и общедоступный вид государственности, а самый трудный, ибо душевно самый глубокий строй, духовно требующий от народа монархического правосознания. Республика есть правовой механизм, а монархия есть правовой организм. И не знаем мы еще, не видим мы еще, будет ли русский народ после революции готов опять сложиться в этот организм” (“Основы борьбы за национальную Россию”, 1938).

[7]. И узнать святого — в неприметном ли монахе или в царе может тот, кто сам свят.

Меж тем еще в прошлом веке об уровне академического богословия свт. Игнатий (Брянчанинов) писал: “Сбывается слово Христово: в последние времена обрящет ли Сын Божий веру

на земли! Науки есть, Академии есть, есть кандидаты, магистры, доктора богословия (право, смех да и только!); эти степени даются людям; к получению такой степени много может содействовать чья-нибудь б... Случись с этим богословом какая напасть — и оказывается, что у него даже веры нет, не только богословия. Я встречал таких: доктор богословия, а сомневается, был ли на земле Христос, не выдумка ли это, не был ли, подобная мифологической! Какого света ожидать от этой тьмы!..”

[8]. По уставам Церкви, тело монаха не должно обнажать, и потому полное омовение не совершается, а лишь влажной губкой делается знамение креста на лбу, груди, руках, ногах и коленях.

[9]. Свт. Игнатий (Брянчанинов). Аскетические опыты. Т. I.

[10]. Созданная им секта включена в справочник организаций оккультно-деструктивного характера, выпущенный под эгидой миссионерского отдела Московского патриархата.

[11]. Святитель Игнатий пишет, что демоническая гордость, мечтательность “... постоянно сочиняет мнимодуховные состояния, тесное дружество со Иисусом, внутреннюю беседу с Ним, таинственные откровения, гласы, наслаждения, зиждет на них ложное понятие о себе и о христианском подвиге, зиждет вообще ложный образ мыслей и ложное настроение сердца, приводит то в упоение собою, то в восторженность. Эти разнообразные ощущения являются от действия утонченных тщеславия и сладострастия: от этого действия кровь получает греховное, обольстительное движение, представляющееся благодатным наслаждением”.

[12]. Предание пересказывается по “Письмам Святогорца”.

[13]. Одно из значений “звезды Давида” — равноценность и единство добра и зла. Эта манихейская идея зашифрована в пересечении двух треугольников. На Афоне, апостасийном Афоне последних времен, называвшемся в древности Аполлониадой, это вполне могло бы стать печатью “отживевшего” Аполлона, который оборачивался, как отмечал А.Ф.Лосев, и целителем, и губителем.

[14]. Л.Успенский: "Греческое слово *Ichthus* — "рыба" — содержит пять букв, которые являются первыми буквами пяти слов, относящихся непосредственно ко Христу: *Iesous Christos Theou Uios Soter*, то есть Иисус Христос, Божий сын, Спаситель".

[15]. К такому символическому реализму, связующему с неизобразимым, относятся три луча, исходящие от Спасителя на иконе "Преображение". Они указывают на Фаворский свет как на энергию сущности, свойственную всем трем Лицам Святой Троицы.

[16]. Тень какого-то незримого масонского присутствия постоянно витает над этим храмом. В книге "Масонство и русская культура" современный масонский автор В.И.Новиков пишет о начале XIX века: "Последним словом русской архитектуры того периода, на котором лежит печать масонства, является храм Христа Спасителя в Москве. Оба его создателя: и "зачинатель" К.Л.Витберг, и "завершитель" К.А.Тон, были "вольными каменщиками"."

[17]. Хотя слышали мы и такое мнение. "Вот многие сетуют, что монахи принимают деньги от Европейского экономического сообщества. Да, деньги эти, возможно, и даются с некими тайными намерениями. Однако Пресвятая Богородица может так управить, что придется они Афону очень кстати, во славу Божию. Многие монастырские строения ведь действительно находились на грани разлухи. В Октоихе Господь называется Всехитрецом: он иногда попускает диаволу творить свои дела, но получается все не так, как тот думает".

[18]. Рассказывали нам и о вылазках на Афон нынешних сатанистов. О том, что иной раз на территории монастырей и неподалеку от них можно увидеть разорванные Евангелия, поруганные иконы. Было такое, например, в Дионисиате. В заброшенном русском ските Новая Фиваида — прямо в алтаре храма — находили следы устроенной здесь кем-то оргии.

[19]. Замечательное определение дает боговдохновенному творению святых Кирилла и Мефодия Георгий Емельяненко: "Церковно-славянский — это вселенское до небес, древо бого-

познания, которое выросло из народной корнесловицы к богословию святых Отец наших. Древо, питающее свои корни в недрах Матери сырой Земли, а кроной прикасающееся к небесам Божьего мира. Церковно-славянский, как Слово славящая грамота является единственной на земле словесной метакультурой, которая не от мира сего есть”.

[20]. Георгий Емельяненко. Услышьте славяне все Слово.

[21]. Когда по злему навету святому Иоанну Дамаскину отрубили руку, Матерь Божия исцелила рану. Десница, коей были нанесены богословские удары по иконоборческой ереси, вновь встала на место. В память об этом чуде святой Иоанн изготовил серебряную руку и приложил к иконе, перед которой молился. Потом образ попал на Афон. Возможно, традиция делать к иконам привески в память об исцелениях идет именно от “Троеручицы”.

[22]. Архимандрит Рафаил (Карелин): “Именно грех осуждения делает раскол живучим. Люди, одержимые этой страстью, всегда будут находить в расколе возможность предаться ей под видом борьбы за правду. Святитель Григорий Богослов пишет о том, что ничто так сильно не льстит падшему человеку, как если его пороки называют добродетелями. А в расколе осуждение является лакомым блюдом, хотя на самом деле это вид душевного людоедства. Психологизм раскола переходит в демонизм раскола”.

[23]. Пентаграмма и здесь соседствует с двуглавым орлом. Вопрос для любителей символических расшифровок: что же означает подобное сочетание на башнях московского Кремля? Не доведенный до конца процесс смены государственной символики? Или что-то другое?

[24]. Михаил Назаров обращает внимание на еще один аспект схожести масонских звезд: “...Эндерс, знаток масонских символов, подчеркивает, что как пятиконечная, так и шестиконечная звезда (тоже масонский символ, связанный с храмом Соломона) имеют это общее и главное свойство: они излучают “свет”, который восходит к древней вавилонской астрологии”.

[25]. Кстати, эта чудотворная икона находится в Покровском храме рядом — над Царскими вратами. Автор списка, схииеромонах Никон, в письме братии Пантелеимонова монастыря, датированном 12 декабря 1852 года, писал (особенности текста сохранены): «Святая эта Владычицы икона писана моим недостойнством около 30-ти лет назад, когда я был еще иеродиаконом и жил в Кривозерской пустынной обители (Костромской губернии), где находится чудотворная икона Божией Матери Иерусалимская, которую сподобился я недостойный возобновить. По происходящим до днесь многим чудотворениям от сей иконы, я по силе немощи моея, со всяким усердием и верою, начал писать верную (кроме меры) копию с той чудотворной иконы; с помощью Владычицы совершил. При самом освящении тоя было знамение и некто нечто прорек о ней, что уже ясно и сбылось. Вслед за сим многие совершались благодатные действия.

Когда же, по воле Божией, я убогий переселился в обитель почти вовсе запустевшую преподобного Нила, чудотворца Сорского, — и эта святая икона всюду была неразлучна с моим недостойнством (...) Но что много говорить? Видел и силу благодатную, явленно пребывающую при этой святой иконе — глас, сказание... целение болезней, от огня спасение и иная чудеса. Никогда и никаким образом я не намерен был разлучиться по жизнь мою с этим спасительным сокровищем; но Божий промысл и Пресвятые Его Матери устроил иначе. Веруйте, отцы святии, и не сомневайтесь, что эта святая икона вашей обители дарована от промысла Божия и благоволением Небесной Царицы, а подробного о сем описания от моего худости не приложите требовать. Но да не оскорблю вас, еще мало и о сем нечто скажу.

За два с небольшим месяца перед отправлением иконы, в тонком, мнится мне, сне видел я, думаю, святую гору Афонскую. Я и другой кто-то казалось, начали восходить на оную. Другой, бывший при мне, был моим руководителем; ибо он, как говорил, бывал на Святой горе. Итак, приближались мы к каменистой, из утесов составленной, горе; с таким трудом восходили на нее — и описать нет слов. Товарищ мой быстро, с каким-то невероят-

ным удобством, возвышался; а я, с боязнию и трудностию ему следуя, взбирался за ним. Наконец достигли к какому-то краю, и тут мой руководитель стал невидим. (Я полагая наверно, что это был мой святой старец — преподобный Нил-Сорский, который, как известно из жития его, пребывал на Святой горе долгое время, и с Афона перенес устав скитский в Россию и был онаго первоначальник в Сорской пустыне). Тут подвиг и страх: казалось, совсем не было возможности взойти по каменистым утесам; однако я решился идти, и как-то скоро очутился на равнине у врат храма. Радость, смешанная со страхом и благоговением, исполнили мою душу и сердце. Тут я непосредственно узрел во первых близ самага входа сидящую на престоле необыкновенно прекрасную Жену. Она была одета белыми, как снег, одеждами. Взгляд ея крайне любезен и умилен. Она, увидя меня, сказала: “как ты счастливо и скоро сюда взошел”, и тогда же подала мне на лжице что-то белое, как бы млеко, и сказала: “приими это, тебе нужно; ты утомился”. Вкуса приятной сладости сказать не могу. Здесь-то непояснимое и несказанное сказано от Божественной Жены, и повелено то, что и учинено (благоволено и велено и святую икону послать в Афонский Русский монастырь святаго Пантелеимона и прочее сбывшееся)...

По отправлении святой иконы на Афон, сбылось все обещанное благодатию Владычицы, именно: 1) скит Нило-Сорский сделан самостоятельным; 2) церковь на месте жительства преподобного Нила, во имя святого Предтечи, стоявшая чрез 10 лет не освященною, освящена; 3) мое давнее желание во святую схиму и пребывание при храме Предтечи, где была келья преподобного Нила, чудным образом исполнилось; и прочее все сбылось вскоре, благодатною силою и милосердным промыслиением Божией Матери”.

[26]. Архимандрит Пантелеимон, настоятель Гефсимании, писал: “В 1847 году латиняне украли положенную православными греками на месте Рождества Христова звезду с тем, чтобы заменить ее латинской звездой”. А.А.Дмитриевский, профессор Киевской Духовной Академии: “Когда Вертеп Христов был по-

руган снятием звезды на месте Рождества Христова, то он (Николай I) не задумался: врагам Православия, на защиту погрязшей святыни, объявил войну, получившую в истории название Севастопольской". Ее духовный смысл сформулировал и кардинал Сибур, архиепископ Парижский: "Война, в которую вступила Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная... Такова признанная цель этого нового крестового похода..." (Цитируется по книге "Россия перед Вторым Пришествием". М., 1994).

[27]. Некоторые православные исследователи считают, что имена волхвов — Гаспар, Мельхиор и Валтасар — позднейшая католическая интерпретация. Однако академик Ю.К.Бегунов отмечает: история волхвов рассказывается еще в греческом малоазийском списке III века "Сказание Афродитиана", и имена их в нем упоминаются.

[28]. Из проповеди о.Матфея Константиновского, духовника Н.В.Гоголя. Цитируется по работе В.Воропаева "Гоголь и отец Матфей" в серии "Церковь и образование". Пермь, 2000.

[29]. Английский исследователь С.Рансимен пишет: "На протяжении более чем двух столетий папы обвиняли греков в том, что они злостные схизматики, а в последние годы громко жаловались на то, что согласие византийцев на соединение церквей было неискренним. Западные народы, для которых турки были весьма отдаленной угрозой, вполне могли недоумевать, почему их просят отдавать свои деньги и жизни ради спасения этих упрямцев. В их сознании появилась даже гневная тень Вергилия, которого на Западе ставили в один ряд с самыми почитаемыми христианами и мессианскими пророками. Он рассказал миру об ужасах греческого нападения на Трою, и вот теперь разгром Константинополя явился возмездием за это. Увлеченные классической литературой и фразеологией, писатели того времени, в том числе сам кардинал Исидор (тот самый, что в качестве митрополита представлял Русь на Флорентийском соборе, был изгнан нашими предками; затем уговаривал греков признать верховную власть папы и в конечном

итоге даже был незаконно назначен им Константинопольским патриархом. — Ю.В.) — были склонны называть турок тевк-рами (т.е. троянцами) ”.

Интересно, что при Ататюрке наследие Трои было включено в собственно турецкую историю.

[30]. Исследования академика Ф.Я. Шипунова подтверждают этот поразительный факт. Оказывается, что даже на месте развалин православного храма, особочувствительные приборы фиксируют колокольный звон. Значит, богослужение продолжается. Небесные силы неуничтожимы человеческими.

[31]. В нынешней Турции этот городок называется Бергамá. Подъезжая к “капищу сатанинскому”, известному по Апокалипсису Иоанна Богослова, наша машина остановилась. Дорогу преградил военный регулировщик. Вскоре перед нами прошла танковая колонна, вслед за которой мы и двинулись. Оказалось, прямо у стен капища расположена танковая часть. Она словно охраняет это “святилище”, — масштабные и довольно мрачные руины, объявленные ЮНЕСКО одной из величайших ценностей мировой архитектуры.

Пергам упоминается еще Гомером. Сюда из-под стен Трои Аполлон перенес на лечение одного из раненых героев. Позднее этот культовый центр считался посвященным сыну Аполлона Асклепию (Эскулапу) — богу медицины. Здесь мы увидели увековеченный в мраморе знакомый символ — змей обвивает чашу. Змей — это олицетворенный Асклепий, родившийся из чрева мертвой женщины. Довольно мрачная история. Странно ли, что храм медицины был назван Апостолом любви “капищем сатанинским”? Нет, не змей кустов и трав отдает людям целебную каплю. Это очередное воплощение древнего змея заглядывает в душу человеческую. И роняет в нее каплю яда духовного.

Удивительна атмосфера Пергама! На месте одного из алтарей (о нем подробнее — в моей книге “Знамена ада”) — подернутое ряской болотце. На мраморной плите, мурлыча какую-то ласковую мелодию, обнимаются содомиты. И над всем этим — барабанная дробь из соседней казармы... Смерть, извращение и обман витают над капищем сатанинским.

[32]. Это один из первых документально подтверждаемых фактов переноса мощей, призванных освятить новую столицу.

[33]. В. Ларионов: “Результаты научных исследований, дополненные выводами художественной интуиции, позволяют с высокой степенью вероятности предположить: на красном поле круглого щита был изображен золотой двузубец — стилизованный сокол Рюриковичей”.

[34]. ...В “Повести о Царь-граде” приводится видение монаха Даниила, в котором говорится несколько иначе: “...и обрящете человека, у двою столпов стояща; сединами праведна и малость (молитва) носяща, нища, взором остра, разумом же кротка, среднего верстою, имеюща на десной ноге, посреди голени, белег (знак), возьмите его и венчайте царем - той есть вам владыка, друг бо ми есть и волю мою творит. И возьмиши два ангела живоносные и введут его во Святую Софию...”

[35]. Тогда же была разрушена церковь Богородицы в Никее, пожар 1922 года в Смирне (Измире) уничтожил ценнейшие археологические находки.

[36]. Недалеко от Эфеса мы были в бывшей греческой деревне, которая сегодня называется Шириндже. Пожилая турчанка Севие рассказала, что ее родители перебрались сюда из Греции. И что скоро в деревенской православной церкви начнутся службы — для наезжающих сюда греков, потомков изгнанников 20-х годов.

[37]. Тут вспомнился фрагмент книги о преподобном Силуане: “Отец Спиридон говорил о молитве, а Старец Силуан слушал молча.

— Так вот держишь, держишь молитву, а когда займешься работой, которая требует соображения, то и перебивается молитва... Бывает, пойдешь чистить маслины, и когда осматриваешь ветви и думаешь, как лучше их обрезать, то и упустишь молитву, — сказал Отец Спиридон.

При этих словах Старец Силуан поднялся с койки, надел сапоги, надел теплую куртку, было холодно, и сказал тихо: “У нас так не бывает” — и ушел из больничной палаты к себе в келлию”.

Подумав, Отец Спиридон сказал: “Или он в ошибке, или он велик”.

[38]. Судя по всему, к русским предъявлялись такие же “претензии”, как ранее к самому основателю Лавры святому Афанасию — натуре энергичной и деятельной. “Пустынники считали, что устройством великолепного монастыря, всеми банями, больницами, водопроводами и виноградниками он нарушает дух Афона,” — так писал в своих афонских заметках Б.К.Зайцев. На самом деле существуют два ревнующих друг друга типа монашества — монастырский и отшельнический, но лукавые греки склонны сейчас приписывать монастырскую активность русских — национальному фактору.

[39]. А вот что писалось о греческой неприязни к нашим монахам в прошлом веке: “...людям, чуждым русским воззрениям и интересам, не только иного склада понятий, но весьма различного бытового строя, для которых дорог восточный покой, умозрение, но не трудовая, деятельная, колонизаторская жизнь, представляющаяся им, по их своеобразной логике, признаком беспокойного характера, каких-то затаенных, коварных стремлений, направленных, конечно же, к тому, чтобы свергнуть их господство и захватить унаследованное ими их историческое достояние. Христианство вообще, а тем более монашество, требует искренней любви и равноправия между братьями, как необходимого условия ко спасению, по завещанию Апостола, друг друга тяготы носите, но что же было делать, если Греки так понимали этот апостольский завет относительно Русских, что русские — пришлецы в их земли — должны носить их тяготы, а они за то будут вести их ко спасению, потому что русские полуварвары и пути-то настоящего ко спасению не знают”.

[40]. М.Назаров. Тайна России.

[41]. Если суммировать услышанные нами святогорские пророчества, то получается следующее. Сначала провоцируется война России с Турцией. В ней наша страна побеждает. Потом “мировое сообщество” наносит поражение России, но не до конца. После этого начинается его война с Китаем... Удивительно, но, вернувшись с Афона, подобные сценарии я слышал от профес-

сиональных геополитиков. Они отводят Чечне роль провоцирующего элемента — для войны с Турцией. Поэтому в нынешних условиях какого-либо окончательного решения “проблемы Ичкерии” ожидать не приходится.

[42]. М.Назаров. Тайна России.

[43]. Такой соблазн повторяется из века в век. И о нем Игнатий (Брянчанинов) пишет: “...исполнены (...) гордости и безрассудства желание и стремление сердца насладиться ощущениями святыми, духовными, Божественными, когда оно еще вовсе неспособно для таких наслаждений. Как ум нечистый, желая видеть Божественные видения и не имея возможности видеть их, сочиняет для себя видения из себя, ими обманывает себя и обольщает: так и сердце, усиливаясь вкушать Божественную сладость и другия Божественныя ощущения, и не находя их в себе, сочиняет их из себя, ими льстит себе, обольщает, обманывает, губит себя, входя в область лжи, в общение с бесами, подчиняясь их влиянию, порабощаясь их власти”.

[44]. В.Вениаминов. Приложение к книге св. Григория Паламы “Триады в защиту священнобезмолствующих”.

[45]. Закономерный конец, ведь в самом отрицании Варлаамом нетварности Фаворского света Григорием Паламой обнаруживалась прямая связь с латинской ересью “фелиокве”. “Почему этот человек приложил такие старания, чтобы доказать, что обожаящая благодать Духа тварна? (...) Ведь мы знаем, что Дух подается Сыном, что Он изливается на нас через посредство Сына. С другой стороны, великий Василий говорит: Сыном Своим Бог обильно излил на нас Духа, Он излил Его, но не создал; Он даровал Его, но не сотворил; Он подал Его, но не соделал...”

[46]. Век спустя об этом же писал святитель Игнатий. Вот об изображениях ангелов: “Судя по их физиономиям, в которых нет ничего Божественного, которые слишком обыкновенны, надо предполагать, что натурщицами были не более как горничные девушки, а натурщицею для верхней фигуры на левой стороне — какая-нибудь кастелянша немочка, уже, как вид-

но, пожилая, с выражением беззаботности на лице, — вероятно, того чувства, которое было в ее душе в то время, когда она стояла перед художником (...) Некоторый кучер, видный, но очень ограниченного ума, поступив ко мне в услугу, сам мне сказал: “Я был натурщиком в Академии семь лет, в такой-то церкви, такая-то икона писана с меня”. Он исчислял иконы, для которых служил оригиналом, которых не хочу именовать, этого не стерпит мое сердце!..”

[47]. Легкоумного человека заставляют забывать не только Божие, но и собственное имя. Возможно, в пластиковых карточках пока и не ставится та самая печать антихриста, но что означает вытеснение имени цифрой? Святое имя при таинстве крещения дается по благодати Божией. Отречение от него (недаром пишется письменное заявление с просьбой о присвоении ИИИ), принятие имени цифрового — это компьютерная инициация. Оскорбление Духа Святого. Отрешившемуся от имени, один шаг до забвения своего святого (если знал его вообще) и даже Имени Божиего. Так человек лишает себя помощи Высших Сил.

[48]. В те годы расцветал греческий национализм либерального западнического толка. Сидящие в Афинах “освободители от ига” рассуждали об античном наследстве, а о Византии как бы забыли. На фоне таких жалких декораций возникло лишь маленькое королевство. Воссоздание православной империи было им не по силам.

[49]. Немало подобных случаев связано и со старцем Паисием. Вот только один из них: “Маленький ребенок неосторожно ехал на велосипеде и оказался около грузовика, который ударил ребенка и переехал бы его, если бы каким-то чудесным образом не оказался рядом монах, выхвативший ребенка из-под колес машины. Ребенок видел монаха, но не знал, кто он такой. Когда он пришел домой, он рассказал отцу все, что случилось и они решили отправиться на Святую Гору, чтобы найти того монаха и поблагодарить его. Обходя монастыри и кельи, прибыли и к о. Паисию. Маленький мальчик немедленно узнал его и попросил его молитв”.

Такова сила молитвы праведника. Когда он молится за весь мир, в любой части этого мира (и иногда в образе этого праведника) является Ангел. И помогает.

[50]. Русское издание книги о старце Паисии “Когда чужая боль становится своей”.

[51]. И еще одна удивительная встреча ждет нас в этом скиту. В Кириакеоне — среди других мощей — нам выносят стону святой Анны, родительницы Матери Божией. Мощи ее относятся к числу наиболее древних. В храме — старинная икона святой Анны, увешанная дарами. У ее подножия, видимо, со старых времен, стоит оставленная кем-то сабля.

[52]. “Удобные в быту” магнитные карточки, против которых восстает Афон — только один пример. Заложенная в них информация сделает весь мир прозрачным для ока “великого архитектора Вселенной”. Символом такого тоталитарного мира является хрустальная пирамида, установленная перед входом в Лувр. Символ точный. Непрочным будет царство антихриста — рассыпется как битое стекло.

[53]. Архимандрит Рафаил (Карелин). Христианство и модернизм.

[54]. В “Письмах Святогорца” рассказывается о подобном предании Православного Востока. А точнее — о двадцати черных и нетленных телах монахов, один из которых, по молитве праведника, и рассказал о своих грехах... “при потере душею неба, как своей отчизны, и самое тело в недрах земли, как своей матери, говоря простым тоном, не имеет части и не удостоивается оправдать на себе приговора правды Божией, изрекшей Адаму в самом еще падении: земля еси и в землю отыдеши”.

Еще один поразительный случай. Он последовал за печальным фактом этнического раскола, который произошел в прошлом веке в Ильинском скиту. “В том же году в скиту святого пророка Илии откопали монаха Савву, который выгнал из скита отца Павла с прочими великороссиянами. Вытащили его из могилы всего целого и не предавшего тлению, но весьма черного и смрадного. Игумен Паисий стал читать разрешительную молитву, но ничего не было. Потом призвали архиепископа Панкратия, жив-

шего на Афоне в Карее, и тот читал, но тело оставалось в своем виде. Архиерей начал спрашивать: "Какая тому причина?" Ему сказали, что он был первым гонителем на великороссиян и выгнал из скита отца Павла с прочими великороссиянами. Архиерей спросил: "А жив ли отец Павел?" Они сказали, что давно помер. Тогда архиерей сказал: "Я этого разрешить не могу, а поезжайте к самому патриарху. А которые живы великороссияне, вы их позовите и попросите, чтобы они его простили". И сам уехал, Игумен Паисий ездил в Константинополь к патриарху и взял от него разрешительную грамоту. Приехавши, позвал всех великороссиян и архиерея, и отстояли всенощное бдение. По литургии опять откопали тело монаха Саввы, и все великороссияне говорили ему прощение, а архиерей прочитал патриаршую грамоту, и тело стало рассыпаться, и закопали его в землю. По малом времени посмотрели - и уже остались одни кости. Видевшие сие, малороссияне испугались, и затрепетали, и ходили к великороссиянам просить прощение" (Парфений, инок. Сказание о странствии и путешествии... Ч.3. С.63-64). По этому случаю духовник Русского монастыря старец Иероним писал: "Очень еще недавно было, и многие помнят несчастное "дело ильинское", которое довело до печального раздела малороссиян от великороссиян, и все видели, какой горький плод родился от сего. Разве недостаточно сего страшного примера для вразумления других? Для кого же он был попущен, как не для потомства, чтобы впредь не делали сего. А иначе и им то же будет, и они будут "битюками" нерастленными". (Цитируется по тексту альманаха "К свету", выпуск 18).

[55]. Бывает, конечно, всякое. Автору этих строк известен случай, когда устроители одного крестного хода тайком капали благовонным маслом из шприца на иконы, а потом всем кагалом поднимали истерический гвалт. Бывает. Бывает и такое. Но — будем отличать зерна от плевел.

[56]. Вот характерный пример греческой осторожности. Русский монах-паломник предлагает афонскому насельнику приложиться к кресту-мошевику. Тот на ходу отвечает: потом, в храме... В этой осторожности к предложению незнакомого ино-

ка — опаска поклониться лжеангелу. Тому, у кого под хитоном могут оказаться копыта. Недаром множество афонских преданий рассказывают о таких страшных ошибках. Поэтому, видно, и не решился монах поклониться вне храма. А внутри, в алтаре, — другое дело. Там, если святыня окажется и ложной; она проявит себя.

[57]. Другой лаврский монах, которому мы указали на явный случай мироточения иконы Иоанна Крестителя — в день праздника святого, — лишь улыбнулся: старцы говорят, это “температурный режим” такой...

[58]. Бесам не нужны зрачки: они видят нечувственными очами. Этими едва ли не вездесущими “видеокамерами”, кстати, пользуются и забесовленные люди. Не случайно, наверно, в состоянии транса их собственные глаза, как бесполезные, закатываются.

[59]. “Человеческие жертвы существовали в Греции в течение длительного времени и получали различную мотивировку в зависимости от той или иной эпохи. Несомненным фактом является огромная распространенность этой звериной мифологии не только в архаический период, но и в период цветущей классики, когда ей все же приходит конец”, — так пишет философ А.Ф.Лосев и приводит длинный перечень божеств, которым приносились человеческие жертвы. (См. “Мифология греков и римлян”).

[60]. Старинные афинские семьи имели наследственное право участия в Элевсинских священнодействиях и повиновались обету молчания. Эсхил (истоки трагедии лежат в древних мистериях) по традиции также пользовался таким правом. Но он был изгнан из Афин якобы за разглашение “ритуальных фактов, известных только посвященным”. Смысл такой обтекаемой информации о “древних тайнах” после посещения афонского капища становится понятным.

[61]. Недаром об Элевсинских мистериях — с романтическим придыханием — рассказывается в издававшемся масоном Н.И.Новиковым журнале “Покоящийся трудолюбец”, 1785 г.

Символический рисунок из современной масонской энциклопедии, посвященный Элевсинским мистериям, снабжен такой подписью: "Кандидат и его инициатор показаны стоящими на краю расселины, разделяющей мир живого и мир мертвого, по которой течет поток, уносящий тени умерших. Вдали восседает на троне Гадес (Аид — Ю.В.), бог подземного мира, окруженный эмблемами смерти, а рядом с ним Цербер, трехголовый пес, страж врат смерти. Над зияющей пропастью парит Церера (Деметра — Ю.В.), держащая два факела, свет которых прокладывает ей путь во мраке низшего мира. Она молит об освобождении ее дочери..."

Кстати, в целом ряде мифов, отмечает А.Ф.Лосев, богом смерти предстает и Аполлон. Плутарх говорит о том, что каждые девять космических лет Аполлон нисходит в Аид, чтобы через очищение стать истинным Аполлоном.

...В наши дни древнее язычество вполне откровенно показывает свою сатанинскую образину. Старец Паисий, например, говорил, что нынешние колдуны пользуются восковым изображением бога Аида, чтобы наводить на людей порчу.

[62]. На Афоне, древнем центре язычества, действительно никогда не находили ни одной статуи... А Аполлон, кстати, был изгнан и из святогорской топонимики. Но интересно, что его возлюбленная, Дафна (что значит, лавр), осталась. Так называется маленький афонский порт.

[63]. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Письма о подвижнической жизни.

[64]. Святитель Московский Филарет.

[65]. Преподобный Иоанн Лествичник: "Иные больше ублажают дар чудотворения и то, что в духовных дарованиях видимо, не зная, что многое и выше сего и сокровенно, а потому и пребывает неотъемлемым".

Старец Силуан говорил так: "Горяча любовь Божия. Ради нее святые терпели все скорби, и достигали славы чудотворения.., а я хотел бы научиться только смирению и любви Христовой, чтобы никого не обидеть, но молиться за всех, как за самого себя".

[66]. Свт. Игнатий: “Надо изобразить на душе портрет Христов, сообщить ей сходство с ее первообразом. Портреты, лишенные сходства, будут отвергнуты на той всеобщей выставке, на которой каждый из человеков будет испытан, в какой степени он сохранил и обновил в себе образ и подобие Творца и Бога своего. Образы, на которых столько искажены все черты и краски, что потеряно все сходство, все подобие, услышат: “Не вем вас!” Они не будут узнаны! От них откажется Господь!” Начнемте живопись духовную! Обратим внимание на закинутый, на покрытый грязью, царапинами и пылью образ Божий, на нас начертанный и нам вверенный Богом! Живописец — Христос; кисть Его — Святой Дух. Приготовим душу для этой живописи так, чтобы душа, как чистое, новое полотно была способна принять на себя все — и самые тончайшие черты, самые нежные краски и оттенки. Для такого приготовления нужно очищение себя покаянием, омовение слезами...”

[67]. Еще одна подробность аскетической жизни: “Согласно монашеским правилам, — пишет архимандрит Херувим, — монах должен спать в подряснике, с поясом, в скуфье и носках — как солдат. Как тот всегда обязан быть готовым, когда стража оповестит его идти в караул, так и монах, когда его позовут на молитву, должен быть готов: сбрасывает с себя покрывала и одним прыжком уже на ногах”.

[68]. О том же писал иеросхимонах Стефан (Игнатенко), немало подвизавшийся на Кавказских горах: “...монахам предпочтительнее оставаться в больших городах, современной пустыне нашего столетия из-за того, что здесь минимально приходится заботиться о внешнем”.

[69]. Старец Силуан рассказывал об одном схимонахе, который, готовясь к смерти, не открывал глаз, чтобы не нарушить памяти Божией каким-нибудь внешним впечатлением. А Иосиф Исихаст наставлял творить умную молитву без света, ибо свет рассеивает ум.

[70]. “Внешний наш человек пусть исполняет свои телесные дела, а внутренний весь пусть будет посвящен на служение Богу

и никогда не отстает от этого духовного дела умной молитвы, как заповедует нам и Богочеловек Иисус, говоря в Святом Евангелии: “Ты же, егда молишься, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне” (Мф. 6, 6). Клеть души есть тело, двери наши суть пять чувств телесных. Душа входит в клеть свою, когда ум не блуждает туда и сюда по делам и вещам мирским, но находится внутри сердца нашего. Чувства наши затворяются и остаются такими, когда мы не даем им прилепляться к внешним чувственным вещам, и ум наш таким образом остается свободным от всякого пристрастия мирского и сокровенною умною молитвою соединяется с Богом Отцом своим”.

[71]. Уже вернувшись с Афона я прочел наставления старца Паусия, адресованные мирским людям: “К молитве надо готовиться. Читайте предварительно отрывок из Евангелия или из Отцов, а потом уже молитесь. Нужны особые усилия, чтобы ум перенесся в область божественного”. И еще: “Некоторые говорят, что человек, когда молится, должен вперять свой ум в икону или в текст. Нет. Ни в икону, ни в текст. Пусть он направит ум на свою греховность, однако с рассуждением...”

[72]. Протоиерей Иоанн Журавский: “Если мы, занимаясь “умной молитвой”, с болью замечаем, что она не уживается с нами, не держится у нас на устах, а все время убегает от нас, то это верный признак гордостного состояния нашей души перед близкими и перед Богом. Благодать, присущая сей молитве, противится нашей гордости. Это печально-спасительное познание должно побудить нас к истинному покаянию...”

[73]. Кстати, предания о незримых старцах бытовали и среди подвижников Кавказа. Ныне, особенно, после войны в Абхазии (на ее территории всегда было наибольшее количество отшельников) их число сократилось. Иеродиакон Захария из Киево-Печерской лавры, с которым мы познакомились на Афоне, рассказывал, что дважды — восемь лет и четыре года тому назад — бывал у кавказских старцев. Например, у отца Мардария, который подвизается в горах уже более сорока лет. Живут кавказские отшельники в более трудных природных условиях, чем

на Афоне. Представьте, рассказывал отец Захария, зимовку в келье, которая находится на вершине какой-нибудь скалы. Помещение два на два метра, кругом четырехметровый снежный покров, за дверь почти не выйти. Скучные продукты хранятся в банках — чтобы не сожрали многочисленные крысы.

Абхазские лесорубы рассказывали, что однажды в глухой местности, где нет даже тропок, они набрали на келью. Там молились два древних старца. Абхазцы с благоговением и некоторым трепетом ушли из этого места.

[74]. Немало вопросов обращают и ко мне — по поводу одного из приложений к книге “Стук в Золотые врата”. Текст был посвящен орденской идее в России: она “носила в воздухе”, и я опубликовал оказавшийся у меня материал. Тайное общество православных должно противостоять тайным усилиям сил зла! Такой была одна из мыслей этого документа... Только мысль, только идея? Или подобный орден есть на самом деле? Сколько людей возбужденно шептало: есть, точно есть! Называли даже одного архиерея: окормляет, дескать, “орден” православных генералов. Другие с горящими глазами задавали мне этот “тайный” вопрос — принародно! Они так и ждали ответа: есть! И ты можешь вступить... Стоило только подмигнуть.

Рано или поздно кто-нибудь подмигнет. А может быть, уже подмигнул? “Лжеордена” — аспид не менее опасный, чем “лжестарцы”. (О лжеорденах подробнее в моей книге “Знамена ада”).

[75]. Показательны слова о Лойоле, основателе ордена иезуитов, Игнатия (Брянчанинова): “У него воображение было так разгорячено и изощрено, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некоторое напряжение, как являлись перед его взорами, по его желанию, ад или рай. Явление ада илирая совершалось не одним действием воображения человеческого; одно действие воображения человеческого недостаточно для этого: явление совершалось действием демонов, присоединявших свое обильное действие к недостаточному действию человеческого...” Лойола почитается католической церковью как святой. Однако православная традиция говорит о Божиих явлениях так: “Известно, что истинным свя-

тым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, — даруются неожиданно, весьма редко, при случаях особенной нужды...

[76]. В. Вениаминов, приложение к книге св. Григория Паламы “Триады”.

[77]. В Псалтири есть слова об аспиде, затыкающем свои уши. Это место так толкует Иоанн Златоуст: быть человеком в том состоит, чтобы благоугождать Богу, а кто не хочет даже слышать о том, как это исполнить — что есть иное, как не зверь? Аспид затыкает уши свои от чрезмерной злости, чтобы не быть очаровану обаяниями заговаривающих зверей мудрецов.

[78]. Л. Успенский. Богословие иконы.

Да, высшее художество исихазма состоит отнюдь не в омертвлении чувств, характерном для ряда темных духовных практик.

[79]. И в миру действует аналогичный закон. Вот как писал Феофан Затворник о вразумившем многих из высшего общества нашествии французов: “Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее”.

✓ [80]. Митрополит Иерофей (Влахос) пишет: “Еретик Аполлинарий (IV в.) утверждал, что Христос Своим Вочеловечением воспринял душу и тело, но не ум (...) Отвергая эту ересь, святитель Григорий Богослов говорил, что Христос обрел всю полноту человеческой природы, ибо то, что не воспринято, не исцеляется, тогда как то, что соединено с Богом, спасается”. Вот в чем первостепенная важность восхождения к Богу ума. Через него спасаются и душа, и тело.

[81]. Синаксарь Недели сырной.

[82]. Протоиерей Иоанн Журавский.

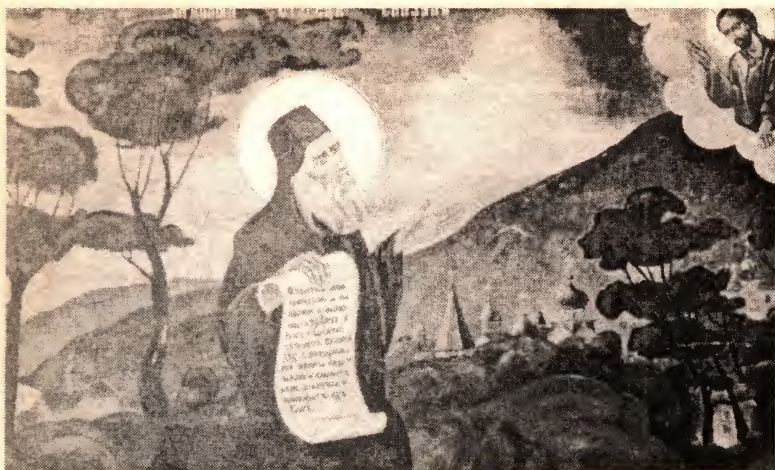
Фреска в трапезной Пантелеимонова монастыря.

*Стасидии недалеко от кувуклин с мощами
Димитрия Солунского.*

*Таким видится наш монастырь
от пещеры отшельника.*

*Образ старца Силуана на стене
в Пантелеимоновой обители.*

*Инок Вонифатий достает из пещерки мощи
неизвестного подвижника.*

Лесная келья старца Силуана.

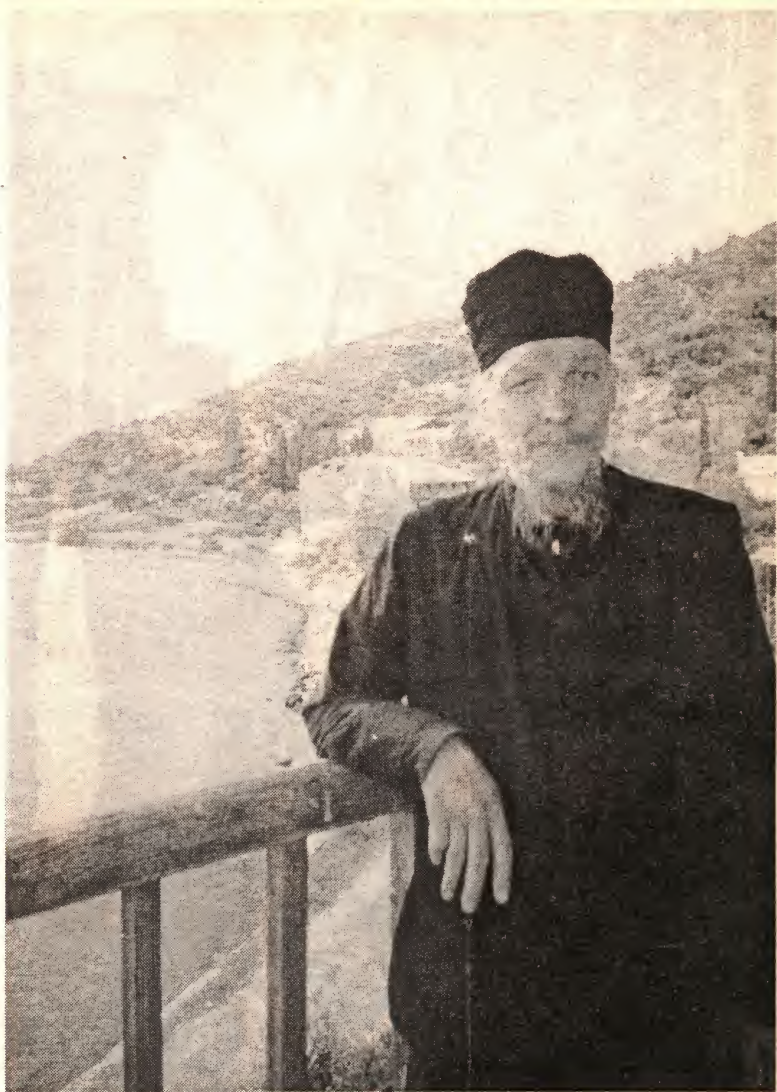
*Эта монастырская келья также принадлежала
старцу Силуану.*

Отец Софраний в день пострижения в мантию.

Так хоронят афонских монахов.

Отец Софроний. Фото 1998 года.

*В Зографе мы познакомились с монахами
Гавриилом и Антонием.*

Отец Гавриил в костнице Зографа.

“Маген-Давид”... На Афоне!

Масонский орел — знак 33 градуса.

Ватопед. Афонские звезды.

Ватопед. Афонские звезды.

Одна из оскверненных фресок.

*Виноградная лоза поднимается из гробницы
святого Симеона.*

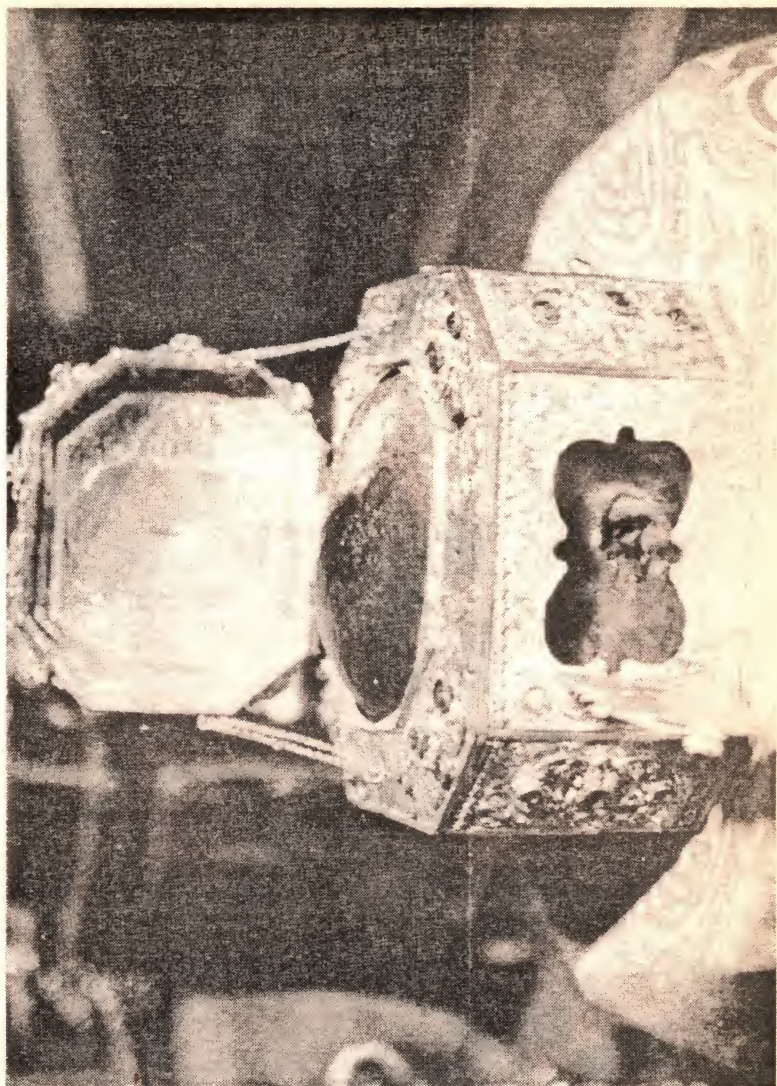
Купол одного из храмов Ватопеда.

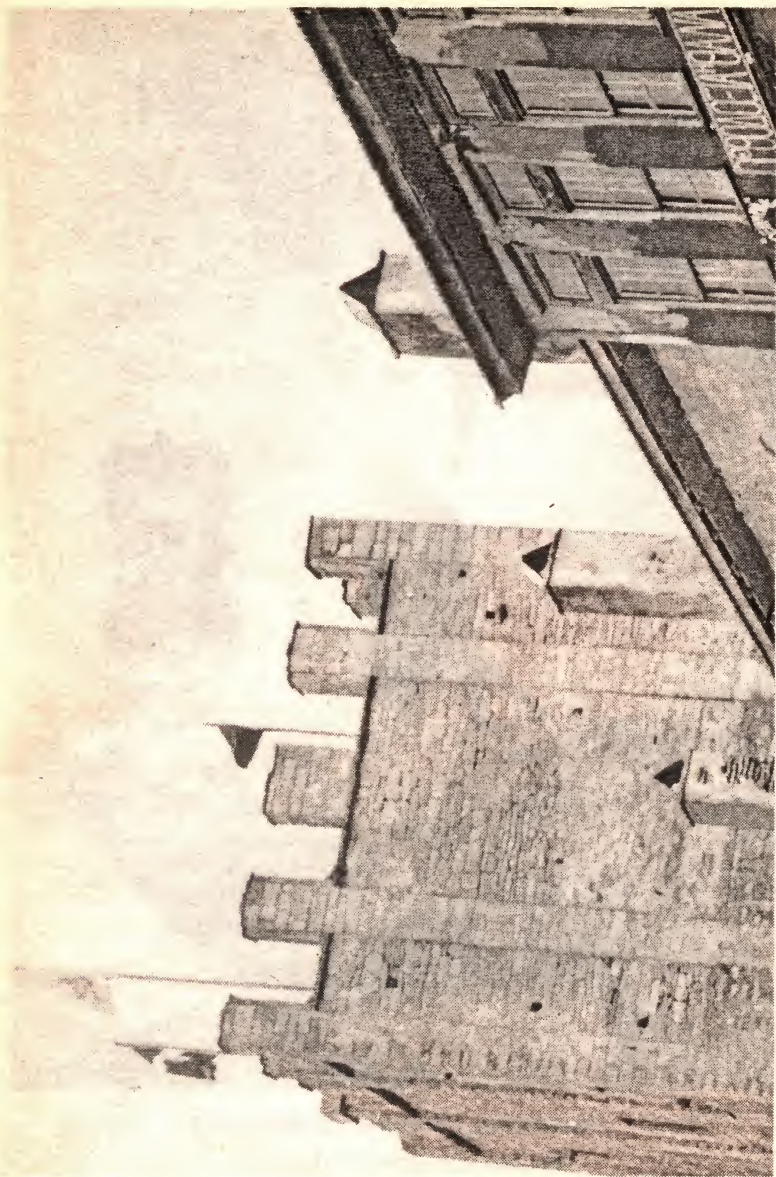
В пещере Антония Киево-Печерского.

*С монахом Феодосием и его старцем мы встретились
у источника Григория Паламы.*

*Глава свт. Иоанна Златоуста.
Видно его нетленное ухо.*

*Один из флагов над Есфигменом — черный.
Справа надпись: “Православие или смерть”.*

Иеромонах Андрей из монастыря св. Павла.

Дары волхвов.

*Иеромонах Исидор (второй слева)
и паломники из России.*

Кавсокаливские святые.

До пещеры Нила Мироточивого — считанные шаги.

У колодца св. Паисия Величковского.

Могила старца Порфирия.

*Святой Акакий
Кавсокаливский.*

Монастырь Симона Петра.

*В ковчеге, что нам вынесли
в монастыре Симона Петра, — частица
Животворящего Креста Господня (в центре)
и мощи Марии Магдалины (справа).*

*Кириакон скита Святой Анны снизу
кажется крохотным.*

Ближе — келья папы Иоаниса.

Череп отца, монаха Варнавы, передан сыновьям.

Святая Анна с Пречистой Девой.

Лавра. Слева — усыпальница Вселенских патриархов.

Лаврские старцы.

Отец Власий, автор книги "Сияние святости".

Отец Иаков угощает ракией.

У иеромонаха Евстратия.

Святой Афанасий.

Келья святого Афанасия Афонского.

Страшные насельники "пещеры отлученных".

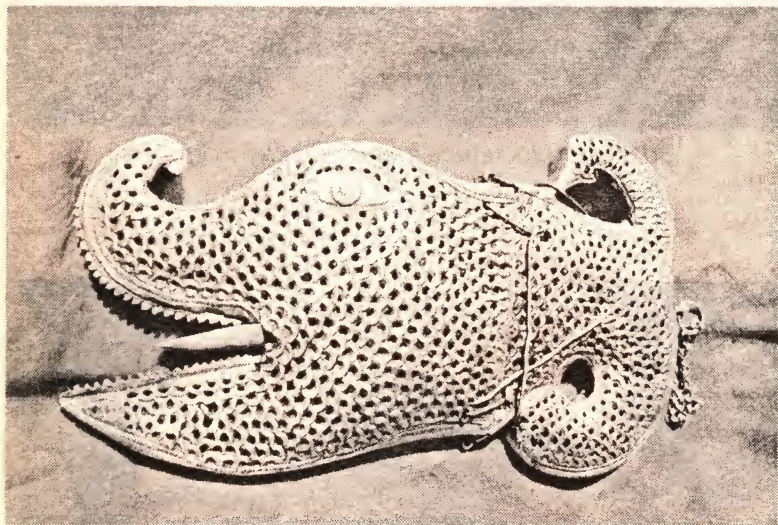
Деметра без макияжа.

Здесь приносились человеческие жертвы.

Трапезная Лавры.

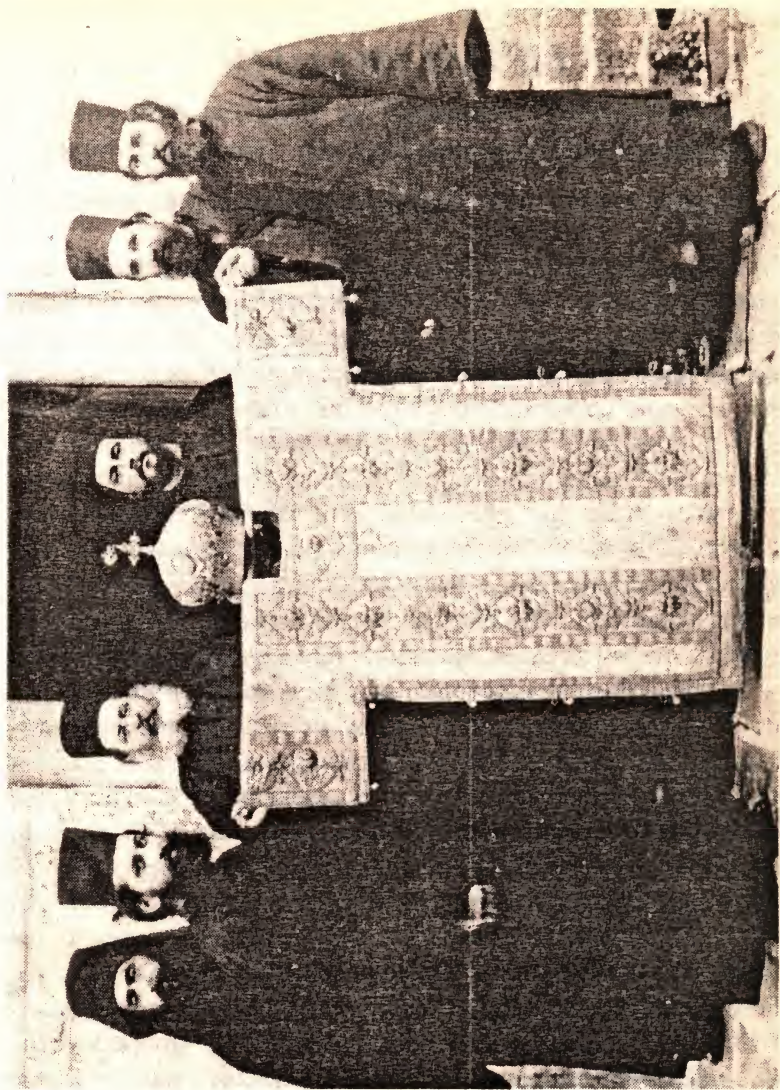
*В золотое изображение аспида вставлен
окаменевший язык.*

Старец Евфимий.

Гора Афон. Гора Святая...

*Облачение, подаренное императором
Никифором Фокой св. Афанасию.
(Фото начала века).*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Страдание двадцати шести святых преподобномучеников Зографских (фрагмент из Афонского патерика)

...Итак, те, которые боялись мук, скрылись в дебрях, пещерах и ущельях гор. Святый же игумен с прочими иноками вошел в “пирг” (башню) не из боязни, но чтобы воспользоваться временем для обличения беззаконной ереси. Мучители, окружив со всех сторон обитель, стали кричать находящимся в пирге: “отворите нам, отворите!” Но преподобный сказал им: “мы не знаем вас — откуда вы”. Мучители ответили: “мы — Христовы рабы и пришли обратить соблазненных на путь истинный”. Святой же опять сказал: “отступите от нас, делающие беззакония, потому что Апостол говорит: “если бы и ангел с неба стал бы благовествовать вам не то, что мы благовестили вам, да будет анафема”. Кто другого учителя ищет? — Никто, кроме тех, которые явно безумствуют. Вы скажите нам о своем учении и, если оно будет от Бога, мы присоединимся к вам и примем вас как братию; если же не от Бога, — то уходите от нас”. Тогда еретики отвечали: “мы от Бога, и в Господа Иисуса Христа веруем и святое Евангелие Его учим; посланы же мы от блаженнейшаго папы римского, который есть глава церкви, сказать вам безумным непонятное для вас, чтобы вы поумнели и поняли уставы церковные и верно читали в св. Символе, т.е. в “Верую во единого Бога Отца”..., что Пресвятыи Дух исходит от Отца и Сына, и на святой проскомидии приносили пресный, а не квасной хлеб, чтобы священники ваши брили бороды, дабы и этим не согрешали в службе Божией, так как они — женихи церкви. Если все это исполните, то получите от Вседержителя очищение, и мы ради вашего покаяния умилосердимся, если же нет, то беспощадно погубим вас, чтобы вы не занимали напрасно места на земле”. Это и многое другое в этом роде говорили еретики. Преподобный

подобные же ответили им следующее: “Мы хотим найти истину и не обращаем внимания на ваши соблазны и безумие, поелику не боимся и не страшимся ваших угроз, потому что написано, что бояться нужно одного Бога, а человека нечего страшиться, и смело говорим: никого нет против нас, если с нами Бог, Который праведен и правду возлюбил. Сам Господь наш Иисус Христос в св. Евангелии говорит: “когда придет Утешитель, которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, который от Отца исходит, тот будет свидетельствовать о мне” (Иоан. гл.15 ст.26); и опять: “и Я упрошу Отца и другаго Утешителя даст вам, чтобы был с вами во веки Дух истины; и еще: “это сказал Я вам, находясь с вами; Утешитель же Дух Святый, Котораго пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам, о чем Я говорил” (Иоан. 14 г.25 и 26 ст.).

Эти слова преподобные повторяли несколько раз для доказательства истины и чтобы заградить уста тем, которые говорят что Дух Святый исходит и от Сына. Ко всему этому преподобные присоединили еще и следующее: “Если же и этому не верите, духоборцы, то научитесь у Крестителя и Предтечи Иоанна, который видел Св.Духа, сходящего в виде голубя с неба и пребывающего на Сыне; видите, что от Отца только Дух исходит. Это учение содержит наша мать — св. вселенская и апостольская церковь и напаяет всех своих чад тем, что истекает не из Эдема, а из Божественных уст Христа, сказавшаго следующее: “возвестите Евангелия всякой твари; и кто имеет веру и крестится, будет спасен, а кто не имеет веры, будет осужден,” и еще: “ради этого говорю вам, всякий грех и хула простятся людям, а хула на Духа не простится; и если кто скажет слово на Сына человеческого, простится ему, а кто скажен на Духа Святаго, не простится ему ни в сей век, ни в будущий”. Поелику Св.Духом все пророки, Апостолы и Учители, будучи научены проповеди, крестили, научили православной вере в разных концах вселенной и передали правоверным признавать четырех Евангелистов: Матфея, Марка, Луку и Иоанна. Кто же присоединяет 5-го евангелиста, тот да будет проклят. “Кто соблазняет одного из братьев, говорит Спаси-

тель, достоин мучения”, а кто всю вселенную соблазняет, как вы, какое оправдание тот найдет, чтобы избежать достойного мучения? Который из 7-ми богоизбранных Соборов говорит, что Дух Святой исходит от Отца и Сына и который из них постановил правилом, чтобы мы приносили опресноки и стригли волосы на бороде, как вы утверждаете? Будучи исполнен 7 лукавых духов других (в противоположность 7-ми Соборам), в какого Христа ты учишь веровать, духовборец, и преподаешь не Евангельское, а антихристово учение. Но 5-го евангелиста мы не находим, кроме Магомета Сарацинского, предтечи антихриста, который раньше вашей губительной ереси произвел плевелы. А что касается ваших опресночных мертвых жертв, то это иудейский обычай. Но вы скажете: разве Христос не ел пасхи, будучи опоясан и держа посох в руках по писанию. Да, скажем мы, Он ел пасху, но упразднил ее как обрезание и многое другое, и потом, сидя с 12-ю учениками, установил Свою пасху. Во время вечера Он, взявши хлеб и благословив, преломил и дал Своим ученикам, говоря: “примите, ядите, сие есть тело Мое” и проч. Вот истинное таинство. Сказано: взял хлеб, т.е. квасный, а не пресный, как вы противозаконное делаете и служите, и держитесь Аполинариевой ереси. Брить же волосы на бородах мы не научились ни из Ветхаго Завета, ни из Новаго, потому что в Ветхом Завете от первосозданного человека, праведников и пророков и до Самого Господа нашего Иисуса Христа нет об этом никакого постановления: в Новом же ни Сам Христос, ни Апостолы об этом ничего не говорили, а также ни одним из св. Соборов не было постановлено, ни правилами указано, что нужно видеть и слепому. Тебе же, окаянный духовборец, лучше бы не браду, но язык отрезать, чтобы он не изрекал хулы и соблазна и не приводил бы других вместе с тобою к погибели; лучше пусть сгниет худой член, дабы не повредил хороших (...)

Женихов церкви не много, но Един, Который придет в полночи судить живых и мертвых: живых — православных, мертвых — еретиков, каждого по его делам. Просим, однако, вас, други, познайте истинную православную веру, которая

есть жизнь и просвещение наших душ и сделайте ей так, как св. Отцы и священные Соборы, приняв веру от св. Апостолов нам передали и узаконили в св. Символе, присовокупив: “если кто отнимет или приложит к нему, да будет проклят”. А от этого греха (нарушения Символа) никто не может разрешить преступников и освободить от приготовленных им мучений. Послушайте, возлюбленные, и перейдите от зла к добру, дабы не подвергнуть своих душ мукам вечным.

Но для незаконных католиков эти слова блаженных мужей были так же неприятны, как для волков камни из пращи; они бросились к ним и зажгли со всех сторон св. обитель. Причиной всех этих несчастий был нечестивый Палеолог, новый этот Навухудоносор. Преподобные и Богоносные Отцы наши подобно трем отрокам окруженные пламенем, стоя на башне (пирге), возсылали молитвы ко Христу... По окончании молитвы, был свыше голос: “Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небеси”.

Мучители, услышав этот внезапный голос, ужаснулись, но мрак, лежащий на их умственных очах, помешал им понять случившееся, так как Дух Святой, Которого они хулили, не пришел разогнать этот мрак...

Всех святых числом было 26, из них монахов было 22 и 4 мирянина (...) Из них первый, то есть Фома, был, как сказано выше, игуменом и вел главным образом спор с богомерзкими латинянами, последний же, т.е. Парфений — экклесиархом, который был снесен огненным пламенем с башни на землю и не тотчас умер, но проживши еще 30 дней и рассказавши всем о происшедшем скрывшимся на время и теперь возвратившимся братьям.

*Сонмы Ангелов и поныне несут в Византии
свой вечный дозор.*

*Храм Георгия Победоносца — напротив пролома
в стене Царьграда.*

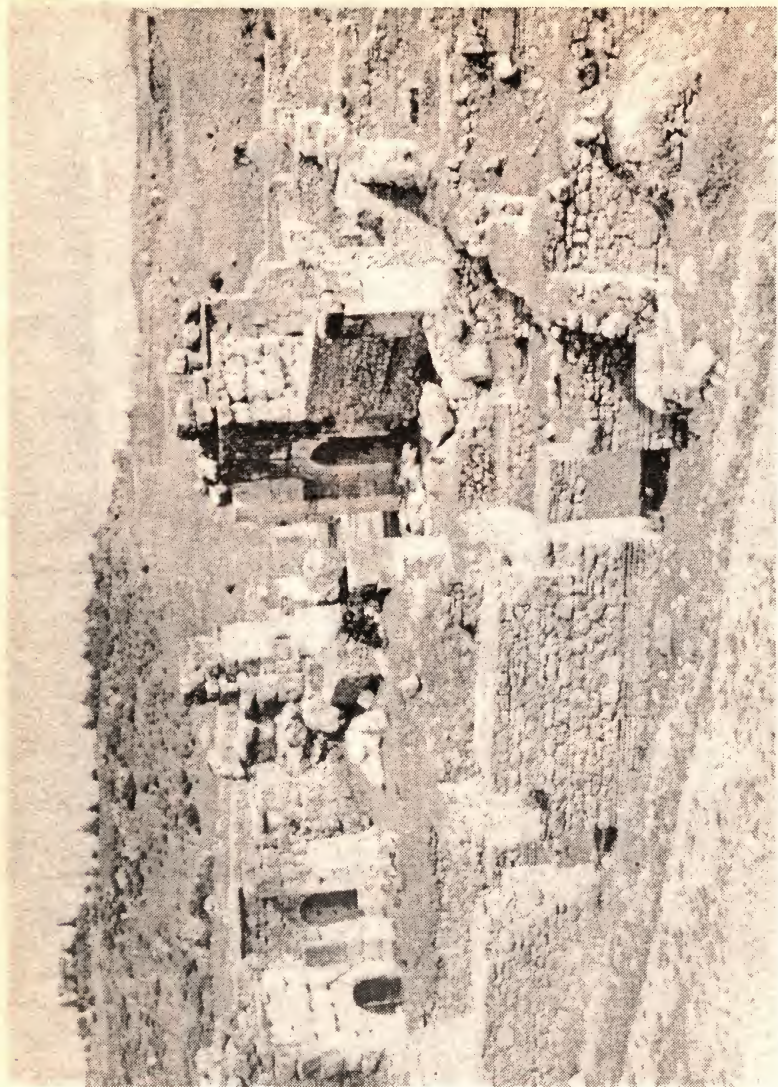
Подпись Мехмета II.

*Лачуги стамбульских бедняков поневоле жмутся
к остаткам державных стен Царьграда.*

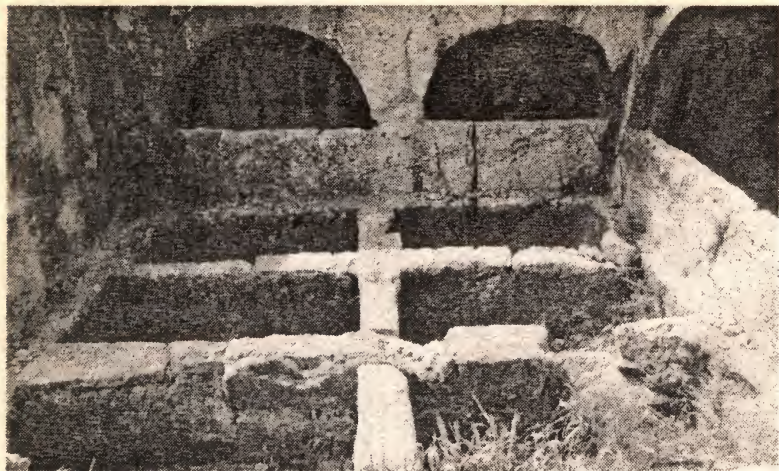
Афонский монах Григорий Костафонитис.

*Иераполис. Храм, где проповедовал апостол Филипп.
Ни одной живой души!*

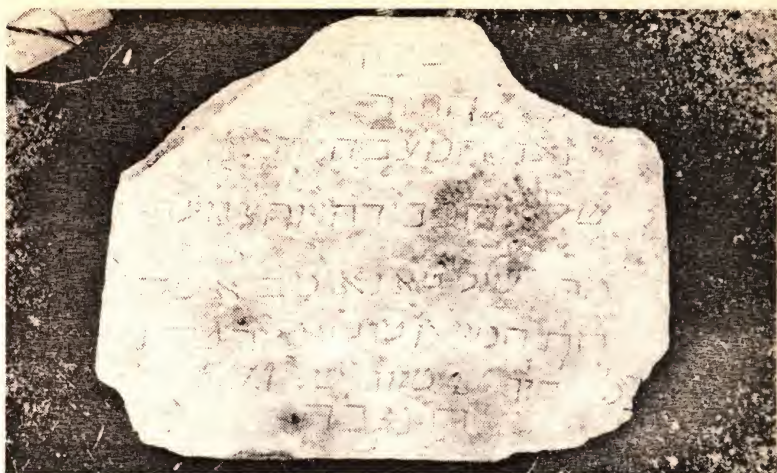
*Подземное хранилище воды в Константинополе.
 Столп веры православной попирает
 мерзость языческую.*

Пещера семи отроков Эфесских.

*Асклепион — так называлось в античном мире
капище сатанинское.*

*Еврейская надпись на капище сатанинском
датирована 5662 годом от сотворения мира —
первоапостольскими временами.*

Не на этих ли опорах и стоял Пергамский алтарь?

Скальный монастырь в Каппадокии.

*Своими “лапчатыми” крестами крестоносцы
пытались закрыть чудесные фрески
в каппадокийских пещерах.*

*На капище Артемиды Эфесской
лишь квакают лягушки и американцы.*

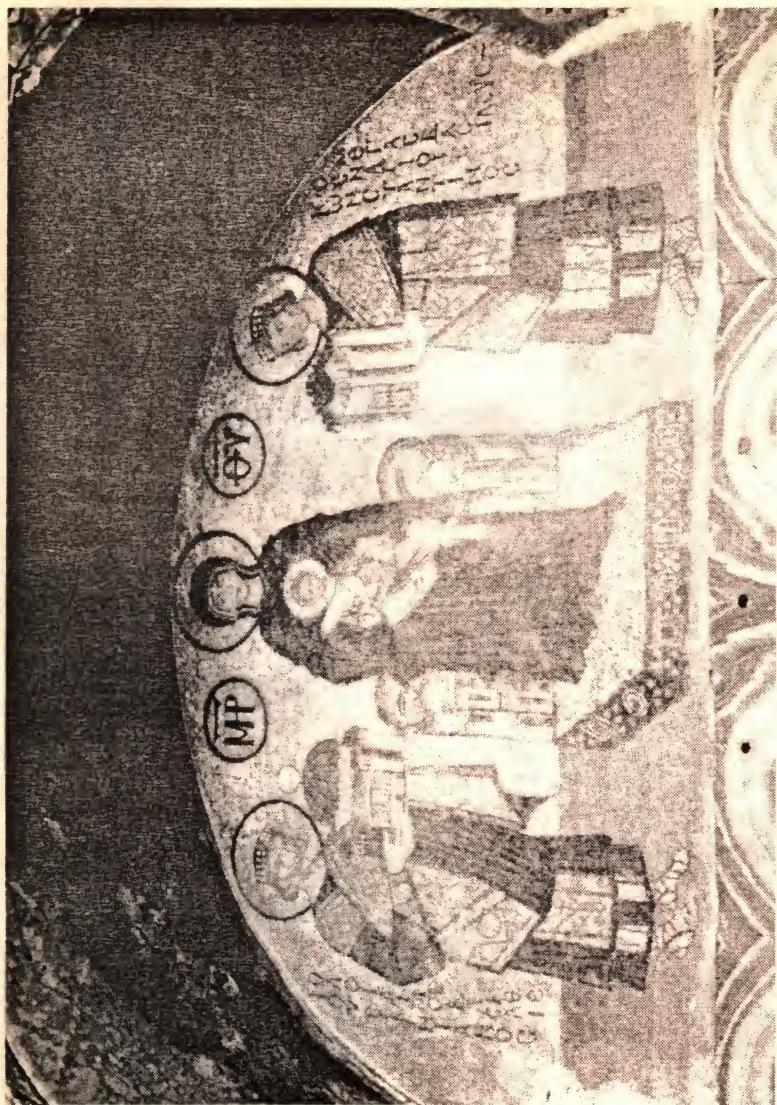
Вот они. Золотые ворота Царьграда!

*Беломраморная могила Апостола любви —
Иоанна Богослова в Эфесе.*

*Нерукотворная фигура Богородицы среди пещер
пустынников Каппадокийских. Таково еще одно
напоминание о метафизической неразрушимости
Православного Царства.*

*Мозаика в святой Софии.
Царь Константин преподносит основанную
им столицу Царице Небесной.*

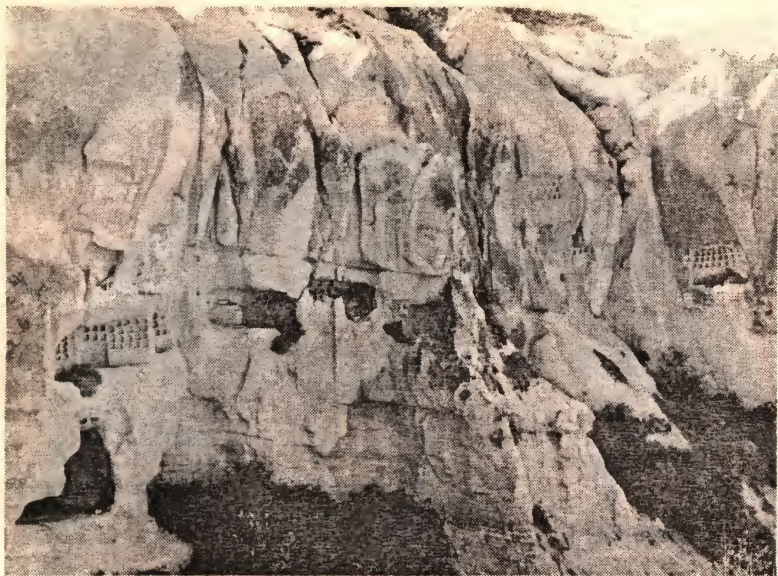
Крестообразная крестильня в Эфесе.

*Победительница иконоборчества царица Ирина
печально смотрит на окружающие ее
поруганные фрески.*

*Почти все фрески в каппадокийских пещерах
выглядят так.*

*Эти каппадокийские скалы были
сплошным иконостасом.*

Типичный каппадокийский пейзаж.

*Как и мавзолей Ленина, Пергамское капище
имело обширную подземную часть.*

*Олицетворяющая Аскления змея —
на многих камнях Пергама.*

Схимонах Илларион.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1]. Псалтирь в святоотеческом изъяснении. Святая Гора Афон, 1997.
- [2]. Афонский исихаст. Алмааты, 1999.
- [3]. Афонский патерик. М., 1897.
- [4]. Беляев Леонид. Христианские древности. М., 1998.
- [5]. Василиадис Н. Таинство смерти. Свято-Троицкая Сергиевая Лавра, 1998.
- [6]. Монах Власий. Сияние святости. М., 1999.
- [7]. Воропаев В.А. Отец Матфей и Гоголь; Афанасьев В.В. Православный философ. Пермь, 2000.
- [8]. Св. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих. М., 1995.
- [9]. Даниил Катунакийский. Воин Христов. Советы ищущим спасения. М., 1998.
- [10]. Дугин А. Конспирология. М., 1993.
- [11]. Творения святителя Игнатия. Аскетические опыты. Т. I. М., 1996.
- [12]. Епископ Игнатий (Брянчанинов). Письма о подвижнической жизни. Париж — М., 1995.
- [13]. Игумен русских святогорцев. Жизнеописание схиархимандрита Макария (Сушкина) М., 1998.
- [14]. Митрополит Иерофей (Влахос). Одна ночь в пустыне Святой Горы. Беседы с пустынником об Иисусовой молитве. Свято-Троицкая Сергиевая Лавра, 1997.
- [15]. Митрополит Иерофей (Влахос). Православная духовность. Свято-Троицкая Сергиевая Лавра, 1999.
- [16]. Жизнеописание старца иеросхимонаха Стефана (Игнатенко). М., 1999.
- [17]. Житие молдавского старца Паисия Величковского, составленное схимонахом Митрофаном. "Паломник".
- [18]. Протоиерей Иоанн Журавский. О внутреннем христианстве. "Сатис", 1994.
- [19]. Зайцев Б.К. Афон. М., С.-Пб. 1998.

[20]. Емельяненко Георгий. Услышьте славяне все Слово. Санкт-Петербург, 1998.

[21]. Схимонахъ Илларионъ. На горахъ Кавказа. С.-Пб., 1998.

[22]. Старец Иосиф Афонский. Изложение монашеского опыта. Свято-Троицкая Сергиевая Лавра, 1998.

[23]. Архимандрит Рафаил (Карелин). Христианство и модернизм. М., 1999.

[24]. Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. М., 1996.

[25]. Концевич И.М. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. Издательский отдел Московского Патриархата, 1993.

[26]. Крустулакис Григорий. Старец Порфирий, духовный отец и наставник (1906-1991), 1998.

[27]. Диакон Андрей Кураев. О нашем поражении. С.-Пб., 1999.

[28]. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996.

[29]. Назаров Михаил. Тайна России. Историософия XX века. М., 1999.

[30]. "Начала". Имябожие. N 1-4, 1998.

[31]. Новиков В.И. Масонство и русская культура, М., 1998.

[32]. Объ умной или внутренней молитвѣ. Сочинение блаженного старца схимонаха и архимандрита Паісія Величковскаго. М., 1992.

[33]. Овчинников Всеволод. Вознесение в Шамбалу. М., 1997.

[34]. Паисій Величковскій. Объ умной или внутренней молитвѣ. М., 1902.

[35]. Памфил Евсевий. Жизнь блаженного вазилевса Константина. М., 1998.

[36]. Памфил Евсевий. Церковная история. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1993.

[37]. Письма Святогорца. М., 1895.

[38]. Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998.

[39]. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983.

[40]. Россия перед Вторым Пришествием. М., 1994.

[41]. Свенцицкий В. Граждане Неба. Мое путешествие к подвижникам Кавказских гор. "Сатись", 1994.

[42]. Старец Силуан Афонский. Подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря в г.Москве, 1996.

[43]. Тацис Дионисий. Архондарик под открытым небом. М., 1998.

[44]. Тацис Дионисий. Когда чужая боль становится своей. Жизнеописание и наставления схимонаха Паисия Афонского. М., 1999.

[45]. Тацис Дионисий. Поучения старцев. М., 1999.

[46]. Умное делание (О молитве Иисусовой). М., 1998.

[47]. Успенский Л. Богословие иконы. Издательство Западно-Европейского экзархата. Московский патриархат. 1996.

[48]. Флоренский П.А. Иконостас. М., 1994.

[49]. Архимандрит Херувим. Из удела Божией Матери. Киев. 1998.

[50]. Холл Мэнли П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Т. I, II. Новосибирск, 1992.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

<i>АФОН И КОНЕЦ СВЕТА</i>	5
<i>Мы в Византии</i>	7
<i>“Лампада Вратарницы”</i>	9
<i>Монахи и бесы</i>	12
<i>На склонах Святой Горы</i>	17
<i>Под пенью терирема</i>	21
<i>Восхождение к восьмому дню</i>	24
<i>Примечания</i>	29

<i>ТАК СПИТ ЛИ МЛАДЕНЕЦ?</i>	54
<i>Пещерка над пропастью</i>	55
<i>Кельи старца Силуана</i>	60
<i>Память смертного часа</i>	63
<i>“Мерседесом” на Фавор</i>	66
<i>Небесный живописец</i>	69
<i>Что за “шитом Давида”?</i>	71
<i>Родословие духа</i>	75
<i>Кислая трапеза зилотов</i>	78
<i>Из Ватопеда в Русик</i>	83
<i>Дары адресованы нам</i>	87
<i>Прикровенная империя</i>	90
<i>Битва за Царьград?</i>	98
<i>Геополитика веры</i>	103
<i>Варлаам вернулся?</i>	106
<i>Огнь свидетельства</i>	112
<i>Отцовский череп</i>	115
<i>О масонах, зилотах и страшных трупах</i>	118
<i>Есть ли чудеса в России?</i>	123
<i>Деметра без макияжа</i>	126
<i>Разговор с еретиком</i>	129
<i>Старец не от мира сего</i>	131
<i>Размышление о тайном братстве</i>	136
<i>Наступить на аспиды</i>	141
<i>Тайна шестого часа</i>	144
<i>Примечания</i>	146

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Страдание двадцати шести святых преподобномучеников Зografских (фрагмент из Афонского патерика)</i>	210
--	-----

<i>БИБЛИОГРАФИЯ</i>	235
---------------------------	-----

+ + +

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

Выпущена новая видеокассета Юрия Воробьевского об Афоне. Много из того, о чем рассказывается в этой книге, вы сможете увидеть своими глазами. Хронометраж 90 минут.

Продаются также кассеты с документальными экранизациями книг Юрия Воробьевского "Стук в Золотые врата", "Точка Омега", "Шаг змеи" и "Знамена ада". Последняя из этих кассет называется "Власть царская". Уникальная хроника, эксклюзивные интервью, редкие кадры. Комментирует автор.

Обращайтесь в книжный магазин Сретенского монастыря (Большая Лубянка, 17); магазин храма "Нечаяная Радость" (тел. 2188251).

Юрий ВОРОБЬЕВСКИЙ

НАСТУПИТЬ НА АСПИДА
(Неожиданный Афон)

В авторской редакции
Технический редактор — Федченко М.Г.
Компьютерная верстка — Z.aRT

Подписано в печать 30. 06. 2000 г. Формат 84 х 108 1/32.
Бумага газетная. Печать офсетная . Усл. печ. л. 25,2. Тир. 888. Зак. 341.
Цена договорная.

